premio letterario italo-russo per giovani autori e traduttori

Raduga

ALMANACCO LETTERARIO

7

Conoscere Eurasia Edizioni

российско-итальянская литературная премия для молодых авторов и переводчиков

Raduga

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

БАНК ИНТЕЗА

МИР ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 40 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 25 регионах России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

* * *

Banca Intesa è la sussidiaria russa del gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 40 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 25 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

VII

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.
Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 50 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация "Познаем Евразию"

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией и одновременно налаживание новых связей со странами евразийского региона, исходя из глобального видения, согласно которому культура и экономика рассматриваются как важнейшие факторы, обеспечивающие благосостояние народов, – такова задача Ассоциации «Познаём Евразию», некоммерческой организации со штаб-квартирой в Вероне, основателем и президентом которой является профессор Антонио Фаллико.
Ассоциация осуществляет широкую деятельность в сфере культуры, включающую как долговременные проекты – например, курсы русского языка с последующей выдачей сертификатов в сотрудничестве с Институтом русского языка имени А.С. Пушкина, так и мероприятия в экономической сфере – семинары и форумы, которые проводятся в различных итальянских городах и число которых с 2008 года достигло полусотни. Разнообразная и непрерывная деятельность ассоциации получила признание на международном уровне и превратила «Познаём Евразию» в одну из главных итальянских организаций, развивающих связи между Италией, Россий и Евразийским экономическим союзом. Можно без преувеличения сказать, что «Познаём Евразию», проявляя редкую прозорливость, предугадывает разворачивающиеся в наши дни геополитические изменения.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 è stato introdotto l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa.
Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi "Letteratura" e "Letteratura e traduzione letteraria". Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali, e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2016 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© 2016 данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

31729 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

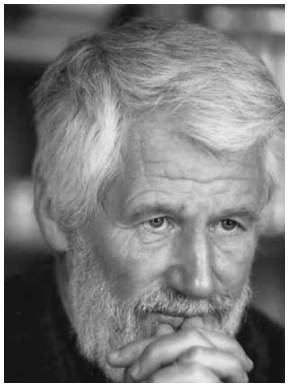
Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Questo libro contiene i racconti dei dieci finalisti della settima edizione del Premio Letterario Raduga, riservato ai giovani scrittori, italiani e russi, dai 18 ai 35 anni. La traduzione dei testi è stata eseguita da altrettanti giovani traduttori dei due Paesi. Quest'anno i partecipanti al Premio, scrittori e traduttori, provenienti da varie regioni della Federazione Russa e dell'Italia, sono più numerosi di quelli dell'anno 2015. Ma soprattutto constatiamo con soddisfazione che i loro scritti rivelano una maggiore maturazione ideale e una notevole qualità letteraria. Un racconto dal titolo *Limen*, qui pubblicato, non si stenta a definirlo persino "perturbante".
Questo dimostra che non viene disattesa la finalità del Premio Raduga, istituito per sostenere l'impegno letterario di quei giovani che vogliono migliorare la società in cui vivono, producendo una scrittura creativa, libera e improntata agli ideali umanistici.
Per tale ragione Banca Intesa si sente impegnata e onorata nel sostenere questa iniziativa, che ha una valenza non solo letteraria, ma anche etica e politica nel senso più alto del termine.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Под обложкой этой книги собраны рассказы десяти финалистов литературной премии «Радуга», которая проводится уже в седьмой раз. Премия обращена к молодым итальянским и российским писателям в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет. Перевод рассказов также выполнен молодыми переводчиками двух стран. В нынешнем году участников конкурса, писателей и переводчиков из различных регионов Российской Федерации и Италии, больше, чем в 2015 году. С особым удовлетворением мы отмечаем, что их работы свидетельствуют о внутренней зрелости и об очевидных литературных достоинствах. Один из публикуемых рассказов, озаглавленный «Limen», и вовсе способен перевернуть взгляд читателя на мир.
Все это говорит о том, что цели премии «Радуга» достигнуты, ведь премия была учреждена для поддержки литературных усилий молодежи, стремящейся улучшить общество, в котором живет, создавая проникнутые духом свободы и верные гуманистическим идеалам произведения.
Поэтому Банк Интеза считает для себя честью поддерживать эту инициативу которая имеет не только большое литературное, но и этическое и политическое значение.

Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы



Седьмой конкурс российско-итальянской премии «Радуга» для молодых прозаиков и переводчиков вновь подтвердил ее растущую репутацию и расширение ее географии и популярности. Как и прежде, на географической карте премии появляются все новые и новые литературные точки. На сей раз на конкурс поступило около четырехсот работ не только из Москвы или Санкт-Петербурга, Калининграда или Нижнего Новгорода, Краснодара или Волгограда, Новосибирска или Томска, Владивостока или Улан-Удэ, Саратова или Ростова, Симферополя или Севастополя, но и из иных городов, поселков и сел Башкортостана, Татарстана, Мордовии, Чувашии, Карелии, Дагестана, Московской, Ленинградской, Мурманской, Самарской, Тверской, Смоленской, Астраханской и других областей. Примечательно, что и в пятерку лучших вошли представители нестоличных регионов. Как и в последние два года, авторы присланных на конкурс работ проявили повышенный интерес к социальным вопросам и конфликтам повседневной жизни, к нравственным коллизиям личности в ее взаимоотношениях с окружающим миром.
Пожелаем номинантам и победителям, а также участникам будущих конкурсов новых творческих успехов.

Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

La settima edizione del Premio italo-russo Raduga per giovani narratori e traduttori ha nuovamente confermato la sua reputazione in continua ascesa, ampliando la sua geografia e la sua popolarità. Come in precedenza, sulla carta geografica del Premio compaiono molti altri nuovi punti letterari. Stavolta sono pervenuti circa quattrocento lavori non soltanto da Mosca e San Pietroburgo, Kaliningrad e Nižnyj Novgorod, Karsnodar e Volgograd, Novosibirsk e Tomsk, Vladivostok e Ulan-Ude, Saratov e Rostov, Simferopol' e Sebastopoli, ma anche da altre città, paesi e centri minori del Baškortostan, Tatarstan, Mordovia, Čuvašia, Karelia, Dagestan, dalla regione di Mosca, Leningrado, Murmansk, Samara, Tver', Smolensk, Astrachan e altre. È significativo che la cinquina finalista comprenda rappresentanti di regioni non maggioritarie. Come negli ultimi due anni, gli autori hanno presentato opere che rivelano un crescente interesse per le questioni sociali e i conflitti della vita quotidiana, per lo scontro morale della persona nelle sue relazioni con la realtà circostante.
Auguriamo ai candidati e ai vincitori, così come ai partecipanti delle future edizioni, nuovi successi creativi.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno alla settima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Il Premio, nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. L'intento è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско-российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в седьмой раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе.

В первую очередь премия создавалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско-итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Albo d'oro del Premio Raduga

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani
Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova
Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva
Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova
Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi
Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin
Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola
Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli
Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti
Bulgun Čimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin
Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani
Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko
Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova
Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova
Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi
Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Победители и финалисты Премии «Радуга»

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты
Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты
Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты
Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты
Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi
Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero
Alëna Čurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah
Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov
Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3

Giovani narratori italiani
Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova
Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova
Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi
Ekaterina Brjuchova, traduzione in italiano di Linda Torresin
Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli
Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli
Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli
Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin
Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani
Nicola Carboni, traduzione in russo di MarijaVolodina
Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja
Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты
Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алессандры Фьяндры

Итальянские финалисты
Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты
Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov
Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi
Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli
Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci
Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo
Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova
Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani
Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa
Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik
Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova
Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko
Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Giovani narratori russi
Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo
Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala
Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni
Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov
Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алессандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты
Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской-Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская-Марцевая и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты
Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты
Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6

Giovani narratori italiani
Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kuličichina
Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja
Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman
Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbačjova
Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi
Irina Bogatyrjova, traduzione in italiano di Maria De Caro
Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina
Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari
Gala Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov
Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты
Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларии Сикари
Гала Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Маструццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

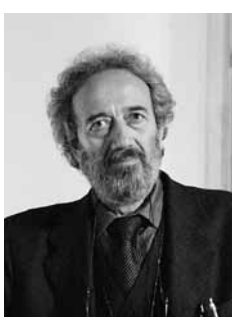
Итальянские финалисты
Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Ноэми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой автор»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Giuria italiana
Итальянское жюри

Marco Drago (Canelli, 1967) è scrittore e autore radiofonico. Tra i suoi libri ricordiamo *L'amico del pazzo* (1998), *Zolle* (2005) e *La prigione grande quanto un paese* (2013). Ha diretto per diciotto anni la rivista "Maltese Narrazioni" ed è direttore della collana di e-book "Laurana Reloaded". Scrive per "Vanity Fair" e "Il Giornale".

Марко Драго (Канелли, 1967), писатель, радиоведущий. Автор книг «Друг сумасшедшего» (1998), «Глыбы» (2005) и «Тюрьма размером с целую страну» (2013). На протяжении восемнадцати лет руководил журналом «Мальтезе Наррацьони», куратор серии электронных книг «Лаурана Релоадед». Сотрудничает в изданиях «Вэнити фэйер» и «Иль Джорнале».



Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria "Anterem". Fa parte del comitato scientifico di "Osiris" (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli "Amici della Scala" di Milano. Dirige la collana di filosofia "Narrazioni della conoscenza" (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Inge Feltrinelli (Essen, 1930), presidente della Giuria italiana, presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, presidente onorario delle oltre cento Librerie Feltrinelli, vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania, Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Инге Фельтринелли (Эссен, 1930), председатель итальянского жюри. Президент издательства «Джанджакомо Фельтринелли», почетный президент свыше 100 книжных магазинов «Фельтринелли», вицепрезидент холдинга «Эффе». Кавалер орденов «За заслуги перед Итальянской республикой» и «За заслуги перед Федеративной республикой Германия», командор «Ордена искусств и литературы» (Франция). Член Европейской академии Юсте (кресло Клары Цеткин).

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Stefania Pavan (Rovigo, 1948), professore di Letteratura russa all'Università di Firenze sino all'ottobre 2012, è a tutt'oggi coinvolta in iniziative culturali ed editoriali legate alla Russia. È autrice di traduzioni, saggi e monografie, tra cui quelle dedicate a Vladimir Nabokov, Andrej Sinjavskij, Iosif Brodskij e Michail Osorgin. Nel 2014 ha curato la traduzione delle *Lettere di un viaggiatore russo* di Nikolaj Karamzin.

Стефания Паван (Ровиго, 1948), до октября 2012 г. преподавала русскую литературу во Флорентинском университете, в настоящее время продолжает активно участвовать в связанных с Россией культурных и издательских проектах. Переводчик, автор статей и книг о творчестве Владимира Набокова, Андрея Синявского, Иосифа Бродского, Михаила Осоргина и др. В 2014 г. под ее редакцией был переиздан итальянский перевод «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, принадлежащий М. Олсуфьевой.

Sergio Pescatori (Venezia, 1941 - Verona, 2015) è stato professore a contratto di Lingua e letteratura russa dell'Università di Verona. Ha lavorato in varie università italiane. Si è occupato di linguistica, di traduzione, di letteratura. Ha curato un volume su Brodskij (Atti del Convegno di Venezia, 2000) e uno sullo studio del russo in Europa (Convegno di Verona, 2005).

Серджо Пескатори (Венеция, 1941 – Верона, 2015), профессор Факультета иностранных языков и литератур Веронского университета. Преподавал русский язык и литературу в различных итальянских университетах. В круг его интересов входили языкознание, литература, теория перевода. Под его редакцией вышли материалы конференций об Иосифе Бродском (Венеция, 2000) и о русском языке в Европе (Верона, 2005).

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ. Главный редактор журнала «Литературная учеба».

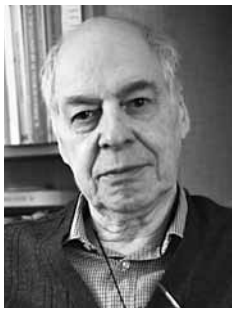
Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'šaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa. Direttore della rivista "Literaturnaja učëba".

Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie "Oktjabr'" e "Znamja". Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

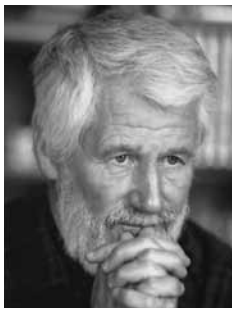
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака.

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak.



Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной премии Италии в области художественного перевода, премии Монтале, премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.



Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006 – 2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана за исследования по итальянистике и Премии имени Н. В. Гоголя в Италии за перевод. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato di Lingua e letteratura italiana all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana per le sue ricerche di Italianistica e il Premio N.V. Gogol' in Italia per la traduzione. In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Iacopo Barison	Якопо Баризон
Maria Gaia Belli	Мария Гайя Белли
Pier Franco Brandimarte	Пьер Франко Брандимарте
Pietro Federico	Пьетро Федерико
Andrea Giovanni Taietti	Андреа Джованни Тайетти

Iacopo Barison

Traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Якопо Баризон

Перевод на русский язык Анны Лентовской

CINEMASCOPE

Il telefono vibra sul comodino. Aria dice qualcosa d'incomprensibile, riprende fiato e poi sottolinea: "Il mio cane non si muove più".
"Cos'è successo?"
"Non lo so, si è addormentato e non si è più svegliato".
"È morto?" le chiedo io, provando a usare un tono compassionevole.
"Potrebbe, ma ho paura di controllare".
"Dove sei?"
"Sono immobilizzata a letto. Non voglio scendere".
Aria, lo capisco dalla sua voce, ha appena smesso di piangere. "Vuoi che ti raggiunga? Posso uscire di casa in meno di dieci minuti".
"Cinemascope, mi senti?"
"Sto per uscire" le dico, mentre cerco i vestiti qua e là. Afferro i jeans da una sedia, poi la t-shirt dall'armadio in disordine. Vorrei fare più in fretta, ma stanotte ho dormito poco e mi sento debole.
"Svegliati, ti scongiuro. Non puoi farmi questo".
Scendo le scale, apro il frigorifero e prendo una Coca-Cola. Ne bevo un sorso, quindi cerco le chiavi di casa. "Aria, sto arrivando. Non muoverti da lì, resta a letto. Vedrai che Cinemascope starà bene".
"Non reagisce. Lo chiamo ma non si muove. Penso che sia...".
Lei sta di nuovo piangendo, e io esco di casa senza guardarmi allo specchio, finisco la Coca-Cola e la butto nel primo cestino che incontro. C'è il sole, ci saranno almeno trenta gradi. Sarebbe una giornata splendida, piena di potenziale, se non dovessi occuparmi di Aria e del problema di Cinemascope. Lei – come non manca di ribadire a chiunque, soprattutto a persone appena conosciute – è molto affezionata a quel cane e darebbe qualsiasi cosa per far

КИНЕСКОП

На тумбочке вибрирует телефон. Ария бормочет что-то невразумительное, потом переводит дух и сообщает:
– Мой пес не шевелится.
– Что с ним случилось?
– Не знаю, он уснул и больше не проснулся.
– Может быть, он умер? – спрашиваю я, стараясь говорить как можно более сочувственным тоном.
– Может, но я боюсь проверять.
– Где ты сейчас?
– Сижу в кровати. Вставать совсем не хочется.
Ария только что плакала – это понятно по голосу.
– Хочешь, я приду к тебе? Собираться мне недолго – через десять минут буду готов.
– Кинескоп, ты меня слышишь?
– Уже выхожу, – говорю я в трубку, а сам тем временем оглядываюсь, пытаясь сообразить, что надеть. Джинсы валяются на стуле, футболка – в шкафу, среди беспорядочно набросанной одежды. Хотелось бы соображать чуть побыстрей, но ночью я почти не спал и ослаб.
– Проснись, умоляю тебя. Не надо так со мной.
Спустившись по лестнице, я открываю холодильник, беру оттуда «Кока-колу», отхлебываю немного и попутно разыскиваю ключи от дома.
– Ария, я сейчас приду. Никуда не уходи, оставайся в кровати. Вот увидишь: с Кинескопом все будет в порядке.
– Он не откликается. Я зову его, а он не двигается. Думаю, он …
Она снова плачет, а я выхожу из дома, так и не взглянув на себя в зеркало, допиваю «Кока-колу» и выбрасываю банку в первую попавшуюся урну. На улице сияет солн-

sì che non morisse mai. L'ha aiutata a superare un paio di momenti difficili – *davvero* tremendi, ribadisce di solito, restando però sul vago e non accennando alla natura di tali problemi – e non saprebbe come gestire l'eventuale perdita. Io, dal mio canto, conosco Aria da una decina d'anni e so che ha passato dei periodi complicati (un fratello in *overdose* da barbiturici, il divorzio dei genitori, la convinzione scientifica che tutti la odiassero, eccetera), ma devo ammettere che la sua esistenza, perlomeno quella attuale, gode di una serie di privilegi che molti le invidierebbero. È alta e ha i capelli scuri, lunghissimi e spettinati, e si veste di nero e di grigio e ogni tanto di bianco. Inoltre, ma questo non lo racconta a nessuno, pensa che i morti vivano intorno a noi ed è convinta, in certe situazioni o in contesti specifici, di poter interagire con loro. Che io sappia, non ha mai baciato un ragazzo – o forse l'ha fatto ma ha reputato di non dovermelo dire. Sono certo, però, che l'eventuale morte di Cinemascope la scuoterebbe nel profondo, quindi accelero il passo e cerco di fare il più in fretta possibile. Tento di richiamarla, ma la linea non prende bene. Inizio a correre, fra circa un minuto sarò a casa sua, riesco già a vedere l'appartamento. La luce della tarda mattinata si riflette sulla vetrata d'ingresso, trasformando quel punto nel centro esatto dell'universo.

Di sopra, la situazione è grave ma in fin dei conti stabile. Resto fuori dalla camera, valutando il da farsi. Cinemascope è steso sul pavimento, probabilmente morto, e Aria è terrorizzata a letto ed entrambi i corpi non si muovono di un millimetro. Mi avvicino al cane, controllo la respirazione e scopro che in effetti è morto – non dà segni di vita, non reagisce agli stimoli – quindi apro l'armadio e cerco una coperta con la quale avvolgerlo. L'ho visto fare in un film, non ricordo quale. C'era una famiglia borghese a cui qualcuno ammazzava il cane (erano stati i vicini di casa, se non sbaglio, animati da una specie di schizofrenia di quartiere) e il padre tranquillizzava le figlie e le metteva a dormire e poi cercava un plaid malconcio e lo usava per avvolgere l'animale. Il

це, тридцать градусов жары – не меньше. Такой многообещающий день удался бы на славу, если бы мне не пришлось заниматься Арией и решать проблему с Кинескопом. Ария (о чем первым делом сообщается любым собеседникам, преимущественно, незнакомцам) очень привязана к своей собаке и отдала бы что угодно, лишь бы пес никогда не умер. Он помог ей пережить несколько непростых ситуаций – действительно ужасных, что Ария непременно подчеркивает, не вдаваясь в подробности и не уточняя характер этих ситуаций, и она даже представить себе не может, как бы справилась с его утратой. Я же знаком с Арией уже лет десять и знаю, что в ее жизни были непростые периоды (брат, переборщивший с барбитуратами, развод родителей, непоколебимая уверенность в том, что все ее ненавидят, и тому подобное), но должен признать, что на ее век, во всяком случае, нынешний, пришелся и ряд преимуществ, которым многие бы позавидовали. Ария – высокая девушка с темными, бесконечно длинными, растрепанными волосами, которая одевается в черное, серое и изредка в белое. Кроме того, хотя об этом она никому не рассказывает, она считает, что мертвые живут среди нас, и убеждена, что в определенных ситуациях или в определенной обстановке с ними можно вступить в контакт. Насколько мне известно, она никогда еще не целовалась с молодыми людьми, а если и целовалась, не посчитала нужным мне об этом сообщить. Так или иначе, я уверен, что смерть Кинескопа действительно стала бы для нее потрясением, поэтому я убыстряю шаг и спешу, что есть сил. Пытаюсь ей перезвонить, но связь обрывается. Мчусь со всех ног – до ее дома не больше минуты, я уже вижу ее квартиру. Предполуденное солнце заливает витраж на входной двери, превращая его в центр вселенной.

Наверху положение дел тяжелое, но, в целом, стабильное. Я остаюсь на пороге комнаты, чтобы решить, как действовать дальше. Кинескоп лежит на полу, возможно, мертвый, Ария в ужасе сидит на кровати, и оба не двигаются ни на миллиметр. Подхожу к собаке, проверяю дыхание и понимаю, что пес на самом деле умер – он не подает признаков жизни, не реагирует на внешние раздражители. Тогда я открываю шкаф и ищу там плед, в который можно его завернуть. Я видел такое в фильме – не помню, в каком.

giorno dopo, con la famiglia al completo, procedeva a seppellirlo in giardino – aveva scavato la buca durante la notte – e le due figlie pregavano mentre la madre improvvisava una storia sul paradiso degli animali, dove tutte le specie vivevano in armonia e nessuno moriva più. La storia era piuttosto confusa, ma faceva presa sulle bambine. Il padre, sempre più capofamiglia, stava finendo di riempire la buca, e io avevo cambiato canale.
"Aria, puoi voltarti adesso. È tutto a posto".
Lei continua a guardare in alto, un punto imprecisato del soffitto bianco. Mi chiedo a cosa stia pensando. Forse, in mezzo a tutto quel bianco, lei può realmente vedere i morti. Ho sempre creduto che il mondo, visto dai suoi occhi, fosse diverso dal mondo che conosciamo. Una versione simile ma differente, uno spazio oggettivo riempito dai fantasmi dei suoi vecchi animali domestici. Mi avvicino e le accarezzo un braccio. Aria, finalmente, prende coraggio e si volta. "Era vecchio", mi dice. "Dev'essere morto durante il sonno".
"Sì" rispondo, continuando ad accarezzarla. "Ogni tanto succede".
Lei si alza in piedi, senza guardare il cane, e io la seguo fuori dalla stanza. Resta nel corridoio, solo col reggiseno e un paio di pantaloni da basket. Ha i capelli sciolti, le arrivano a mezza schiena, e le gambe lunghe e la vita sottile. Sembra riflettere su qualcosa, e io vorrei essere come il padre del film di prima, saper prendere in mano la situazione, agire con pragmatismo, eppure non riesco a muovermi. Sono riuscito soltanto a gettargli una coperta addosso.
"Cosa facciamo?" le chiedo. "Forse dovremmo telefonare a qualcuno".
"Bisogna seppellirlo" mi dice. "Altrimenti morirà di nuovo".

Sbadigliamo sotto il sole di giugno, siamo entrambi stufi di camminare.
Purtroppo, lo zaino di Aria era troppo piccolo per contenerlo, quindi abbiamo spostato Cinemascope in un trolley da 20 chili. Sembrava che stessimo

Там у одной буржуазной семьи убили собаку (если не ошибаюсь, соседи, которыми овладело что-то вроде группового помешательства), и отец, успокоив дочерей и уложив их спать, отыскал старенький плед и завернул в него животное. На следующий день семья в полном составе хоронила пса в саду – отец ночью вырыл яму: дочери молились, а мать тем временем выдумывала что-то про рай для животных, где все породы зверей живут в согласии и никто больше не умирает. История выходила довольно путаная, но девочки были под впечатлением. Отец, утвердившись в роли главы семьи, как раз заканчивал закапывать яму, когда я переключил канал.
– Ария, можешь поворачиваться. Все в порядке.
Она продолжает смотреть наверх, в одну точку на белоснежном потолке. Интересно, о чем она думает. Может быть, посреди этой белизны она действительно видит мертвых. Я всегда был уверен, что мир в ее представлении не такой, каким мы его знаем. Ее версия похожа на нашу, но ее объективная реальность, в отличие от нашей, наполнена призраками ее прежних домашних питомцев. Я подхожу и глажу Арию по руке. Она, набравшись смелости, наконец оборачивается.
– Он был старый, – говорит она. – Наверное, он умер во сне.
– Да, – отвечаю я, продолжая гладить ее по руке. – Так бывает.
Ария поднимается с кровати, не глядя на собаку, и я выхожу вслед за ней из комнаты. Она стоит в коридоре, в лифчике и тренировочных штанах. Распущенные волосы доходят до середины спины, ниже – тонкая талия, длинные ноги. Она как будто о чем-то размышляет, а мне хочется стать таким же, как отец в фильме про убитую собаку: взять ситуацию под контроль, действовать прагматично – но я даже с места сдвинуться не могу. Пока мне удалось только набросить на пса плед.
– Что будем делать? – спрашиваю я. – Может, позвоним кому-нибудь?
– Нужно его похоронить, – говорит Ария. – Иначе он снова умрет.

Нас разморило под июньским солнцем, обоим надоело шагать.
К сожалению, в рюкзак Арии Кинескоп не поместился, и нам пришлось везти его в

partendo per il giro del mondo – sarebbe stato bello –, invece stavamo andando a seppellire un cane. Le ruote del trolley strisciavano sull'asfalto bollente e producevano il suono tipico degli aeroporti, delle stazioni, dei luoghi adibiti alle partenze o agli arrivi. Anziché i vestiti, però, c'era il corpo di un cane, che presto avrebbe emanato un cattivo odore.
Camminavamo da un quarto d'ora – avremmo camminato, in totale, per circa due ore – e Aria era taciturna e guardava il bordo del marciapiede, in fondo aveva appena perso un cane con cui viveva da dodici anni. Se lo ricorda perfettamente, era inverno e fuori stava nevicando. L'aveva trovato al canile, nell'ultima gabbia del corridoio prospettico. Le ciotole d'acqua avevano un sottile strato di ghiaccio. I suoi genitori, dopo una breve discussione, si erano convinti ad accompagnarla. Stavano ancora insieme, all'epoca, e litigavano spesso ma senza gridare mai, si insultavano sottovoce. Davano grandi prove di autocontrollo, cambiando discorso quando la figlia entrava nel loro campo visivo.
Davanti a casa, ho chiesto ad Aria di aspettarmi fuori e di badare al trolley. Io, invece, sarei entrato e avrei frugato in garage alla ricerca di una pala – ero sicuro di averla vista, ma a volte sono sicuro di cose che non sono mai avvenute, dunque era meglio controllare.
"Hai presente quando perdi qualcuno di cui non puoi fare a meno?" mi ha chiesto Aria. Era seduta sui gradini della veranda, in un piccolo cono d'ombra, e il trolley era là dove l'avevo lasciato, oltre il giardino ma prima del viale alberato.
"Avresti dovuto spostarlo all'ombra" le ho detto indicando il trolley.
"Hai ragione, scusa. L'hai trovata?"
Aria si è alzata in piedi, abbassandosi il vestito bianco. La domanda era retorica, dato che tenevo la pala in mano e lei l'aveva già notata. Voleva soltanto essere rassicurata. "Sì, l'ho trovata. Dove vuoi seppellirlo?"
"Vieni con me" mi ha risposto, e io l'ho seguita e abbiamo camminato per due

двадцатикилограммовом чемодане на колесиках. Казалось, будто мы отправляемся в кругосветное путешествие, это было бы неплохо, но шли мы хоронить собаку. Колеса чемодана катились по раскаленному асфальту со звуком, характерным для аэропортов, вокзалов – мест, обустроенных для отправлений и прибытий. Но вместо одежды в чемодане лежал труп собаки, который очень скоро должен был дурно запахнуть.

Мы шагали уже минут пятнадцать, а в общей сложности нам предстояло прошагать около двух часов. Ария была молчалива, разглядывала край тротуара – само собой, она ведь только что потеряла собаку, с которой прожила двенадцать лет. Она отлично помнит тот день: была зима, шел снег. Она нашла Кинескопа в собачьем питомнике, в последней клетке, в конце арочного коридора. Миски с водой были покрыты корочкой льда. Ее родители, недолго поспорив, все-таки решились отвести ее туда. Тогда они еще были вместе и часто ссорились, хотя никогда не повышали голоса – оскорбляли друг друга полушепотом. Кроме того, оба преуспели в искусстве самоконтроля и меняли тему, как только в поле зрения появлялась дочь.

У моего дома я попросил Арию подождать снаружи и посторожить чемодан. Я собирался войти и поискать в гараже лопату: я был убежден, что видел ее там, но, поскольку порой я бываю убежден в том, чего не происходило, решил проверить.

– Знаешь, каково это – потерять кого-то, без кого не можешь обходиться? – спросила Ария.

Она сидела на ступенях веранды, на небольшом затененном островке, а чемодан стоял там, где я его оставил – за пределами сада, не доходя до аллеи.

– Лучше поставить его в тень, – сказал я, указывая на чемодан.

– Конечно, прости. Нашел лопату?

Ария поднялась и одернула белое платье. Вопрос был риторический, потому что я стоял с лопатой в руках, и она это уже заметила. Ей просто хотелось чувствовать себя более уверенно.

– Да, нашел. Где ты хочешь его похоронить?

– Пойдем, – сказала она в ответ, я последовал за ней, после чего мы прошли пешком

ore e dieci minuti. Facendo un rapido calcolo, Cinemascope era già morto da almeno quattro, forse cinque.
Abbiamo attraversato la città, siamo saliti in collina e ora la guardiamo dall'alto, dominandola e prendendoci per mano. Abbiamo sbadigliato insieme. Tutte le case, tutte le costruzioni sono minuscole. L'unica sagoma distinguibile è quella della centrale elettrica. La mano di Aria, nonostante il sole sia ancora alto, è fredda e asciutta e i suoi capelli seguono la linea delle spalle e poi vanno oltre.
"Guarda" le dico. "Questo è tutto il nostro mondo. Se sali abbastanza in alto, puoi contenerlo in un solo sguardo".
Ci spostiamo di qualche metro, scegliamo un punto in cui il terreno sia facile da scavare. Dopo mezz'ora, la buca è pronta e io mi avvicino al trolley. Aria si volta e trattiene il respiro. Appoggio Cinemascope nella cavità, controllando che lei non si volti, dunque mi rimetto al lavoro. Guardandolo, mi rendo conto che il suo corpo – il dorso oblungo, il muso sproporzionato e le zampe corte – sembra realmente deformato da qualche lente, come nei vecchi film. Nonostante ciò, l'insieme è perfettamente armonico, di una bellezza che faticherei a descrivere.
"Ho finito" le dico. Il corpo di Cinemascope è sottoterra, non si vede più niente. La buca è stata riempita. Al suo posto, c'è una lieve curvatura verso l'esterno. "Domani, magari, possiamo tornare e portargli dei fiori".
"No, preferisco ricordarlo da vivo. I morti sono ingombranti".
"Va bene".
"Torniamo a casa?" mi chiede Aria, quindi inizia a incamminarsi senza che io la segua. Resto fermo a guardare la centrale elettrica, poi mi concentro sulle case e sulle strade dove inspiegabilmente non passano macchine. Una volta, quest'orizzonte combaciava col mio universo. Ora, invece, è solo una provincia da cui fuggire, dove i cinema stanno chiudendo e i film in programmazione sono vecchi di settimane.

еще два часа десять минут. Навскидку, Кинескоп был мертв уже не меньше четырех или пяти часов.

Мы вышли за городскую черту, поднялись на холм – и вот уже мы смотрим на город сверху вниз, возвышаемся над ним и держимся за руки. Зевнули мы одновременно. Все дома, все постройки внизу кажутся крошечными. Разглядеть можно только очертания электростанции. Рука Арии, хотя солнце еще высоко, холодная и сухая, волосы обволакивают плечи и стекают вниз.

– Смотри, – говорю я ей. – Это весь наш мир. Если забраться повыше, можно охватить его одним взглядом.

Отойдя на пару метров, мы выбираем место, где землю копать легче всего. Спустя полчаса яма готова, и я направляюсь к чемодану. Ария отворачивается и стоит, затаив дыхание. Я кладу Кинескопа в вырытое углубление, внимательно следя, чтобы она не обернулась, после чего снова принимаюсь за работу. Глядя на труп собаки, я вдруг понимаю, что его очертания – продолговатая спина, непропорциональная морда, короткие лапы – как будто деформированы объективом, как в старых фильмах. Несмотря на это, все в совокупности идеально гармонично и красиво до такой степени, что не поддается описанию.

– Готово, – говорю я. Тело Кинескопа под землей, больше ничего не видно. Яма зарыта. На ее месте виднеется небольшое возвышение.

–– Завтра можем вернуться и принести ему цветы.

– Нет, лучше я буду помнить его живым. С мертвыми слишком тесно.

– Как скажешь.

– Пойдем домой? – спрашивает Ария и отправляется восвояси, не глядя, иду ли я за ней. Я, не двигаясь с места, рассматриваю электростанцию, потом перевожу взгляд на дома и на шоссе, по которому, странным образом, не ездят машины. Когда-то этот горизонт очерчивал границы моей вселенной. Теперь это просто провинция, из которой надо бежать, где кинотеатры закрываются и где недели напролет показывают одни и те же фильмы.

Raggiungo Aria, che nel frattempo si era fermata. Mi aspettava seduta sul trolley, giocherellando con la chiusura zip. Scendiamo dalla collina e sbuffiamo, mentre il sole sta tramontando. A metà strada, lei mi dice che sembro stanco e io le rispondo che va tutto bene, un giorno ce ne andremo da qui e diventeremo famosi.

Догоняю Арию, которая тем временем остановилась меня подождать, уселась на чемодан и теребит его застежку. Мы спускаемся с холма и переводим дух в лучах заходящего солнца. Где-то на середине пути она говорит мне, что у меня усталый вид, а я отвечаю, что все отлично: однажды мы уедем отсюда и станем знаменитыми.

Nota critica

Questo racconto si configura come una meditazione sulla morte: un'esperienza vissuta non quale limite, ma come *soglia* tra visibile e invisibile. Sostiene infatti la protagonista di *Cinemascope* che i morti vivano intorno a noi, ed è convinta che in certe situazioni o in contesti specifici si possa interagire con loro.
La vicenda è semplice. Il cane di Aria, questo è il nome della protagonista, muore. Aria chiede aiuto a un amico (l'Io narrante del racconto) per seppellirlo, perché altrimenti "morirà di nuovo".
Il cane si chiama Cinemascope. Dandogli questo nome, Aria rivela la sua concezione della vita: l'esistenza è uno schermo cinematografico; davanti a noi – sullo schermo – c'è chi vive, ben visibile; dietro lo schermo c'è chi muore, non più visibile, ma comunque presente. "I morti sono ingombranti" afferma a questo proposito Aria.
Raccontare non significa riprodurre un mondo già formato, bensì aprirsi a quei segreti di possibilità che nell'invisibile – cioè tra i morti – si celano. Raccontare, ci dice Iacopo Barison, apre una sfera invisibile che richiede una seconda vista, uno sguardo profondo: il dispiegamento di mondi possibili che conducono a interrogare sempre di nuovo la nostra vita e il nostro spazio su questa terra.
Seguendo questo ragionamento ben si capisce perché Aria, pur essendo profondamente affezionata al suo cane, nemmeno osi toccarlo, dopo la morte, né accarezzarlo prima della sepoltura. È come se avesse il terrore di sporgersi… dietro lo schermo e di entrare in contatto con la sfera dell'invisibile.
Il sentimento della morte è vissuto da Aria non come dissoluzione e disgregazione, ma come scioglimento e momentanea separazione; esattamente come in un cinema, dove dopo i titoli di coda il film ricomincia… Insomma, si raggiunge un limite e poi si riprende a vivere.
Ne sono consapevoli i due ragazzi quando alla fine del racconto – posando lo sguardo sull'orizzonte ristretto della provincia in cui sono cresciuti – pronunciano una battuta in puro stile cinematografico: "Un giorno ce ne andremo da qui e diventeremo famosi".

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ «Кинескоп» – это размышление на тему смерти, которую автор анализирует не как границу между видимым и невидимым мирами, а как *промежуток* между ними. Главная героиня рассказа убеждена, что мертвые живут среди нас и что в определенных ситуациях или в определенной обстановке с ними можно вступить в контакт.
Сюжет довольно прост. У Арии, главной героини, умирает собака, и она просит друга (рассказчика от первого лица) помочь похоронить пса, чтобы тот «снова не умер».
Пса зовут Кинескоп. Выбрав ему такое имя, Ария делится своим восприятием жизни, согласно которому все мы существуем на киноэкране. На самом экране, прямо перед нами, мы видим ныне живущих, а по ту сторону экрана находятся умершие, которые уже не видны, но все так же присутствуют среди нас.
Рассказ подразумевает не воссоздание уже сложившейся реальности, а познание тайн, которые скрываются в невидимом мире – уделе мертвых. По мнению Якопо Баризона, рассказчик приоткрывает завесу над невидимой стороной мироздания, приглашает к более пристальному наблюдению за ней, к более глубокому размышлению, а открывшееся многообразие миров заставляет нас вновь и вновь задумываться о нашей жизни и о нашем месте на земле. Если исходить из этих предпосылок, становится понятно, почему Ария, глубоко привязанная к своему псу, после его кончины не решается ни потрогать его, ни даже погладить перед погребением. Она как будто боится заглянуть по ту сторону экрана и прикоснуться к невидимому миру.
Ария ощущает смерть не как разрыв, разъединение, а как расставание, временную разлуку – точно как в кино, где после финальных титров фильм начинается сначала. Иными словами, все приходит к своему логическому завершению, достигает своей границы, после чего жизнь начинается заново.
Об этом прекрасно знают юноша с девушкой, которые в конце рассказа, окидывая взглядом скудный горизонт провинции, где они выросли, произносят стилизованную кинематографичную фразу: «Однажды мы уедем отсюда и станем знаменитыми».

Флавио Эрмини

Biografia

Iacopo Barison, nato a Fossano (Cuneo) nel 1988, vive a Torino. Ha pubblicato il primo romanzo all'età di vent'anni, tratto dal suo *blog*. Suoi racconti e articoli sono comparsi su numerosi siti e riviste. Collabora con *minima&moralia*. A maggio 2014, per Tunué, nella collana di narrativa diretta da Vanni Santoni, è uscito il suo nuovo romanzo, *Stalin + Bianca*, candidato al Premio Strega 2015 e da cui presto verrà tratto un film, prodotto dalla Redibis di Daniele Segre e Daniele De Cicco. Inoltre, nel 2015, è stato selezionato dal Salone del Libro di Torino per l'iniziativa "Adotta uno scrittore".

Биография

Якопо Баризон родился в Фоссано в 1988 году, проживает в Турине. Свой первый роман, созданный на основе блога, автор опубликовал в двадцатилетнем возрасте. С его рассказами и статьями можно познакомиться в различных журналах и на многочисленных сайтах, среди которых литературное Интернет-издание «minima&moralia». В мае 2014 года в издательстве «Tunué», в серии произведений художественной литературы под руководством Ванни Сантони, вышел в печать новый роман Баризона – «Сталин + Бьянка», номинированный на премию «Стрега» в 2015 году и готовящийся к экранизации продюсерской кинокомпанией «Редибис» Даниеле Сегре и Даниеле Де Чикко. Также в 2015 году Якопо Баризон был отобран организаторами Туринской книжной ярмарки для участия в культурно-образовательном проекте «Пригласи писателя».

Maria Gaia Belli

Traduzione in russo di Jana Ar'kova

Мария Гайя Белли

Перевод на русский язык Яны Арьковой

LIMEN

Mio padre è morto più o meno due anni fa, quando l'ho trovato con la testa nel fieno e i piedi nella neve, dietro alla legnaia. In giro chiedono spesso del vecchio. Se devo, rispondo che non lo so, sarà fuori sulla dorsale, a far guai in qualche paese. Chi lo vuole lo cerchi. Invece è morto, e questo lo sappiamo io e mio marito. Lui che quella volta ha controllato con lo stetoscopio e ha fatto no con la testa, e io che ho preso la pala e sono andata giù nel bosco. Di ritorno era quasi notte, ho tirato via da terra una piantina di menta per strofinarmela sulle braccia. A riguardare tra gli alberi, strano, non ero ben sicura della strada che avevo fatto. Nel capanno poi faceva buio, freddo, uno schifo. Oltre a mio padre, erano morti anche vari topi, quell'anno, e lui non s'era disturbato a scansarli dal fondo della dispensa. C'era una bestia irriconoscibile appesa a seccare al gancio del soffitto. Il legno del pavimento marciva quasi del tutto. Ho guardato nel fondo di una pentola di rame, e c'era solo qualche osso di coniglio. All'albero fuori stava ancora la corda del cane, ma senza il cane. Il coltello se l'era tenuto nella cintura, e quello gliel'ho preso quando l'ho trovato, come anche il dente d'oro.
Ma tu dove dormivi qua in mezzo, mi ha chiesto mio marito da fuori la porta, quella volta, che non aveva proprio le palle per entrare lì dentro? Là, dove ora c'è tutta quella legna muffa, gli ho detto io. Andiamo a casa, si è messo a fare poi, che sembrava un bambino, andiamo a casa ti prego.
Siamo andati a casa, alla fine. Ho cenato e ho fatto una doccia, prima di dormire. Mi dispiace, mi dispiace per tuo padre, ha detto lui quando la luce era già spenta. Non ho risposto. Che tra tutta quella legna, e i topi, e gli avanzi, e la melma gelata, non so più dove era andata a finire tutta la mia roba.

Torno sulla dorsale almeno una volta a settimana. È lavoro, dico. Non capita quasi

LIMEN[1]

Отец умер года два назад. Я обнаружила его за поленницей: он лежал, уткнувшись лицом в сено, а ногами – в сугроб. Местные часто спрашивают у меня про старика. Если отмолчаться не получается, говорю, что не знаю, где он, наверно, ушел на перевал и ищет приключений в какой-нибудь деревушке. Кому надо, пускай сам его разыскивает. И только мы с мужем знаем, что он мертв. Муж тогда приложил к телу стетоскоп и покачал головой, а я взяла лопату и отправилась в лес. Вернулась я затемно, по дороге сорвала кустик мяты и натерла им руки по самые плечи. Вглядываясь в деревья, я удивилась, что слабо помню, как здесь оказалась. В хижине было темно, холодно и гадко. В тот год отец был не единственной жертвой: передохло много мышей, но он не удосужился убрать их трупики из чулана. На крюке под потолком висела высохшая туша неведомого животного. Деревянный пол прогнил почти насквозь. Я заглянула в медную кастрюлю, на дне которой лежало несколько кроличьих косточек. К дереву во дворе была привязана веревка, но собаки видно не было. Отец носил на поясе нож, я забрала его вместе с золотым зубом, когда нашла тело.

Где же ты тут спала, не переступая порога, спросил муж: зайти внутрь ему не хватило духу. Вон там, где куча замшелых поленьев, ответила я. Пойдем домой, заканючил он, будто ребенок, пойдем домой, ну пожалуйста.

В конце концов, мы пошли домой. Я поужинала и перед сном приняла душ. Мне жаль, мне очень жаль твоего отца, сказал он, лежа в темноте. Я промолчала. Среди поленьев, мышей, объедков, обледеневшей грязи должны были быть и мои вещи, но я не представляла, где их теперь искать.

---

[1] Limen (лат.) – вход, дверь, граница, порог. Также, «лиминальность» в психологии и антропологии – это пороговое или переходное состояние между двумя стадиями развития человека или общества. [NdT]

mai che faccio le stesse strade, ma vedo sempre gli stessi posti. Da sola, so dove fermarmi quando fa più caldo al sole, anche d'inverno, e fumo una sigaretta per qualche minuto. Vado a casa presto la mattina dopo, e svuoto sul retro del giardino le tasche piene di robaccia raccolta a terra. Un sabato pomeriggio ho visto l'albero. Il muschio, intanto, gli è cresciuto molto sulla schiena. E le mie cosce si sono gonfiate troppo per sedermi dentro alla biforcatura dei rami. Gli ho comunque tastato la corteccia, e se la cavava, anche con gli anni, tutto il freddo e l'umido. È la buona esposizione, mi sono detta, che quella strada, ormai, sono un bel po' di anni che la ritrovo solo per caso. Ho messo la mano nella pancia dell'albero, dal buco nero che entra come un'ascella tra quelle due braccia, ho sentito il muco morbido e le tarme del legno. Ho trovato lì quel che avevo nascosto.
Nell'albero c'è la bambola me. Una cosa orrenda, di cilindri di stoffa scuciti e due peli di lana neri in testa. Solo il vecchio mi ha vista quando la rubavo, da un banco del mercato, e entrava nella mia tasca. Pensando che poi ci volessi pure giocare, me le ha date col bastone. La bambola si è rovinata anche peggio, che gli finì sotto le scarpe, e non ci si poteva più fare quel che volevo – venderla. Poi è diventata me, quando il vecchio se l'è infilata in bocca e ha mangiato un braccio, masticato anche bene, e ha detto, se non prepari la cena ti faccio diventare come questa, e me l'ha ridata, m'ha detto guardala bene, tu sei così brutta uguale. Non c'erano proprio tanti specchi, di quei tempi. Io ero brutta uguale, era probabile. Quando il bambino grande del paese mi ha strappato i capelli dalla fronte, per farsi toccare, e io poi l'ho morso bene sul braccio, sono andata a casa e ho staccato i peli di lana dalla bambola me. Le ho dipinto i lividi viola con il carbone del fuoco sulle gambe, ma non si vedevano granché, e sono venuti via presto. L'ho portata con me nel bosco e l'ho affogata nel fiume, poi asciugata al sole. L'ha presa in bocca il cane, così è uscita la lana ruvida da sotto il collo. Ci ho frugato dentro con la punta di un bastone, è diventata magrissima. L'ho riempita di sassetti e l'ho buttata in testa a un uomo che ha perso sangue dal naso. Poi un pomeriggio, che ho

Раз в неделю, не реже, я возвращаюсь на перевал. Говорю, что иду по делу. Хотя почти каждый раз я выбираю новую дорогу, окрестности не меняются. Я хожу туда одна и уже знаю, где устроить недолгий привал и выкурить сигарету, будь то лето с его палящим солнцем или зима. Рано утром я возвращаюсь домой, направляюсь в глубину сада и выворачиваю карманы, доверху набитые всяким сором, подобранным по дороге. Одним субботним днем я наконец увидела то самое дерево. За эти годы его хребет зарос мхом. В развилку между ветвями мне уже было не влезть – располнели бедра. Тогда я просто погладила его кору, которая, как и прежде, хранила прохладу и влагу. Подумала про себя: хорошее все-таки место, ведь иначе как по чистой случайности я на эту дорогу уже давно не выхожу. Погрузив руку в чрево дерева, словно в чернеющую между двумя его предплечьями подмышечную впадину, я почувствовала под пальцами вязкую слизь и древесную тлю. Там я и нашла то, что когда-то спрятала.

В дупле лежала моя кукла-двойник. Голова еле держалась на тряпичном туловище, вместо волос – две черные шерстяные нитки. Только мой старик заметил, как я стянула ее с рыночного прилавка и сунула в карман. Заподозрив, что мне вздумается с ней нянчиться, он схватил палку и всыпал мне по первое число. Кукле пришлось куда хуже: ее он затоптал ногами, и я больше не надеялась ее перепродать. А потом она стала мной: однажды старик вцепился в нее зубами, откусил руку, пожевал как следует и сказал, что меня постигнет та же участь, если не приготовлю ужин, после чего отдал мне куклу и велел – взгляни хорошенько, такая же страхолюдина, как и ты. Зеркала тогда были редкостью, а я вполне могла на самом деле быть страхолюдиной. Как-то один из местных ребят пристал, чтобы я его пощупала, когда же он дернул меня за волосы и вырвал клок, я в ответ цапнула его за руку, а по возвращении домой вырвала шерстяные нитки у моей куклы-двойника. Углем из печки я нарисовала ей на ногах фиолетовые синяки, но они вышли блеклыми и быстро стерлись. Я взяла ее с собой в лес и утопила в реке, потом вытащила и высушила на солнце. После того, как куклу потрепала собака, из шеи у нее торчала шерстяная набивка. Я вооружилась палочкой, расковыряла куклу, затолкала камешки в опустевшее туловище, и вскоре швырнула ее в голову прохожему,

dormito dentro le braccia dell'albero, l'ho dimenticata lì, e a volte ci ho ripensato. I punti occhi erano una cosa intelligente, perché disegnati col filo, e non li si poteva staccare. Comunque non aveva la bocca, e quando dopo mi sono vista bene allo specchio, alla fine non ci somigliavamo poi tanto.

Ho portato bambola me a casa. Dove vivo ora ci sono i doppi vetri, non è posto per giocare.
Me è ridotta maluccio. L'ho lasciata sul piano della cucina, dove avevo tagliato la carne per i cani, e subito si è sporcata di grasso. Intanto, avevo delle cose da fare. Sono tornata la sera, e a quel punto bambola me puzzava, puzzava tanto che tutta la mia casa calda fino al piano di sopra, fin dentro il mio letto, puzzava che sembrava morta. La mattina dopo, mia figlia è venuta a casa mia. Ho sentito i cani abbaiare contro il cancello e la sua voce dietro la porta. Quando le ho sistemato i capelli sulla nuca erano morbidi, puliti, e sapevano un poco di sapone. Lei ha detto oh cazzo, cos'è quest'odore mamma, cosa hai ammazzato qui dentro? Solo quando è andata via, bambola me che era sparita l'ho ritrovata nella spazzatura. Un guscio d'uovo come cappello le donava abbastanza, nascondeva la calvizie avanzata, quindi gliel'ho lasciato anche quando l'ho riportata indietro, dentro l'albero.
Adesso è ancora lì, che sta facendo il marcio tra gli insetti.

у которого от удара пошла кровь носом. Как-то раз после обеда я дремала, забравшись на дерево, и забыла там куклу. Время от времени я о ней вспоминала. Ее черные глазки были настоящей находкой: их вышили черной ниткой, такие никто не вырвет. В любом случае, рта у нее не было, и когда я все-таки разглядела себя толком в зеркале, стало ясно, что не слишком-то мы и похожи.

Я принесла куклу-двойника домой. В моем нынешнем жилище окна с двойными рамами, и здесь играм не место.
Кукле пришлось несладко. Я оставила ее в кухне на столешнице, где резала мясо для собак, и она пропиталась жиром. Мне было не до нее. Я ушла, вернулась вечером и почувствовала вонь: кукла воняла на весь прогретый дом, пропахло все вплоть до второго этажа, вплоть до простыней на моей кровати, от куклы несло мертвечиной. На следующее утро ко мне зашла дочь. Я услышала лай собак у калитки, а потом ее голос за дверью. Погладила дочь по голове, недавно вымытые волосы были мягкими на затылке и чуть пахли мылом. Она ужаснулась: вот черт, мама, что это за вонь, кого ты тут убила? Когда она ушла, я обнаружила исчезнувшую куклу-двойника в мусорном ведре. Шляпка из яичной скорлупы пришлась как нельзя кстати и скрыла залысины, так что прямо в ней я и посадила куклу обратно в дупло.
Она до сих пор там, гниет потихоньку среди насекомых.

Nota critica

Quella che Maria Gaia Belli ci narra è una discesa nell'interiorità. Fin dal titolo, *Limen*, l'autrice ci indica che c'è una soglia da superare e che oltre quella soglia c'è qualcosa di inquietante: la "bambola me", una bambola definita dalla protagonista stessa come "una cosa orrenda di cilindri di stoffa scuciti e due peli di lana neri in testa". Ed è proprio con quella bambola che la protagonista si identifica, spinta da una terribile affermazione del padre: "Tu sei così brutta uguale".
Rivedere quella bambola dopo la morte del padre scatena nella protagonista un processo di associazioni emozionali che porta al riemergere dei mostri dell'interiorità, mostri che inducono orrore, meraviglia, raccapriccio, stupore, angoscia, attrazione, repulsione, in un processo d'inquietudine mai concluso. Non appena in lei la coscienza si schiude, i mostri dell'interiorità si disvelano e con essi si fanno vivide le istanze più remote della memoria e del corpo.
Prima della soglia c'è una casa con i "doppi vetri", una casa che rappresenta la normalità, la sicurezza, la solidità del benessere economico e affettivo. Oltre quella soglia ci sono le carceri del pensiero, ci sono i sotterranei dove alberga l'angoscia, dove la ragione nemmeno osa spingersi.
È netta la separazione tra i mondi che stanno ai lati opposti della soglia. Il rapporto tra il mondo diurno e l'alterità umbratile dell'interiorità è intollerabile. Bussare alla soglia dell'inconoscibile significa risvegliare ricordi che hanno a che fare con l'animalità che risiede nell'essere umano. Un'animalità nei confronti della quale vengono messi comunemente in atto meccanismi di distanziamento che qualche volta, come accade alla protagonista di questo racconto, si rivelano alquanto fragili.
Limen si presenta come la lama luminosa e affilata di una straordinaria introspezione che fa riemergere emozioni, febbrili passioni, le cui stigmate dolorose s'imprimono oltre che sul corpo della protagonista anche sulla stoffa marcita della "bambola me".

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рассказ Марии Гайи Белли – это погружение во внутренний мир. Уже самим названием «Limen» автор сообщает о существовании некоего порога, за которым нас ждет что-то пугающее, «кукла-двойник», про которую героиня говорит: «Голова еле держалась на тряпичном туловище, вместо волос – две черные шерстяные нитки». Она отождествляет себя с этой куклой с тех пор, как отец бросил грубо: «Такая же страхолюдина, как и ты». После смерти отца кукла снова оказывается в руках героини, вызывая у той поток чувств и ассоциаций, которые, в свою очередь, пробуждают скрывавшихся где-то в глубине чудищ. Чудища эти несут с собой ужас, удивление, смятение, изумление, тревогу, они привлекают и отталкивают, от них нет покоя. Стоит заглянуть внутрь себя, и затаившиеся чудища тут как тут, а следом за ними – давно забытые воспоминания, телесные ощущения.

С одной стороны порога мы видим дом, где «окна с двойными рамами», он символизирует собой норму, безопасность, незыблемость финансового и эмоционального благополучия. По другую же сторону порога – тюремные камеры мыслей, подземелья, где заточена тревога, и разум старается держаться от них подальше.

Между двумя пограничными мирами очень четкое разделение, и тем невыносимее взаимосвязь мира дневного и чуждой ему сумрачной внутренней бездны. Приближение к порогу непознаваемого будит воспоминания, связанные с присущим человеку животным началом. Обычно при столкновении с ним мы прибегаем к помощи защитных механизмов, но иногда, как в случае нашей героини, любые меры оказываются бессильными.

Рассказ «Limen» – это острый сверкающий клинок глубокого самоанализа, обнажающий эмоции и лихорадочные чувства, кровоточащими стигматами они отпечатываются не только на теле героини, но и на прогнившей ткани «куклы-двойника».

Флавио Эрмини

Biografia

Maria Gaia Belli è nata nel 1991 a Montefiascone (Viterbo) dove vive. Ha conseguito nel 2013 il titolo di laurea triennale all'Alma Mater Studiorum di Bologna, nel corso di Lettere moderne. Attualmente è laureanda nello stesso ateneo, nel corso di Italianistica, scienze linguistiche e culture europee, e sta preparando la tesi di laurea in Lingua e letteratura giapponese. Allo stesso tempo frequenta il Master di II livello Professione Editoria cartacea e digitale dell'Università Cattolica del Sacro Cuore di Milano. Ama allo stesso modo lettura e scrittura, in particolar modo la narrativa.

Биография

Мария Гайя Белли родилась в 1991 году в Монтефьясконе (Витербо), где живет по сей день. В 2013 году окончила бакалавриат Болонского университета по специальности «Филология». В настоящее время учится на последнем курсе в Болонском университете, Отделение итальянистики, лингвистики и европейской культуры. Тема диплома связана с японским языком и культурой. Одновременно проходит курс специализации в Католическом университете Святого Сердца (Милан) «Печатное и цифровое издательское дело». Одинаково любит читать и писать, особенно прозу.

Pier Franco Brandimarte

Traduzione in russo di Ksenija Vorob'jova

Пьер Франко Брандимарте

Перевод на русский язык Ксении Воробьевой

LA CACCIA AGLI UCCELLI NELL'ITALIA CENTRALE

Disegnavamo nella penombra pomeridiana di una casa lunga e stretta che ancora adesso se ci penso non riesco a comprendere in tutta la sua mole labirintica di corridoi, salottini e rampe di scale lasciate a cemento con qualche tappeto che ne smussava gli spigoli vivi – e gli sgabuzzini bui incontrati sulla strada per il bagno, da dove veniva l'odore forte di palude. Il bambino che viveva in quella casa era mio amico ed era figlio del cacciatore. Si era scelto il nome di Gheppio e io ero Manche, diminutivo di Comanche, in onore della tribù indiana che imitavo nel grido di battaglia e nella corsa scalmanata. Gheppio in ginocchio sulla sedia voltava le pagine del libro e sceglieva l'immagine che avremmo riprodotto quel giorno. Oltre al nome latino e comune del volatile, aggiungeva a voce l'espressione dialettale con cui suo padre nelle battute di caccia lo indicava tra le frasche – le gazze ad esempio si chiamavano "le cole" e avevano una lunga coda e volavano basso. Il padre cacciatore era piccolo di statura e camminava sulle punte anche con gli scarponi anfibi, poi quando imbracciava il fucile a doppia canna puntandolo in aria acquistava una posa slanciata e il colpo echeggiava per la campagna alle sei del mattino, da fosso a fosso la faceva vibrare. Gheppio, sotto di lui, sparava con un fucile più piccolo ad aria compressa che era il primo livello del giovane cacciatore e faceva un suono simile al petardo. Io sparavo alle rondini dietro casa con una pistola a proiettili di gomma senza mai colpirne nessuna perché mi bastava il rumore; Gheppio protestava che almeno infilassi dei chiodi nei proiettili nel caso remoto che uno dei tiri andasse a segno e allora facesse più male.

Disegnavo qualsiasi cosa meglio di lui tranne gli uccelli. Soprattutto non ero capace di riprodurre il rapporto tra l'occhio e la forma del becco che dà a ciascun animale la propria espressione, almeno su carta. I disegni che uscivano bene li ripassavamo a penna per poi colorarli. Diecimila, il merlo vivo chiuso nella gabbia che ci guar-

ОХОТА НА ПТИЦ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ

Мы рисовали в послеобеденном полумраке узкого и длинного дома. Вспоминая этот дом, я до сих пор не могу вообразить себе всю путаницу коридоров, комнат, необлицованных цементных лестниц, покрытых половиками, и темных чуланов, попадающихся по дороге в ванную комнату, откуда несло болотиной. Я дружил с мальчиком, жившем в этом доме, он был сыном охотника. Его прозвище было Сокол, мое — Манчи, сокращенное название индейского племени команчи, чьему боевому кличу я, дурачась, подражал. Сидя на стуле, поджав под себя колени, Сокол переворачивал страницы книги и выбирал птицу, которую мы должны были срисовать. Помимо латинского и общепринятого термина, он добавлял название пернатого на местном диалекте. Названия эти он узнал от своего отца, когда тот во время охоты показывал ему птиц сквозь ветки из засады. Сороки, например, были «воровками», у них был длинный хвост и летали они низко. Отец-охотник был небольшого роста и ходил на цыпочках, даже когда надевал охотничьи ботинки. Когда он вскидывал на плечо двустволку и устремлял ее в небо, вся его фигура приобретала стройный и подтянутый вид. В шесть утра выстрелы разносились по округе, заставляя все содрогаться. Сокол, стоя около отца, стрелял из ружья поменьше, его выстрел напоминал взрыв петарды. С пневматики начинает каждый молодой охотник. А я за домом стрелял по ласточкам резиновыми пулями из травмата, так ни разу и не попав ни в одну из них. Мне просто нравился звук. Сокол настаивал, чтобы я начинял пули гвоздями – тогда бы они ранили сильнее в том маловероятном случае, если я все же попаду в цель.

Все рисунки, кроме птиц, у меня выходили лучше, чем у Сокола. Мне не удавалось с точностью передать разрез глаз и форму клюва. Именно они придают каждому виду птиц свою особенность, по крайней мере, на бумаге. Рисунки, получившиеся хорошо, мы обводили и раскрашивали. У двери в комнату висела клетка. Из нее за нами наблюдал живой дрозд Чи̇рик. Он был уродлив, суетлив, постоянно по-

dava dall'ingresso non abbiamo mai pensato di rifarlo perché era troppo nervoso, e non stava mai fermo ed era brutto, ripeteva di continuo "Diecimila, diecimila"; era brutto, sgraziato, brutto come la vecchia nera che sedeva lì sotto la gabbia, il capo coperto da un fazzoletto nero, scarpe piagate dall'uso, che dondolava e fischiava cantilene dalla dentiera sconnessa e dondolando fendeva la luce già scarsa del pianoterra. Disegnavo nella luce intermittente, in sottofondo Diecimila e gli *Adoremus patris* della vecchia.

Un pomeriggio sulla strada verso il bagno ritrovai Giambattista, lo zio del mio amico, il fratello del cacciatore: era vivo e viveva chiuso in una stanza a corrente, messo davanti alla finestra spalancata sotto una coltre di coperte che ne lasciavano fuori la punta del naso e lo sguardo essiccato. Lo lasciavano ad ante spalancate a dire: "Abba padre" (retaggio di sua madre, la vecchia nera) a un trapezio di cielo stagliato sui coppi dei tetti, perché prima della malattia l'unica cosa che gli piaceva era starsene seduto davanti casa a guardare se passavano storni o gabbiani in trasferta dal mare, davanti casa su una panca *bricolage* di mattoni forati e assi di legno. E ora, nella condizione in cui era, gli stessi uccelli tranquillamente potevano scendere a fargli il nido in testa, a beccargli via gli occhi – immaginai piccioni incattiviti fargli posa nel cavo della bocca come fosse un monumento ai caduti, una specie di vendetta tardiva. In vita sua Giambattista si grattava la faccia pelosa, sedendo mostrava le calze calate e una pancia rigonfia, ci chiamava fischiando e ci insegnava a mangiare gli uccelli, le tortore in particolare; arrosto, lessate, e condite di rosmarino in mazzetti, di salvia e d'alloro. In vita sua Giambattista non era mai stato un uomo vivace, al contrario del fratello che andava sulle punte e apriva negozi e falliva e riapriva negozi e falliva e poi andava a caccia per dimenticarsi ogni cosa e sparare nella campagna alle sei del mattino. Giambattista la vita l'aveva trascorsa seduto, certo più vivo di adesso ma comunque seduto come un uomo spiaggiato, colpa di una lentezza congenita e di una prematura pensione, spiaggiato senza fatiche e corrosioni di sale. Era già un vecchio cinque anni prima, ed era sempre un uomo spiaggiato, malgrado non fosse

вторял «Чѝрик-Чѝрик», никогда не сидел на месте, и нам даже не приходило в голову срисовать его: он был черен и неуклюж, как и уродливая, мрачная старуха, сидевшая под его клеткой. Ее голова была покрыта черным платком, старые ботинки стоптаны. Шевеля вставной, шатающейся челюстью она бормотала монотонные молитвы. Покачиваясь, она рассекала и без того тусклое освещение первого этажа. Мы рисовали в мерцающем свете под «Чирик-чирик» и «Отче наш».

Как-то во второй половине дня, направляясь в туалет, я столкнулся с Джамбаттистой, дядей моего друга, братом охотника. Он почти не выходил из холодной комнаты, где целыми днями просиживал в кресле на сквозняке, уставившись опустошенным взглядом в распахнутое окно. Он кутался в одеяла, из-под которых торчал лишь кончик носа. Дни напролет он обращался к распростертому над черепичными крышами небу со словами «Авва Отче» (этому он научился у своей матери, мрачной старухи). Если что-то и интересовало его до болезни, так именно это: сидя перед домом на самодельной лавке из кирпичей и досок, наблюдать за пролетающими к морю скворцами и ласточками. Находя его в таком состоянии, птицы спокойно могли свить на его голове гнездо и выклевать ему глаза. Мне представлялось, как озлобленные голуби, словно в знак запоздавшей мести, гадят ему в рот, как на памятник павшим героям. Джамбаттиста сидел в спущенных носках с раздутым животом. Почесывая небритое лицо, он свистом подзывал нас к себе и учил, как правильно есть птиц. Особенно ему нравились горлицы: жареные, вареные, приправленные веточкой розмарина, шалфеем и лаврушкой. Никогда в жизни Джамбаттиста не был деятельным человеком в отличие от своего брата, который, бегая на цыпочках, открывал магазины, разорялся, открывал их снова и опять разорялся. И чтобы обо всем забыть, в шесть утра отправлялся на охоту и будил выстрелами всю округу. Джамбаттиста всегда вел оседлый образ жизни. Конечно, раньше он был поживее, но все же всегда походил на большую рыбу, выкинутую морем на берег. Врожденная леность вынуждала его плыть по течению, а ранний выход на пенсию вынес его на берег жизни, прежде чем у

così anziano e non fosse soprattutto un marinaio, un bagnante o anche lontanamente residente di una qualche località marina. Se gliene fregava qualcosa poteva vedere il mare dalla finestrella del campanile, nelle giornate terse, quando appariva al fondo delle colline come una striscia terminale mentre lui si avviava al servizio giornaliero di campanaro impiegato del comune: chiamata mattutina, seconda mattutina, vespertina, eventuale funerale, e tirava i cordoni delle quattro campane, tre piccole, acute, e la più grande con l'effige del santo patrono in rilievo che si buttava sgolata fuori loggiato a mostrare il batacchio di dentro come un'ugola nera. Si passava la lingua sui denti, si sbottonava la camicia e dormiva sulla panca di assi e mattoni. Io e Gheppio andavamo a sfilargli la chiavetta dalla cintura, il doppione che si era fatto prima della pensione quando alla torre campanaria istallarono il meccanismo nuovo che funzionava a distanza e faceva fare dei motivetti memorizzati alle campane, comunque stonati, come *Merry Christmas* e *Bianco Natal*. Sfilavamo la chiavetta dalla cintura e correndo ci spingevamo in alto fin sotto gli innesti e le ghiere del loggiato, nel corpo scuro della torre. Nelle pareti umide della muratura cercavamo le alcove delle tortore, i nidi di rondine, avvertivamo l'odore del guano seccato, la bava di lumaca, gli spifferi d'aria improvvisi, stringevamo le ali appaiate delle prede, con forza (non sentono male, stringi che non sentono male), e le chiudevamo in scatole da scarpe bucherellate dove continuavano a dimenarsi e raspare.
L'ultima volta che vidi Giambattista fu molto tempo dopo, visse rattrappito ancora a lungo mentre io crescevo, non mi chiamavo più Manche e affittavo un seminterrato con un tavolo di vetro. Sul quel tavolo cadeva un riflesso di luce rettangolare, si apriva obliquo tra la lampada e una pila di fogli e dentro si poteva vedere una porzione di cielo e una siepe. Senza uscire potevo controllare se era nuvoloso e si alzava il vento, e quando un gruppo di uccelli attraversava il riflesso li vedevo come macchioline scure che sparivano in una frazione di secondo senza poterne capire la specie perché il riflesso rettangolare era di pochi centimetri quadri. Tornai nella casa di Gheppio per le feste di Natale e salendo verso il bagno entrai nella stanza di Giambattista. C'era

него началось отложение солей. Он состарился и распластался на берегу жизни уже лет пять назад, не будучи при этом ни стариком, ни моряком, ни рыбаком. Если что-то и связывало его с морем, так это синяя линия горизонта, появляющаяся за холмами в ясные дни. Джамбаттиста видел ее из окна колокольни, где он служил звонарем, нанятым местным приходом. Благовест к заутрене, утрене, вечерне, заупокойный звон – весь день он натягивал канаты колоколов – трех маленьких, звонких, и одного большого с изображением святого покровителя. Раскачиваясь, колокол раскрывал свою пасть, в которой язык болтался, как нёбный язычок болтается в глотке. Облизнув зубы, Джамбаттиста расстегивал рубашку и ложился вздремнуть на самодельную лавку из кирпичей и досок. Мы с Соколом снимали с его ремня дубликат ключа от колокольни, который он сделал до выхода на пенсию. Ему пришлось преждевременно оставить службу, потому что на колокольне установили дистанционно управляемый электронный звонарь. И не попадая в ноты, колокола стали играть записанные в память устройства песенки в духе «Мерри Кристмас». Заполучив ключи, мы взбирались вверх по темной утробе колокольни, толкая и обгоняя друг друга. Во влажных каменных стенах, среди внезапных порывов ветра, вдыхая запах высохшего помета и улиточной слизи, мы искали ложа горлиц и гнезда ласточек. Находя жертв, мы с силой сжимали им крылья (жми, жми сильнее, им не больно) и засовывали их в продырявленные картонные коробки, где они продолжали метаться и царапаться.

Последний раз я видел Джамбаттисту много лет спустя. За это время у него ничего не изменилось. Я вырос и больше не называл себя Манчи, я снимал комнату со стеклянным столом на цокольном этаже. От окна на стол падал прямоугольный отблеск света. В этом отблеске между лампой и стопкой бумаг можно было разглядеть лоскутик неба и зеленой изгороди. Не выходя из комнаты, я узнавал, был ли день пасмурным или ветреным. Иногда по этому крохотному лоскутику проносилась стая птиц. Черные точки исчезали в долю секунды, не давая возможности понять, чья это была стая. Я заехал навестить Сокола в Рождественские

una corrente fredda che raccoglieva contro l'ingresso piccoli batuffoli di polvere. La sedia davanti alla finestra era abbandonata con le coperte ammassate. Giambattista si era nascosto dietro la porta, era in piedi, ricurvo, come per farmi uno scherzo. Mi accarezzò con le mani che sapevano di formaggio e mi chiese se poteva farmi vedere una cosa. Si tolse la vestaglia e rimase in pigiama, un pigiama infeltrito con la sagoma nera di Topolino. Spingemmo insieme il letto, il comodino e la sedia al centro della stanza per lasciare libero il passaggio. Giambattista in un angolo si abbassò leggermente sulle ginocchia e gli occhi richiusi con forza irraggiarono piegoline nella pelle ingiallita. In posizione da sci, strinse i pugni e cominciò a respirare a fondo emettendo un fischio roco dalle narici. Seduto sul letto lo osservavo, vedevo il suo cranio spelato muoversi rasente la parete, pianissimo tutto il suo corpo si spostava compatto, in posizione da sci, come sospinto dalla corrente gelida della finestra. Giambattista levitava strusciando la suola delle ciabatte, con i malleoli nudi sfiorava il muro appena sopra il battiscopa e procedeva costante lungo il perimetro della stanza. Lo sforzo gli gonfiava le vene del collo, la testa calva diventava paonazza e sperai che riuscisse a completare il suo giro – transitando davanti alla finestra spalancata sarebbe arrivato a metà del percorso. La sua ombra castana viaggiava sulle pareti, e mi rendevo conto che tutto era stato preparato togliendo dai muri i quadri e le foto che gli avrebbero dato fastidio. Finito il giro tornò a sedersi stremato, si buttò addosso le coperte; era accaldato, bagnato di sudore. Chiusi la finestra per evitare che l'aria fredda gli facesse male. Con un filo di voce mi chiese se avevo visto e se potevo far salire qualcuno ad asciugarlo. Di sotto giocavano a carte, dissi a Gheppio che suo zio lo chiamava e non feci parola di quanto avevo visto perché eravamo meno amici di prima ed era passato molto tempo da che disegnavamo gli uccelli al piano terra e nel frattempo la vecchia nera era morta di vertigini e il merlo Diecimila si era fatto zitto e più quieto.

Dopo la morte di Giambattista avevo chiuso gli occhi, ero rimasto immobile nella stanza con il tavolo di vetro, il riflesso sul tavolo era grigio. Al primo tentativo mi

каникулы и по дороге в туалет заглянул к Джамбаттисте. Холодный ветер выносил к двери маленькие клочки пыли. Кресло с горой одеял напротив окна пустовало. Немного согнувшись, Джамбаттиста выпрыгнул из-за двери, слово хотел меня напугать. Он обнял меня. От его рук пахло сыром. Джамбаттиста спросил, может ли он мне кое-что показать. Сняв халат, он остался во фланелевой пижаме с черной аппликацией Микки Мауса. Вместе мы освободили проход, сдвинув в центр комнаты кровать, комод и кресло. Джамбаттиста встал в углу, от зажмуренных глаз по желтоватому лицу лучами расходились морщины. Встав в позу лыжника, согнув колени и наклонившись вперед, он сжал кулаки и начал глубоко дышать, издавая ноздрями сиплый свист. Я наблюдал за ним, сидя на кровати, и видел, как его лысый череп движется вдоль стены. Его тело, словно подталкиваемое холодным порывом ветра, дующим из окна, приподнялось над полом. Джамбаттиста двигался по периметру комнаты, едва касаясь пола подошвой тапочек, слегка задевая голыми щиколотками стену над плинтусом. Вены на его шее вздулись от напряжения, лысая голова побагровела. Когда он оказался у окна, проделав половину пути, я подумал, только бы ему хватило сил завершить круг. Наблюдая, как его темная тень движется по стенам, я понимал, что все было подготовлено: он заранее снял со стен картины и фотографии, чтобы они ему не мешали. Окончив круг, уставший и вспотевший, он упал в свое кресло и зарылся в одеяла. Я закрыл окно, чтобы он не простудился. Еле слышным голосом он попросил меня позвать кого-нибудь, кто бы мог его вытереть. Внизу играли в карты. Я сказал Соколу, что его зовет дядя, но не сказал ни слова об увиденном. С тех пор как мы рисовали птиц на первом этаже прошло много времени – мрачная старуха умерла от гипертонии, дрозд Чирик перестал разговаривать и сделался спокойным, да и мы с Соколом уже не были такими близкими друзьями.

Как-то раз, уже после смерти Джамбаттисты, сидя в комнате со стеклянным столом, я закрыл глаза. Отблеск на столе был серым. С первой попытки я сдвинулся

spostai di un nulla, forse qualche millimetro appena. Rimasi stupito e sfiancato; poi successivamente, con l'esercizio acquistai sicurezza. Si trattava di un volo faticoso che perdeva quota e controllo alla minima distrazione e permetteva il tanto che basta a sollevarsi da terra e pilotare, per brevi tratti, il proprio corpo lungo un percorso prestabilito. Ad occhi chiusi si vedevano sfilare gli ambienti, interni ed esterni, secondo l'angolatura di un punto di vista in movimento che vira, ingrandisce e s'interrompe a comando; l'afflusso di sangue conseguente allo sforzo poteva tingere le panoramiche di un colore violento.

буквально на миллиметр. Я был поражен и изможден. При следующих попытках у меня начала появляться уверенность, но стоило только на секунду расслабиться, этот требующий концентрации полет терял высоту и контроль. Постепенно я научился отрываться от земли и направлять свое тело по заданному курсу на небольшие расстояния. С закрытыми глазами я наблюдал, как проносятся города и села. В зависимости от ракурса, с которого я хотел на них посмотреть, они то приближались, то удалялись, то становились больше, то меньше. От напряжения к глазам приливала кровь, открывающиеся виды ослепляли яркостью красок.

Nota critica

Nascendo, ogni essere umano entra in una rete di relazioni e da queste viene definito. Talvolta accade che in tali relazioni l'uomo si annulli, così come accade prevalentemente in questa società che ha fatto della tecnica il suo centro. Talvolta invece entra in una rete di appartenenza in modo originale e irripetibile. Questo accade quando l'uomo vive in relazione con la natura, seguendo i suoi ritmi. È quanto avviene nel racconto *La caccia agli uccelli nell'Italia centrale*, dove ogni persona è unica e insostituibile. Lo è in rapporto con le altre persone, ma lo è soprattutto con il mondo animale. Un rapporto "attivo" come quello dei due protagonisti, Gheppio e Manche, che sparano – ognuno a suo modo – agli uccelli; o "passivo" come quello di Giambattista, lo zio di Gheppio, al quale "l'unica cosa che gli piaceva era starsene seduto davanti casa a guardare se passavano storni o gabbiani in trasferta dal mare".

Pier Franco Brandimarte rappresenta con questo racconto quell'ora del mondo in cui l'uomo s'incontra con il fondamento naturale della sua esistenza. La natura è l'ambito in cui l'essere umano si confronta con gli altri esseri viventi, umani o animali che siano. La caccia, così come viene qui raccontata, diventa un elemento di coesione con il mondo animale, un modo di incontrare se stessi e affermare la propria appartenenza al cielo, al vento, alla luce del sole. Persino la casa di Gheppio, con quelle sue inquietanti figure (la vecchia che intona *Adoremus patris*, il cacciatore che cammina sulle punte, il merlo Diecimila), non sembra un edificio costruito dall'uomo, ma una pura espressione naturale.

Questo racconto ci fa ricordare prepotentemente che il mondo ha un destino e che questo destino si compie attraverso le fasi del fiorire, del portare al frutto, del morire; attraverso le fasi dell'irrigidirsi del gelo e del levarsi nel risveglio: attraverso il volo degli uccelli sull'Italia centrale. L'ardua domanda che pone Brandimarte è se per l'uomo moderno sia ancora possibile condividere tale destino, stabilendo una relazione autentica con la terra.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Рождаясь, каждый человек вступает в систему взаимоотношений, и эта система определяет его жизнь. Бывает, что в некоторых взаимоотношениях человек теряет свою индивидуальность. Чаще это происходит в обществе, поставившим технический прогресс превыше всего. С другой стороны, человек может связать себя с чем-то оригинальным и неповторимым. Так случается, когда человек живет в согласии с природой, следуя ее ритмам. Мы видим это в рассказе «Охота на птиц в Центральной Италии», где каждый персонаж – единственный и незаменимый. Таковым он проявляет себя в отношениях с другими людьми, но особенно с животным миром. В «активных» отношениях, как у главных героев, Сокола и Манчи, которые стреляли по птицам, или в «пассивных», как у Джамбаттисты, дяди Сокола, который любил «наблюдать за пролетающими к морю скворцами и ласточками, сидя перед домом на самодельной лавке».

В своем рассказе Пьер Франко Брандимарте описывает мгновение, когда человек встречается с первоисточником своего существования. Природа – сфера, где человек может сопоставить себя с другими живыми существами, людьми или животными. Охота, как она представлена в рассказе, связывает героев с животным миром, дает возможность встретиться с самими собой и утвердиться в своей принадлежности к небу, ветру и солнечному свету. Может даже показаться, что дом Сокола, с населяющими его странными жильцами (мрачной старухой, читающей «Отче наш», ходящим на цыпочках охотником, дроздом Чириком), построен не человеком, а представляет собой естественное творение природы.

Этот рассказ заставляет нас вспомнить, что у всего в этом мире есть свое предназначение – расцвести, дать плоды и умереть; окоченеть от холода, чтобы потом пробудиться и птицей воспарить над Центральной Италией. Брандимарте ставит нас перед серьезным вопросом: способен ли еще современный человек следовать своему предназначению, живя в согласии с природой.

Флавио Эрмини

Biografia

Pier Franco Brandimarte è nato nel 1986 a Torano Nuovo, nella campagna teramana. Ha scritto spettacoli teatrali per bambini e pubblicato vignette di satira politica per giornali e riviste. Scrive recensioni teatrali per "Krapp's last post" e tiene corsi di Letteratura creativa nelle scuole. Pubblica un racconto sulla rivista "Watt 3,14". Nel 2014 vince il XXVII Premio Calvino con il romanzo *L'Amalassunta* (Giunti Editore, Firenze 2015). Vive a Torino.

Биография

Пьер Франко Брандимарте родился в 1986 году в Торано Нуово, городке под Терамо. Сочинял сценарии для детского театра и публиковал политические карикатуры для газет и журналов. Пишет театральные рецензии для «Krapp's last post», ведет литературные курсы в школах. Опубликовал рассказ в журнале «Watt 3,14». В 2014 году удостоен XXVII Премии Итало Кальвино для молодых писателей за роман «L'Amalassunta» (книга издана в 2015 г. в издательстве «Джунти», Флоренция). Живет в Турине.

Pietro Federico

Traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Пьетро Федерико

Перевод на русский язык Диляры Туишевой

SO COSA VI AFFLIGGE

So cosa vi affligge. Cosa affligge ognuno di voi. Anche quando entrate in casa con dei fiori e sapete che lei sorriderà, e che farete l'amore. Anche se aveste la garanzia che sarà come la prima volta, anche se effettivamente lo fosse. Voi sapete. Lo sapete. Che non è quello ciò che volevate dire. Non erano i fiori. Non era fare l'amore. Non era fare l'amore come la prima volta.

Ma stasera, dopo un volo di dodici ore filate, arrivo nel mio vialetto. Scendo dalla mia Bentley con i fiori in mano. Entro in casa. Poggio il mio cappello a falde larghe da pirata, sgancio il cinturone a tracolla e lascio cadere la spada con tutta la guaina. Lei si prende un colpo. Grida dallo spavento e si gira. Poi vede i fiori, sorride, poi vede l'uncino che ho al posto della mano. Il suo sorriso va in un riso pieno di allegria. Per la prima volta non sento nient'altro che allegria. Non cerco di dire niente, il cuore mi trema, piango. Lei si accorge che piango e smette di ridere. Si avvicina, ma non fa in tempo a fare il secondo passo che già l'ho abbracciata in un tripudio di fiori, di lacrime e di cerone e il colletto alto del costume da teatro. E il profumo – sì, è un profumo – quasi ci soffoca. Il colletto, i fiori, il cerone, l'abbraccio. Sono un profumo stranissimo e pesante. Così reale da far sentire il suo peso. Lei non capisce, ma si lascia abbracciare. E soffocare. Poi le prendo il volto nelle mani per guardarlo. Ha tutto il lato destro della faccia coperto del mio cerone. Alcuni petali le sono finiti tra i capelli. Tra le lacrime scoppio a ridere. La bacio. Lascio cadere i fiori, lei fa per raccoglierli, ma la fermo. Dopo i fiori cade tutto il resto. I miei vestiti e i suoi. I petali dai suoi capelli. Le lacrime e le lenzuola pensano al cerone. Mio e suo.
"Cosa ti è successo?" mi chiede lei alla fine. È una mezzanotte dolcissima. Tira un filo di vento. Le stelle nella grande finestra a soffitto, la finestra a soffitto che incornicia il cielo e la domanda di lei e il suo respiro e il mio... mi brucia tutto dentro. Quasi fa male.

Я ЗНАЮ, ЧТО ВАС ТЕРЗАЕТ

Я знаю, что вас терзает. Терзает каждого из вас. Даже когда вы возвращаетесь домой с букетом цветов, зная, что это вызовет ее улыбку и что потом вы займетесь любовью. Даже будь у вас гарантия, что все случится, как в первый раз, даже если так и случится. Вы знаете. Вы понимаете. Но вы не это имели в виду. И цветы тут не при чем. Ни при чем и любовь. Ни при чем заниматься любовью, как в первый раз.

Сегодня вечером после двенадцатичасового полета я подкатил на своем «Бентли» по бульвару и с букетом в руках зашел в дом. Снял широкополую пиратскую шляпу, отстегнул ремень портупеи, и шпага в ножнах упала на пол. Она испугалась. Вскрикнула от страха и обернулась. Увидев цветы, улыбнулась, затем посмотрела на крюк, что у меня вместо руки. Улыбка перешла в звонкий смех. Впервые она просто радуется. Я молчал, сердце трепетало, и я заплакал. Она заметила и перестала смеяться. Подошла было ближе, но, не успев сделать следующий шаг, оказалась у меня в объятиях, смешавшись с цветами, гримом, слезами и высоким воротником театрального костюма. Запах, да, этот запах, мы от него почти задохнулись. Воротник, цветы, грим, объятия. Все вместе они источали необычный и тяжелый аромат. Настолько реальный, что он казался осязаемым. Она не понимала, что происходит, но дала себя обнять. И сжать в объятьях. Я повернул ее лицо к себе и посмотрел на него. Правая сторона вся перепачкана гримом. В волосах застряли лепестки. Я взорвался хохотом, хотя до этого плакал. Поцеловал ее. Цветы упали, она хотела их собрать, но я не позволил. Вслед за цветами упало все остальное. Моя и ее одежда. Лепестки из ее волос. От слез и постели пахло гримом. Моим и ее.
– Что случилось? – наконец спросила она. Полночь была тихой, дул легкий ветерок. В мансардном окне, которое словно обрамляло небо, сияли звезды, заданный вопрос, ее и мое дыхание… внутри у меня все пылало. Я будто испытывал боль. Будто все вокруг принадлежало мне. Как будто предстояло еще придумать имена, а пока все вокруг

Come se tutto fosse mio. O come se i nomi fossero ancora tutti da inventare e tutto fosse solo fuoco, un fuoco quieto. Possente. E io avessi a malapena gli occhi per vedere e il cuore per riconoscere le cose. Per esserci. Per essere lì. Mi sento morire e non sono mai stato così vivo. "Cosa è successo?" mi richiede.

La sera prima ero entrato in un ospedale pediatrico di Roma, dall'altra parte dell'oceano Atlantico. Dipartimento di oncologia. Il cappello, l'uncino, la spada e tutto l'ambaradàn… Sì, è così: non mi cambio da ieri sera. Mi vidi in uno di quegli specchi che negli ospedali si mettono in alto, agli angoli degli incroci tra le corsie. Ero una macchia nera e sporca in un mare di luce al neon, di muri bianchi e pavimenti azzurri sterilizzati.
Era la settima volta che entravo in quell'ospedale. Odio gli ospedali. Ma, almeno ora che ho cinquant'anni, odio anche essere in bancarotta e l'iniziativa faceva parte di un progetto astronomico lanciato da questo milionario "filantropo". Dietro me c'erano cameramen, fotografi, giornalisti. Dieci anni fa ho finito di lavorare al mio ultimo film. Che era anche l'ultimo della trilogia. Non so come ho fatto, ma dopo quello penso di aver stabilito un record. Sono riuscito a mandare affanculo l'intera comunità di Hollywood in meno di un mese.
Ero giovane. E sopra di me incombeva un'ombra più grande della paura di perdere tutto. Per come la vedevo io, avevo già perso tutto. Avevo perso le ragioni. Questo bastava. Avevo smarrito il mio destino.
Smarrito il mio destino?… bah… sono patetico. Ma non fa alcuna differenza. Perché, come voi, non sono mai riuscito a dire quello che volevo dire. E non ci riuscirò mai. Nemmeno adesso. Con queste frasi piene di stupide metafore.
Dopo quarant'anni vissuti così, la mia insofferenza era al limite. Quella gente, quelle telecamere, i sorrisi. La bancarotta. Quell'ultimo film dieci anni fa. L'ospedale pediatrico. Tutto questo non voleva dire niente. Tutte le cose di cui vi ho… parlato appunto!… erano solo parole! Avrei voluto vomitare dal mio cervello tutte le parole. Tutte. Niente era davvero ciò che volevo dire. Ma torniamo a noi… l'ospedale…

– только пламя, мирное пламя. Сильное. И как будто у меня только и есть, что глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы узнавать то, что я вижу. И быть здесь. И быть там. Мне казалось, я умираю, хотя я никогда не был настолько живым.
– Что случилось? – переспросила она.

Прошлым вечером я был в детской больнице в Риме, по ту сторону Атлантического океана. В отделении онкологии. Шляпа, крюк, шпага – полный бедлам… Ах да, я не переодевался со вчерашнего дня. Я заметил себя в одном из круглых зеркал, которые в больницах вешают под потолком на пересечении коридоров, – черное грязное пятно в гуще неонового света, белых стен и стерильных голубых полов.
В этой больнице я оказался в седьмой раз. Ненавижу больницы. Правда, мне уже стукнул полтинник, теперь я ненавижу еще и безденежье, а мероприятие – часть крупного проекта, задуманного одним миллионером–«филантропом». Позади толпились операторы, фотографы, журналисты. Десять лет назад я снялся в своем последнем фильме. Последнем из трилогии. Не знаю, как мне удалось, но после него я, кажется, установил рекорд. Менее чем за месяц я умудрился послать к чертям собачьим весь Голливуд с его потрохами.
Я был молод. Передо мной маячила перспектива пострашнее, чем лишиться всего на свете. Как мне казалось, я уже все растерял. Растерял самое главное. Этого было достаточно. Я упустил судьбу.
Упустил судьбу?.. Хм… слишком пафосно. Но это ничего не меняет. Мне, как и вам, никогда не удается сказать именно то, что хотелось бы. И никогда не удастся, тем более сейчас. Тем более, если в фразах полно глупых сравнений.
Я прожил так сорок лет, и мое недовольство достигло предела. Люди, телекамеры, улыбки. Разорение. Последний фильм, снятый десять лет назад. Детская больница. Все это не имело никакого значения. Все, о чем я вам тут… толкую! …все это – лишь слова! Хотел бы я выблевать все слова из своего мозга. Все. Ничего из сказанного не было тем, что я действительно хотел сказать. Но вернемся к нашей истории… больница…

… mi sento tirare una falda del cappotto. È un bambino. Solo occhi. Niente capelli, il corpo trasparente, quasi invisibile. Il pigiama sembra una macchia di colore che esiste per fare da piedistallo al suo sguardo. Vedo i suoi genitori sorridere alle sue spalle. Gli altri intorno sorridono di tenerezza. Mi viene da vomitare. Lui cerca di parlarmi, ma riesce solo a sussurrare. E allora mi chino. "Take me away!" mi dice. È americano. Quanti americani a Roma. Tanti. Troppi. Io cerco di metterla sul ridere: "Blow me down! I can't take you away, kid! What are you? A pizza?" Poi lo abbraccio. Perché la pizza? Sarebbe bastato così poco per fare di meglio. Cerco di trattenermi. Per un attimo sento solo lui. Siamo lui e io. Ma poi risento le telecamere e la gente che fa capannello intorno. "Andate tutti all'inferno" penso con rabbia. E mi metto a piangere. È insofferenza, poi l'insofferenza si spacca ed entra qualcosa. Succede qualcosa.
Mi ritrovo ad alzarmi, lo prendo tra le braccia. L'occhio mi ricade su uno di quegli specchi in alto, agli angoli dei corridoi degli ospedali. E mi guardo da lì. Guardo il mio corpo come da fuori bordo. Il pirata mi ha teso un agguato. E adesso sono *lui*. Nessun altro.
Prendo il bimbo tra le braccia, mi alzo e guardo i genitori con rabbia, come fosse colpa loro. Poi mi volto. Devo avere gli occhi spiritati di un pazzo maniaco. Guardo tutti i presenti con un odio inveterato, come fosse colpa loro. Di tutti loro. Nessuno trova il tempo di reagire. Mi precipito urlando in fondo alla corsia. Entro nella notte con quegli occhi immensi tra le braccia. Con una voglia indomabile di vendetta.

*

Il taxi che avevo rubato lo lasciai all'inizio della piazza in cima alla collina. La prima cosa che ricordo... sono le luci di Roma. In linea d'aria saremo stati seicento metri scarsi dall'ospedale. In mezzo alla piazza c'è una grande statua, un uomo barbuto a cavallo, impettito, su un piedistallo altissimo.
"No, portami via!" mi fa il bimbo. "Take me away for real!"
Una lacrima trabocca da quei pozzi di speranza.

… Я чувствую, как кто-то тянет меня внизу за плащ. Ребенок. Одни глаза. Совершенно лысый, тельце прозрачное, почти невидимое. Цветное пятно пижамы будто служит подставкой для глаз. Позади ребенка вижу улыбающихся родителей. Остальные вокруг тоже расплылись в умиленных улыбках. Меня сейчас стошнит. Он хочет мне что-то сказать, но слышен лишь шепот. Я наклоняюсь.
– Take me away! – шепчет он. Американец. Сколько в Риме американцев. Очень много. Слишком много. Я пытаюсь пошутить:
– Blow me down! I can't take you away, kid? What are you? A pizza?
Я обнимаю его. Почему именно пицца? Можно было придумать что-нибудь и получше. Я пытаюсь сдержаться. Теперь я слышу только его. Мы с ним одни. Но вновь слышен шум камеры и толпы вокруг. «Чтоб вас всех черт побрал!», – я зол. Я плачу. Я раздражен, но раздражение испаряется, уступая место чему-то другому. Что-то происходит. Я поднимаюсь и беру ребенка на руки. Взгляд снова останавливается на зеркале, подвешенном высокого на стене в углу больничного коридора. Я смотрю на себя оттуда. Смотрю на себя с той стороны борта. Пират устроил мне засаду. Я – он, и больше никто. Я беру ребенка на руки, поднимаюсь, устремляю на родителей полный злости взгляд – будто они виноваты. Оборачиваюсь. Должно быть, у меня бешеные глаза, как у маньяка. Обвожу всех присутствующих долгим ненавидящим взглядом – будто они виноваты. Все до одного. Никто не успевает опомниться. Я с криками несусь в конец коридора. Ухожу в ночь, неся на руках огромные глазищи. Снедаемый неукротимой жаждой мести.

*

Угнанное такси я оставил на краю площади у подножия холма. Первое, что мне пришло на ум… огни Рима. Мы были от силы в метрах шестистах по прямой от больницы. В центре площади стоял величественный памятник – бородатый, с выпяченной грудью всадник на высоченном постаменте.

“Dove?” chiedo io. Sorrido scrollando le spalle. Sto per piangere anch’io. Sto per piangere sul serio.
“Dove hai la nave?” mi chiede.
Lui, il pirata, torna con violenza...
“È dieci anni che non vado per mare, nano”.
I miei occhi devono essere tornati quelli della fuga, perché quelli del nano si rilassano. Il mare, la nave, era per mettermi alla prova. Ma non voleva il mare. Voleva me. Non voleva me. Voleva *lui*. E ora, chissà per quale motivo, il fatto che il bambino si faccia serio, che si sia persino spaventato, che sia felice di quella paura, felice, di quella felicità senza sorrisi, vera... mi riempie di pace.
“Oggi un prete mi ha detto che tra poco volerò in cielo”.
Silenzio.
“Io non voglio volare da nessuna parte”.
“Be’ nano. Da quando in qua a qualcuno gli frega un sacrosanto di ciò che dice il prete?” La memoria mi si riempie della fine del secondo atto del secondo episodio. Scena 97, ma non è una scena. Era tutto *green screen* e VFX. Ma ora ricordo che riuscivo a vederla, la tempesta. Ricordo di quando io, *lui*, noi, abbiamo deciso di non abbandonare la nave. Lo ricordo come fosse oggi. Come fosse successo veramente. E glielo racconto.
“Perché hai deciso di restare?” Mi parla come se quella decisione l’avessi presa ieri. Come se ancora tutto dovesse accadere.
“Non si abbandona la nave, nano. Te le devo dire io queste cose? La nave è tutto. Se perdi la nave perdi il mare. Perdi la libertà”. Vedo un gabbiano posato sulla testa dell’uomo a cavallo e improvviso.
“Senza nave vali meno di una cacca secca di gabbiano”.
“Voglio essere un pirata” mi dice con gli occhi del volontario pronto a salpare a comando.
“Be’, ascoltami bene, inutile patetico mucchio di ossa, sei pronto a spaccarti la schiena come un mulo?! Parlo di stare chini sotto il sole per giorni, di passare il ponte dieci volte con niente altro che uno straccio e il tuo sputo... se sei fortunato”.

– Забери меня! – говорит мне ребенок. – Take me away for real!
Из его глаз, полных надежды колодцев, катятся слезы.
– Куда? – спрашиваю я. Улыбаюсь, а плечи сотрясаются – сам сейчас заплачу. По-настоящему заплачу.
– Где твой корабль?
Он, пират снова безжалостно вторгается…
– Вот уже как десять лет я не выхожу в море, малой.
Должно быть, мои глаза снова стали такими же, как в момент бегства, потому что взгляд у малого теперь спокойный. Море и корабль нужны, чтобы проверить меня. Не нужно ему море. Ему нужен я. И даже не я. Ему нужен он. Теперь, когда ребенок стал серьезным, более того – напуганным и счастливым от этого страха, счастливым от счастья без улыбок, настоящим счастьем, я успокоился.
– Сегодня священник сказал мне, что совсем скоро я улечу на небо.
Молчание.
– А я не хочу никуда лететь.
– Ну, малой, с каких это пор кого-то волнует, что там болтает священник?
В памяти всплывает концовка второго акта второго эпизода. Сцена девяносто семь, но это вовсе не сцена. Зеленый фон и визуальные эффекты. Но я помню, что у меня получилось увидеть ту самую бурю. Помню когда я, он, мы решили не покидать корабль. Помню, как сейчас. Как будто и вправду все это было. О чем я ему и расскажу.
– Почему ты решил остаться? – спрашивает он, будто я только сейчас принял это решение. Будто все еще должно произойти.
– Корабль не бросают, малой. Разве тебе это нужно объяснять? Корабль – это все. Потерял корабль – потерял море. Потерял свободу.
Вижу, как чайка устроилась на голове у памятника, и начинаю импровизировать.
– Без корабля ты хуже засохшей чайкиной какашки.
– Хочу быть пиратом, – говорит он, как доброволец, готовый отчалить в ту же секунду.
– Ну-ка, выслушай меня хорошенько, глупый мешок с костями, ты что, хочешь пахать,

Sono in volo. Non come dice il prete. Sono al di sopra della pietà e delle regole e del dolore e dell'amore. Mi trovo dove le parole e le persone sono quello che sono. Dove il capitano di una nave pirata non viene a compromessi, nemmeno con la morte. Ed è per questo che la ciurma lo ama. Mi trovo dove la pietà è pietà, la rabbia rabbia. L'amore è la semplice gioia di esistere.
All'idea di quella prova il pallore spento del suo volto si rischiara. E sento che il prete può andare a farsi fottere con il suo baccalaureato in filosofia e il suo dottorato in teologia. Sento che nessuno, davvero nessuno potrebbe fare quello che sto facendo io in questo momento. Nessuno.

*

Non ha superato la notte. L'ho portato a Civitavecchia col taxi rubato e gli ho mostrato la *Royal Clipper*. Una nave a cinque alberi dove fanno le crociere. Il capitano, incredibilmente, mi ha riconosciuto. I party dopo le *première* romane le facevamo qui. Ci ha lasciato salire a bordo. Il nano mi si è addormentato tra le braccia. Sul ponte della nave. Ho chiamato l'ospedale. La madre era fuori di sé. La sentivo urlare in sottofondo. Quando misi piede in ospedale ebbi appena il tempo di consegnare il bambino addormentato a un infermiere. Poi sentii qualcuno afferrarmi le braccia da dietro con forza e il freddo metallico delle manette. Mi portarono dentro. I medici accertarono che niente era successo al bambino. Cercai di spiegare loro quale era stato il mio tentativo. Il padre capì. Era lui che aveva fatto vedere la trilogia a suo figlio.
Non mi denunciarono. Dopo gli accertamenti il mio manager mi ha costretto a prendere il primo aereo per gli USA.
Ed eccomi tornare. Dove? A casa. Da mia moglie. Tutto mi è finalmente sfuggito di mano. L'ho lasciato andare. Non devo dire più niente. Solo entrare in casa. Posare il cappello. La spada. Aprire le braccia. Lasciare spazio.

как ломовая лошадь?! Горбатиться под солнцем дни напролет, драить палубу с десяток раз на дню, имея лишь кусок тряпицы, да собственные слюни… и то, если повезет.
Я лечу. Не туда, куда указал священник. Я – над состраданием и порядком, над болью и любовью. Я там, где слова и люди – то, что они есть на самом деле. Где капитан пиратского корабля не идет на уступки даже смерти. За что его и любит команда. Я там, где сострадание – это сострадание, а злость – это злость. Любовь – простая радость существования.
При мысли об испытании его бледное лицо начинает сиять. Теперь мне ясно, что священник может засунуть себе в одно место свой диплом по философии и туда же докторскую по теологии. Думаю, никто не в состоянии сделать то, что делаю сейчас я. Никто.

*

На всю ночь сил у него не хватило. Я привез его в Чивитавеккью на том же ворованном такси и показал ему «Ройял Клипер» – пятимачтовое круизное судно. Невероятно, но капитан меня узнал. Все римские премьеры мы отмечали здесь. Он позволил нам подняться на борт. Малой уснул у меня на руках. На палубе корабля. Я позвонил в больницу. Его мама была вне себя. Я слышал ее крики на том конце провода. Появившись в больнице, я едва успел передать ребенка одному из медбратьев. Затем почувствовал, как кто-то с силой и металлическим холодом наручников завел мне руки за спину. Меня проводили внутрь. Врачи подтвердили, что с ребенком ничего не случилось. Я пытался объяснить, что я сделал. Отец ребенка понял. Ведь это он показал трилогию своему сыну.
Заявлять на меня не стали. Сразу после проверки мой менеджер заставил меня вылететь в США первым же рейсом.
И я вернулся. Куда? Домой. К жене. Наконец я ослабил хватку. Пустил все на самотек. Мне больше ничего не надо говорить. Только войти в дом. Снять шляпу. Положить шпагу. Раскрыть объятья. Освободить место.

Nota critica

Il protagonista di questo racconto è un attore. Lo si capisce subito, già dall'*incipit*, quando si rivolge a noi lettori come se si trovasse su un palcoscenico. Ma è un attore di tipo particolare: non concepisce che la finzione scenica sia fine a se stessa. Apprendiamo infatti che ha lasciato la comunità di Hollywood proprio per questo motivo: per una fondamentale insofferenza nei confronti di una gestualità e di un linguaggio artificiali, vuoti. Il protagonista, così come lo tratteggia Pietro Federico, è un uomo confuso. Sa ciò che non vuole, ma ancora non ha "gli occhi per vedere e il cuore per riconoscere le cose. Per esserci. Per essere lì", per essere autenticamente al mondo… Sarà l'incontro con un bambino colpito da una malattia incurabile a fargli scoprire una nuova innocenza che gli consentirà di inventare un'inedita tavola di valori.

Davanti all'uomo c'è il vuoto. Ma questo vuoto non va accettato passivamente. Il vuoto può essere sconfitto. Come? In primo luogo riconoscendolo, come fa il protagonista di *So cosa vi affligge*. In secondo luogo abbandonandosi senza calcolo alla cura del prossimo, una cura che tragga le sue radici dal cuore profondo della vita.

La paura della sofferenza, soprattutto se la sofferenza colpisce i più piccoli, inibisce le nostre terapie; le fa diventare solo mediche. È vero: il corpo ha bisogno di ospedali per guarire, sì, ma anche di giochi e di illusioni. Ha bisogno di immaginazione. Alleviare il dolore è possibile anche affidandosi all'attività fantastica, magari attraverso un travestimento da "pirata".

La cura fondata sul gioco e sull'immaginazione dona il bene a chi la riceve, ma anche a chi la presta. Infatti il protagonista del racconto afferma: "Sono al di sopra della pietà e delle regole e del dolore e dell'amore". Ecco il miracolo: nella finzione è entrata l'autenticità. Infatti le parole e le persone nella cura sono diventate quelle che sono: vere.

L'illusione fa del bene quando s'intona al movimento essenziale della cura. Certamente non guarisce, ma può aprire le porte a un sorriso, può far sì che il sonno giunga più dolcemente.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Герой этого рассказа – актер. Это понятно с первых слов, когда, словно со сцены, он обращается к нам – читателям. Но это необычный актер: он не желает смириться с тем, что сценический вымысел и реальная жизнь – два разных мира. Он уезжает из Голливуда, потому что не может выносить искусственность и пустоту сценического языка и жестов. Главный герой, созданный Пьетро Федерико, – потерянный человек. Он знает, чего он не хочет, но пока у него нет «глаз, чтобы видеть, и сердца, чтобы узнавать. И быть здесь. И быть там», чтобы жить по-настоящему в этом мире… Встреча с неизлечимо больным ребенком заставит его столкнуться с невиданной простотой, выстроить собственную систему ценностей.

Каждый человек сталкивается с пустотой. Но не нужно сдаваться, пустоту можно преодолеть. Как? Во-первых, признав ее существование, как это делает герой «Я знаю, что вас терзает». Во-вторых, полностью посвятив себя заботе о ближнем, которая помогает познать жизнь во всей ее глубине.

Боязнь страдания, особенно если страдают дети, делает бесполезным лечение, которое сводится к медицинским манипуляциям. Больница необходима, в ней лечат тело, но ребенку также нужны игра и вымысел, простор для фантазии. Можно облегчить страдание, создав для ребенка фантастический мир, например, переодевшись пиратом.

Лечение, основанное на игре и фантазии, помогает не только больному, но и тому, кто находится рядом с ним. Главный герой признается: «Я – над состраданием и порядком, над болью и любовью». Свершается чудо: в выдумку проникает правда. И слова, и люди становятся настоящими.

Фантазия помогает. Разумеется, она не излечивает от болезни, но заставляет улыбнуться, помогает легче уснуть.

Флавио Эрмини

Biografia

Pietro Federico è nato a Bologna nel 1980 e vive a Roma. Laureato in Lettere classiche con un master in Sceneggiatura e produzione cinematografica, si occupa di traduzione in campo editoriale e cinematografico. È *copy* e *script writer* in campo pubblicitario e *story editor* per sceneggiatori televisivi e scrittori. Scrive racconti per bambini, poesie, saggi (sia in inglese sia in italiano) e ha in cantiere il suo primo romanzo. Il suo ultimo libro di poesie, *Mare Aperto*, è uscito per i tipi dell'editore Aragno nel giugno 2015.

Биография

Пьетро Федерико родился в Болонье в 1980 году, сейчас живет в Риме. Получил высшее образование в области классической филологии, специализировался в области сценарного мастерства и кинопроизводства, занимается переводом в сфере книгоиздания и кино. Копирайтер и сценарист, редактирует тексты телесценаристов и писателей. Пишет рассказы для детей, стихи и эссе (на итальянском и на английском языках), в настоящий момент работает над своим первым романом. Его последний сборник стихов «Открытое море» увидел свет в издательстве «Араньо» в июне 2015 года.

Andrea Giovanni Taietti

Traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Андреа Джованни Тайетти

Перевод на русский язык Ольги Никитиной

BIANCO DI FELICITÀ

In memoria di Davide

You're going to reap just what you sow…
Perfect day, Lou Reed

«Mio.
Miei.
Nostri.
Nostri.
Nostro.
Noi.
Loro.
Mio.
"Nostri".
Nostro.
Loro».

Continuavo a ripetere nella mia mente che Noi stavamo andando da Loro. Continuavo a pensare che avrei trovato differenze tra Noi e Loro. Continuavo a fremere per l'incontro tra Noi e Loro.
Ma Noi e Loro non esiste.
Quanto meno per "Loro".
Per "Noi", sì.
Per Me, non più.

БЕЛЫЙ – ЦВЕТ СЧАСТЬЯ

В память о Давиде

Пожнешь то, что посеешь...
«Идеальный день», Лу Рид

«Мой.
Мои.
Наши.
Наши.
Наш.
Мы.
Они.
Мой.
«Наши».
Наш.
Они».

Я все повторял про себя, что Мы едем к Ним. Все думал, что увижу, чем Они отличаются от Нас. Все боялся момента, когда Мы с Ними встретимся.
Но Нас не существует, так же, как и Их.
По крайней мере для «Них».
Для «Нас» – да.
Для Меня уже нет.
Я это сразу понял.

Me ne resi conto subito.
Erano le sette e quindici del 2 agosto 2012. Era un giovedì. Lo ricordo bene.
Feci la solita colazione con le solite persone. Ma non sarebbe più stata la solita vita. Non sarei più stato il solito uomo.
Poi avevo accanto lui. Mio fratello. Mio amico. Il che mi rassicurava un poco.
Arrivati in Africa mi accorsi subito che tutto ciò che potevo aver creduto su quella terra, non era nemmeno lontanamente vicino alla realtà.
La mattina. La mattina in Africa ha un sapore particolare. A volte ti sfinisce dalla calura infernale, altre ti accarezza, delicatamente.
L'aria fa quasi venire la pelle d'oca, ma è piacevole. Chiudi le braccia e stringi le mani. Inspiri. Ed espiri.
Gli uccelli cantano ininterrottamente.
C'è chi si sveglia presto e chi invece preferisce godere ancora un pochino di questo momento di relax.
La sera. La sera pare a volte di stare come qui da noi. Si cena tutti insieme intorno alla stessa tavola e si chiacchiera e ride finché è ora di andare a letto. Poi però capita di vedere due lampi e sentire due botti fortissimi. Ma guardi fuori e non c'è il temporale. Non sono tuoni. Non è nemmeno l'ultimo dell'anno e quindi ti rendi conto che sono colpi d'arma da fuoco. E hai paura.
Paura.
Quella con la "P" maiuscola. E un po' te ne vergogni, perché pare scontato, ipersensibile e d'obbligo. Ma non è così.
Hai paura.
Davvero.
E poi le persone. Le persone sono diverse. Sono, sono Persone.
Dal momento in cui ho posato i piedi sul suolo maliano me ne sono reso conto. Tutti ci accoglievano felici.
I bambini poi, a Kalaban Courà, quartiere di Bamako in cui eravamo ospitati, sin dal primo momento che ci hanno visti sorridevano. Sorridevano con tutti quei denti bian-

Было семь пятнадцать утра, второе августа две тысячи двенадцатого года. Четверг. Хорошо это помню.
Я, как и всегда, позавтракал в привычной компании. Жизнь же моя вскоре перестанет быть привычной. Как и я сам.
И потом он был рядом. Мой брат. Мой друг. Это придавало мне уверенности.
По прибытии в Африку я сразу понял, что все мои представления об этой земле даже отдаленно не походили на правду.
Утро. У африканского утра особый вкус. Сегодня ты изнемогаешь от невыносимой жары, завтра обласкан ветром.
От приятной прохлады мурашки по коже. Крепко обхвати себя руками. Вдох. Выдох.
Беспрестанно щебечут птицы.
Кто-то просыпается рано, а кто-то, наоборот, предпочитает насладиться моментом, расслабиться.
Вечер. Вечера же иногда, кажется, совсем не отличаются от наших. Все ужинают за одним столом, болтают и смеются, пока не наступит пора ложиться спать. Случается, однако, иногда вдруг видишь вспышки, слышишь раскаты. Выглядываешь за окно – грозы нет. Это не гром. И даже не новогодняя ночь. И ты понимаешь, что это выстрелы. И ты чувствуешь страх.
Страх.
Страх с большой буквы. И ты стыдишься его, потому что он кажется чем-то само собой разумеющимся, неизбежным, а ты вроде как оказываешься гиперчувствительным. Но это не так.
Ты боишься.
По-настоящему.
И потом эти люди. Они другие. Они – Люди.
С той минуты как я ступил на малийскую землю, я сразу это понял. Люди встречали нас с радостью. А дети в Калабан Коура, квартале Бамако, где нас приютили, едва завидев нас, принимались улыбаться. Белоснежные зубы, улыбки слепили глаза. В их глазах тоже была улыбка. В глазах, тоже белых как снег, выражавших неподдельный восторг.

chi che risaltano dalle loro bocche. E sorridevano con gli occhi. Gli occhi, anch'essi bianchi come la neve, che mostravano vera gioia.
Ed erano contagiosi. Non potevo far altro che sorridere di riflesso. Ma nemmeno i miei sorrisi erano di cortesia. Ero felice. E stavo bene.
Da allora il bianco mi riporta alla felicità.
In ogni cosa che facevamo in quel luogo mi sentivo rinascere. Ogni giorno sempre di più. Scuola, giochi, pranzi e cene. C'erano sempre persone intorno a noi. Con noi.
Ero partito con l'idea di aiutare qualcuno che avesse più bisogno di me. Volevo dare. Volevo dare tanto. Ma credo di essere stato più aiutato io. Di aver ricevuto più io. Mi sento quasi in debito.
Un giorno, sarà stato il quarto o quinto da quando ero arrivato, io e mio fratello, con Erasmo, il nostro Chef du Village, stavamo giocando a calcio con i bambini al campo. All'improvviso inizia a piovere. Piovere. Piovere. A dirotto. Uno di quegli acquazzoni che oscurano il cielo. Improvvisi. Quelli che l'acqua batte talmente forte sul terreno da rimbalzare e creare un velo di nebbia alto pochi centimetri. Scrosci bianchi e gelidi. Che fa quasi male sulla pelle.
Noi due d'istinto scappiamo sotto la tettoia. Al riparo. E i ragazzi ci seguono.
Io alzo gli occhi al cielo e mi chiedo quando finirà. Penso che è un peccato, ci stavamo divertendo. Poi mi volto e vedo i bambini che si tolgono la maglietta. Tutti. E si lanciano in una corsa folle ma bellissima. Tutti. E ricominciano a giocare.
"*The show must go on*" diremmo noi.
Ma c'era di più. C'era gioia. Quella vera. Quella dei sorrisi.
Quei bambini erano più felici che mai.
Erasmo mi guardò e disse:

"*Questa è libertà Francesco*".

E cazzo. C'aveva ragione.

И это заражало. Я не мог не улыбаться в ответ. Но мои улыбки не были лишь данью приличию. Я был счастлив. Я чувствовал себя прекрасно.
С тех пор белый цвет ассоциируется у меня со счастьем.
Что бы я ни делал в этом месте, я чувствовал, будто заново рождаюсь. С каждым днем я чувствовал это все сильнее. Школа, игры, время обеда и ужина. Вокруг нас всегда были люди. С нами всегда были люди.
Я отправился с намерением помочь кому-нибудь, кто во мне нуждался. Я хотел отдавать. Хотел отдавать много. Но я думаю, что мне помогли больше. Я получил больше, чем отдал. Почти что чувствую себя в долгу.
Однажды на четвертый или пятый день по приезде мы с братом и Эразмом, вождем нашей деревни, играли в футбол с детьми. Внезапно пошел дождь. Дождь. Дождь. Проливной. Один из тех ливней, что темными тучами затягивает небо. Что начинается ни с того ни с сего. Когда капли так сильно стучат по земле, что отскакивают от земли на несколько сантиметров, создавая пелену тумана. Ледяной белый поток. Что почти ранит кожу.
Мы вдвоем инстинктивно убегаем под навес. Прячемся. Ребята – за нами.
Я поднимаю глаза к небу и спрашиваю себя: «Когда же это закончится?» Думаю: «Какая жалость! Нам было так весело». Затем я поворачиваюсь и вижу, как дети снимают свои футболки. Все до одного. И бросаются бежать отчаянно, прекрасно. Все до одного. И вновь принимаются за игру.
«The show must go on», – сказали бы мы.
Но в этом было нечто большее. Радость. Та самая. Настоящая. С улыбками, о которых я вам рассказал.
Дети были счастливы как никогда.
Эразм посмотрел на меня и сказал:

«Это – свобода, Франческо».

И, черт побери, он прав.

Nota critica

"Raccoglierai ciò che hai seminato…" canta Lou Reed in *Perfect day* (*Transformer*, RCA, 1972). E cosa mai raccoglieremo noi che abbiamo fondato la nostra civiltà sulla tecnica? *Bianco di felicità* mette in evidenza ciò che noi abbiamo perso nella nostra corsa al "progresso": l'amore per la natura, in modo particolare, e la ricerca della felicità.
Andrea Giovanni Taietti ci porta in un mondo, l'Africa, dove nelle pieghe più intime dell'animo umano il riferimento essenziale rimane la prossimità alla natura. Qui viene sviluppata una sensibilità che porta le persone a essere "diverse" da noi. A essere "Persone" autentiche.
Bianco di felicità ci segnala che, per difendere il nostro stupore, il nostro candore, la nostra umanità, è necessario non sottrarsi dal confronto con l'*altro*. Andando in Africa – andando propriamente incontro all'*altro* – il protagonista del racconto parte "con l'idea di aiutare qualcuno". Alla fine giunge a dichiarare: "Credo di essere stato più aiutato io". Ecco a cosa può portare il confronto con quelle persone che non hanno tradito la natura. Ed è così che, sempre in *Perfect day*, Lou Reed può cantare: "*I thought I was someone else, someone good…*" ("Ho pensato di essere un altro, qualcosa di migliore…").
Questo racconto costituisce una vera riflessione sulla situazione odierna dell'umanità e sull'impoverimento delle sue risorse simboliche e culturali, erose dall'oppressione tecnologica. Da questa riflessione impariamo come sia possibile ancora individuare nell'*altro* la grazia di un colloquio armonioso e diventare così pienamente consapevoli della nostra esistenza.
Va ripensato il nostro rapporto con il mondo, un rapporto che va sempre più logorando l'antico legame che l'essere umano aveva con le cose. Questa società ci richiede di rinunciare alla vita naturale, facendoci cadere con tale rinuncia in balia delle macchine e persuadendoci di poter disporre a nostro piacimento degli elementi atmosferici del paesaggio; tanto da indurci per esempio a ritenere un semplice scroscio di pioggia come un inciampo per il nostro divertimento…

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

«Пожнешь то, что посеешь…» поет Лу Рид в песне «Идеальный день» («Transformer», RCA, 1972). А что же пожнем мы, создавшие цивилизацию, которая основана на технологии? Рассказ «Белый – цвет счастья» показывает нам то, что мы потеряли в погоне за «прогрессом»: прежде всего, любовь к природе, а еще стремление к счастью.

Андреа Джованни Тайетти переносит нас в другой мир, в мир Африки, где близость к природе все еще остается важным ориентиром, хранимым в самых сокровенных уголках человеческой души. Здесь у людей развивается чувствительность, которая делает их отличными от нас. Делает настоящими людьми.

Рассказ подсказывает нам: чтобы не утратить способность удивляться, наивность и человечность, не стоит бояться сравнения с другим. В Африку, навстречу другому, главный герой рассказа отправляется «с намерением помочь кому-нибудь». Но в конечном счете заявляет: «Я думаю, что мне помогли больше». Вот к чему приводит сравнение с обществом, не предавшим природу. Именно об этом поет Лу Рид все в той же песне «Идеальный день»: «Я думал, что был кем-то другим, кем-то лучшим...».

По сути, рассказ представляет собой размышление о ситуации, в которой находится современное человечество, об истощении символических и культурных ресурсов, которые разрушаются под гнетом технологии. Из этого рассуждения следует, что с другим еще можно насладиться гармоничной беседой, всецело осознать бытие.

Необходимо переосмыслить наши отношения с мирозданием, отношения, все сильнее разрушающие древнюю связь человека с предметами и явлениями. Общество требует от нас отказаться от жизни в согласии с природой, вследствие чего мы оказываемся во власти машин. Оно убеждает нас в том, что мы можем подчинить своим прихотям даже атмосферные явления. И теперь дождь начинает восприниматься лишь как досадная помеха…

Флавио Эрмини

Biografia

Andrea Giovanni Taietti (1987) vive a Fontanella, in provincia di Bergamo. All'Università di Bergamo ha conseguito la laurea triennale, nel 2010, e in seguito, nel 2014, la laurea specialistica in Lettere, con curriculum giornalistico. Entrambe le tesi hanno seguito un percorso prettamente filosofico toccando e studiando a fondo argomenti quali l'identità personale e l'irrealtà del tempo. Dopo la laurea specialistica ha lavorato presso il Museo di Arte e Cultura Sacra di Romano di Lombardia e la biblioteca in esso situata. Attualmente studia Storytelling & Performing Arts presso la Scuola Holden di Torino.

Биография

Андреа Джованни Тайетти (1987) живет в Фонтанелле, провинция Бергамо. В Бергамском университете в 2010 году он получил диплом бакалавра, в 2014 году – диплом магистра филологии (специализация – журналистика). Обе дипломные работы выполнены в философском русле, автор затронул такие вопросы, как самоидентификация и ирреальность времени. По окончании университета работал в Музее церковного искусства и культуры в городе Романо-ди-Ломбардия. В настоящее время изучает писательское мастерство и исполнительское искусство в Школе Холден в Турине.

Молодые российские переводчики
Giovani traduttori russi

Яна Арькова родилась в Москве. В 2008 г. окончила Литературный институт имени А.М. Горького (переводческий семинар). Стажировалась в Перудже и Сиене. В 2012 году окончила магистратуру филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности «сравнительное литературоведение». Работает в Театральном центре СТД РФ «На Страстном». Член Союза писателей Москвы и Союза театральных деятелей РФ.
Переводила рассказы Лучаны Литтиццетто («Одна как стебель сельдерея», 2006–2008, «По кочану», 2007), книги Алессандро Барикко («Такая история», 2007–2008), Роберто Савьяно («Гоморра», 2010, «Ноль ноль ноль», в печати), Андреа Де Карло («О нас троих», 2011), Умберто Эко («Сотвори себе врага», 2014), рассказы Джанрико Карофильо, итальянскую поэзию и драматургию, сотрудничает в журнале «Иностранная литература».

Jana Ar'kova è nata a Mosca. Nel 2008 ha terminato l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (seminario di traduzione). Ha fatto *stages* a Perugia e a Siena. Nel 2012 ha terminato il corso magistrale della Facoltà di Filologia dell'Università Lomonosov di Mosca con specializzazione in Letterature comparate. Lavora al centro teatrale STDRF "Na Strastnom". È membro dell'Unione degli Scrittori di Mosca e dell'Unione dei Lavoratori Teatrali della RF.
Ha tradotto racconti di Luciana Littizzetto (*Sola come un gambo di sedano*, 2006-2008, *Col cavolo*, 2007), libri di Alessandro Baricco (*Questa storia*, 2007-2008), di Roberto Saviano (*Gomorra*, 2010, *Zerozerozero*, in corso di stampa), di Andrea De Carlo (*Di noi tre*, 2011), di Umberto Eco (*Costruire il nemico*, 2014), racconti di Gianrico Carofiglio, opere di poesia e drammaturgia italiane; collabora con la rivista "Letteratura straniera".

Ксения Воробьева родилась в Москве. В 2006 году с семьей переехала жить в Италию. Обучалась в Академии изящных искусств (г. Рим). Вернувшись в Россию, работала переводчиком в школе при Консульстве Италии, сопровождала гастрольный тур театра «Пиккоро ди Милано» по России и итальянские военные оркестры на фестивале «Спасская башня». Писала статьи для журнала «Italia. Made in Italy». С 2013 года учится в Литературном институте имени А.М. Горького (семинар прозы, руководитель А.А. Михайлов), работает библиотекарем.

Ksenija Vorob'jova è nata a Mosca. Nel 2006 si è trasferita con la famiglia in Italia. Ha studiato all'Accademia di Belle Arti a Roma. Tornata in Russia, ha lavorato come traduttrice alla scuola presso il Consolato d'Italia, ha accompagnato in *tournée* in Russia il "Piccolo" di Milano e le orchestre militari italiane al festival "Torre Spasskaja". Ha scritto articoli per la rivista "Italia. Made in Italy". Dal 2013 studia all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (seminario di Prosa, responsabile A.A. Michajlov), lavora come bibliotecaria.

Анна Лентовская родилась в Ленинграде. Выпускница филологического факультета СПбГУ по специальности «Итальянский язык и литература», а также факультета иностранных языков Пизанского университета по специальности «Перевод художественной литературы и публицистики». В настоящее время – преподаватель русского языка Лингвистического центра Пизанского университета. Докторант Высшей нормальной школы г. Пиза по специальности «Лингвистика». Автор ряда научных публикаций, переводчик художественных текстов с французского и итальянского, в том числе книг Филиппа Эрланже «Диана де Пуатье» (2002), Джины Фазоли «Короли Италии» (2007), Франко Маттеуччи «Праздник цвета берлинской лазури» (2007), Сильвии Аваллоне «Стальное лето» (2011), Сары Раттаро «С тобой так нельзя» (2015), Мариолины Венеции «Я тысячу лет здесь живу» (в печати) и др. Финалист конкурса «Радуга» 2013 года.

Anna Lentovskaja è nata a Leningrado. Si è laureata alla Facoltà di Filologia dell'Università Statale di San Pietroburgo in Lingua e letteratura italiana, e anche alla Facoltà di Lingue straniere dell'Università di Pisa con specializzazione in Traduzione di letteratura e pubblicistica. Attualmente insegna Lingua russa al Centro linguistico dell'Università di Pisa. È dottoranda alla Scuola Normale Superiore di Pisa, specializzazione in Linguistica. È autrice di pubblicazioni scientifiche, traduttrice di testi letterari dal francese e dall'italiano, tra cui i libri di Philippe Erlanger *Diane de Poitiers* (2002), di Gina Fasoli *I re d'Italia* (2007), di Franco Matteucci *Festa al blu di Prussia* (2007), di Silvia Avallone *Acciaio* (2011), di Sara Rattaro *Niente è come te* (2015), di Mariolina Venezia *Mille anni che sto qui* (in corso di stampa) e altri. È stata finalista del Premio Raduga nel 2015.

Ольга Никитина родилась в городе Тула. В 2012 году окончила Российский государственный гуманитарный университет по специальности «социальная психология». Со второго курса начала изучать итальянский язык в российско-итальянском учебно-научном центре РГГУ. В 2011 году получила грант Erasmus Mundus для обучения на факультете психологии Болонского университета. В 2013 году поступила в магистратуру РГГУ по специальности «Межкультурная коммуникация: язык, история и литература России и Италии», в рамках которой провела семестр в Болонском университете. В настоящее время работает над магистерской диссертацией на тему переводов чеховской драмы на итальянский язык.

Ol'ga Nikitina è nata a Tula. Nel 2012 ha terminato l'Università Statale Umanitaria Russa con specializzazione in Psicologia sociale. Dal secondo corso ha iniziato a studiare al centro russo-italiano didattico-scientifico della RGGU. Nel 2011 ha ottenuto la borsa di studio Erasmus Mundus per studiare alla Facoltà di Psicologia dell'Università di Bologna. Nel 2013 ha iniziato la laurea magistrale alla RGGU con specializzazione in Comunicazione interculturale: lingua, storia e letteratura della Russia e dell'Italia, nel cui ambito ha trascorso un semestre all'Università di Bologna. Attualmente lavora alla tesi specialistica sulle traduzioni del dramma di Anton Cechov in lingua italiana.

Диляра Туишева родилась в Крыму в г. Евпатория. В 2006 окончила Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специальности «страновед-культуролог со знанием итальянского языка». В 2014 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького (переводческий семинар). Финалист конкурса «Радуга» 2014 года. Три эссе Алессандро Пиперно и рассказ Паоло Коньетти в ее переводе опубликованы в журнале «Иностранная литература» (2015-2016 гг.).

Diljara Tuiševa è nata a Evpatorija, in Crimea. Nel 2006 ha terminato l'Università Statale di San Pietroburgo di cultura e arti, specializzazione in Etnologo-culturologo con conoscenza della lingua italiana. Nel 2014 ha terminato i corsi letterari superiori all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (seminario di Traduzione). Finalista del Premio Raduga nel 2014. Tre saggi di Alessandro Piperno e un racconto di Paolo Cognetti sono stati pubblicati nella sua traduzione sulla rivista "Letteratura straniera" (2015-2016).

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Алексей Артемьев	Aleksej Artem'ev
Евгения Декина	Evgenija Dekina
Александр Евсюков	Aleksandr Evsjukov
Диана Ибрагимова	Diana Ibragimova
Татьяна Шабаева	Tat'jana Šabaeva

Алексей Артемьев

Перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Aleksej Artem’ev

Traduzione in italiano di Francesca Gasparini

КИСЕЛЬ И ВОДКА

Толя Соловьев, по-деревенски Кисель, решил кролика зарезать. То бишь, крольчиху. Да и как сказать, решил... Киселем-то его не просто так кличут. В общем, жена (Машкой звать) решила, а он, куда деваться, согласился. Она у него, Машка-то, практичная, во всем выгоду ищет. Что, говорит, толку лишнюю скотину держать, кормить, поить, добро переводить, к женихам, между прочим, носить, если приплода – нуль. А крольчиха и правда, гадина эдакая, как окрольчится, так сама весь помет и слопает. Управы никакой на нее нет. Дед Яков Кутьин, сосед через амбар, подсказал, что это вроде как «по закону звериному. Что по энтому самому закону животная должна хилых поесть, а покрепше которые – оставить. Ессессьный отбор, язви его». Вот только жрет крольчиха без разбору и отбору. Тут уж ессессьного мало. Или немощи одни у нее получаются. Тогда на кой черт такая сдалась? На сковороду, разве что. Или, как по-здешнему, на жарилку. Машка про то твердит, не устает. А с ней поди-ка, поспорь! С ней вон и у Толика разговор долгим не выходит. Он рта не успеет разинуть – она за него и скажет сама, и разъяснит, почему он не прав, и на путь истинный направит. Не с полуслова – со вдоха понимает, пускай и по-своему. Бывает, хочет Толик спросить, что на ужин, а уходит с тем, что еще с обеда сытый и до завтра есть не желает. Потом, знай, сидит на лавочке, нервно курит – одну, другую – и прямо диву дается: да как так-то?

С крольчихой схожая история. Обернулось все так, будто Толик сам зарезать решил, а Машка даже совсем ни при чем. Кому скажи – не поверят. Засмеют.

Он, было раз, бате своему поросенка резать помогал, веревку держал.

GELATINA E VODKA

Tolja Solov'ev, per quelli del villaggio Gelatina, decise di scannare un coniglio. Cioè, una coniglia. Decise, si fa per dire… Non è che lo chiamassero "Gelatina" solo così. In pratica la moglie (che fa Maška di nome) aveva deciso, e lui, niente da fare, aveva detto sì. Lei, Maška s'intende, è una donna pratica, cerca in tutto il proprio tornaconto. Che, dice, a tenere bestie in più, darci da mangiare, da bere, sprecarci roba, portarle dai maschi, tra le altre cose, se vuoi che figlino, non se ne guadagna un bel niente. E la coniglia in effetti, razza di carogna, come si sgravava ecco che si pappava da sola l'intera covata. Non c'era verso di fermarla. Il vecchio Jakov Kut'in, il vicino che sta dopo il granaio, aveva detto che era una specie di "legge delle bestie. Che proprio secondo questa legge la femmina deve mangiarsi quelli messi male, e quelli più forti invece lasciarli. Selezione naturistica, che gli venga un accidente". È solo che la coniglia se li mangia senza fare alcuna selezione. Di naturistico c'è ben poco. Oppure gliene escono solo di deboli. Allora a che diavolo può servire una bestia così? Meglio in pentola, semmai. O come si dice qui, nella pignatta. Maška lo ripete in continuazione, non la smette. E provaci un po' tu a discutere con lei! Neanche Tolik[1] riesce farci grandi discorsi. Non fa nemmeno in tempo a dire "ah" che lei inizia a parlare al posto suo, e a spiegargli perché non ha ragione, e a riportarlo sulla retta via. Neanche mezza parola, basta che lui prenda fiato e lei capisce, seppure a modo suo. Capita che a Tolik salti il ticchio di sapere cosa c'è per cena, e se ne esce invece dicendo che è ancora sazio dal pranzo e che fino al giorno dopo non vuole mangiare. Poi, facendo finta di niente, se ne sta seduto sulla panca, fuma nervoso – una, un'altra – e ci resta davvero di sasso: ma come diavolo è successo?
Con la coniglia la storia è stata più o meno la stessa. Ne è risultato quasi come fosse stato proprio Tolik a decidere, mentre Maška non ne sapeva niente. Se lo vai a raccontare in giro non ti crederanno mica. Ne rideranno.

---

[1] Variante familiare di Tolja, entrambi diminutivi di Anton. Lo stesso dicasi per Tol', più avanti nel testo. [NdT]

Да и то морду отворотил, зажмурился. Мог бы, и уши б заткнул, да руки занятые. Батя его впредь и на подмогу брать перестал. Все либо сам, либо мужиков каких за бутылку позовет. «Эх, – говорит, – Толик-Толик... Что ж ты, как кисель трухмальный?» Кто-то услыхал, кому-то рассказал, так прозвище и прилипло. Решить-то он, может, решил, но тут надо еще решиться. Смелости, так сказать, понабраться. Это ведь дело нешуточное, не на каждый день приходится.

Покурил Толя для успокоения нервов, да на двор пошел. Встал перед кроличьей клеткой, сунул палец меж прутьев, пошевелил играючи:

– Утю-тю...

Крольчиха высунулась из своего логова – нет, вкусным не пахнет – и обратно.

– Ну иди, иди сюда, – поманил Толя. Ни в какую.

Он – бегом на грядки. Ободрал капустные вилки, еще недозревшие, кое-где моркошку подергал, так, чтоб незаметно, с краев. Все в баке перемыл, накидал в клетку. Сам сел на корточки; захотелось поближе посмотреть, как та хрумкать будет.

Но только крольчиха вылезла, у Толи в нутре что-то екнуло, и он понял: «Не смогу». И в этом весь Толик Кисель – не смогу, и все тут. А от былых помыслов ему аж поплохело: «Мама дорогая, вот угораздило! Это ж надо на такое подписаться! На убийство, как ни крути. Ладно, курицу, петуха... карася там... Их уж как-нибудь. Но кролика! Вон у нее хвостик какой аккуратный, глазки-бусинки, грудка с белым галстучком. Сама вся гладкая, пушистая, как Машка перед сном. Натурально – игрушка, живая только. Живая! Нет, не для того он у Алексашки Быкова ее выпрашивал; огород, считай, задарма вспахивал. Но отступать тоже не дело. У Машки без того поцелуев не выпросишь. А теперь и вовсе скажет: “С киселями не цалуюсь”».

Lui, era una volta, stava aiutando il suo vecchio a scannare un porcello, reggeva la corda. E in più prese a volgere la faccia dall'altra parte, a strizzare gli occhi. Anche le orecchie si sarebbe tappato probabilmente, se non fosse che aveva le mani occupate. Da quella volta il suo vecchio aveva smesso di portarselo dietro ad aiutare. Si faceva tutto da sé, oppure chiamava qualcuno degli uomini in cambio di una bottiglia. Eh – diceva – Tolik, Tolik… Ma che sei, una gelatina inamidata? Qualcuno l'aveva sentito, l'aveva raccontato a un altro, e così gli si era attaccato il soprannome. Per decidere, forse, aveva anche deciso, ma bisognava ancora decidersi a farlo. Tirare fuori, per così dire, il coraggio. Ma non è mica una cosa da niente, non capita tutti i giorni.
Tolja fumò per placare i nervi, e andò in cortile. Si piazzò davanti alla gabbia dei conigli, ficcò un dito tra le sbarre, lo mosse giocherellando:
– Pciu pciu pciuu…
La coniglia si sporse dalla tana – no, non aveva un odore appetitoso – e tornò indietro.
– Dai, vieni, vieni qua – la chiamò con un cenno Tolja.
Neanche per sogno. E lui di corsa nell'orto. Strappò delle palle di cavolo non ancora mature, tirò fuori una carota da qualche parte, dai bordi, perché non si notasse. Lavò tutto in un secchio, lo buttò nella gabbia. Si accucciò; voleva vedere più da vicino come quella si sarebbe messa a sgranocchiare.
Ma non appena la coniglia uscì fuori, a Tolja gli si strinse qualcosa dentro e capì: "Non ce la posso fare". E qui sta tutto Tolik la Gelatina – non ce la posso fare, e basta. Gli venne persino il magone per le sue intenzioni passate: "Mamma santa, ma cosa mi è capitato! Ma come si può! È un omicidio, girala come vuoi. Va bene una gallina, un pollo… una carpa anche… Non mi fanno né caldo né freddo. Ma una coniglia! Ha un codino così ben fatto, quelle due perline nere, il petto col cravattino bianco. Tutta morbida, vaporosa, come Maška prima di andare a letto. Si intende – un giocattolo, solo che è vivo. Vivo! No, non era per questo che l'aveva chiesta così insistentemente ad Aleksaška Bykov; gli lavorava l'orto gratis, quasi. Ma di tirarsi indietro non se ne parlava neanche. Già anche senza di quello a Maška non ti puoi fidare di chiedere baci. E adesso dirà di certo: «Con le gelatine non mi bacio».
Tolik arrabbiato tirò una pedata alla cassetta con le mele e si incamminò lentamente, zoppicando

Толик пнул со злобы коробушку с яблоками и побрел, прихрамывая, ко двору – покурить, да обмозговать то-се. Стал думать, кого такого позвать, чтобы и службу сослужил, и на смех не подымал. Друзей у него почти не осталось: кто в город уехал, кто запил, кто до смерти упился. Алексашка Быков, конечно, подсобит, да с ним после не расплатишься. Три шкуры сдерет и еще попросит, не постыдится. А батю пригласишь, так совсем уважать перестанет...

Размышления прервал дед Яков Кутьин. Прервал самым неслыханным образом. Все то время, пока Толик предавался внутренней борьбе, дед Яков мирно спал у себя в палисаднике. Видать, спозаранку успел в магазин за «беленькой» сбегать. А проснулся он от удушающей сухоты в глотке, такой, что приличными словами, пожалуй, и не скажешь.

По-пластунски дополз он до забора, отодвинул сломанную штакетину и, точно пес из конуры, высунул голову. Осмотрелся. Тяжеленные синие мешки отвисли почти что до кончика носа. Эдакий Вий после бурного шабаша. Увидал Толика (Толик заметил его раньше и уже весь краснотой изошел от смеха) и простонал жалостливо:

– Помира-а-аю... Спасите, божешки...

Хоть стой, хоть падай. Кабы услыхал кто нездешний, с образом житья деда Якова незнакомый, так кинулся бы спасать. В старческом голосе звенела вся боль рода людского, вызванная похмельем и репейным пеньком, уткнувшимся в ногу.

– Дядь Яшк, – крикнул Толик, тыльной стороной ладони вытирая слезы, – что случилось?

Старик неспешно отвел взгляд в сторону, нахмурился, словно ответ обдумывал. Потом громко икнул и всунул голову обратно. И уже из непроглядной зелени кустов донеслось:

– С кем?

un po', verso il cortile – a fumare, e a scervellarcisi su. Prese a pensare a chi poter chiedere il favore e non farci la figura del fesso. Amici praticamente non gliene erano rimasti: chi se n'era andato in città, chi si era dato al bere, chi a bere ci aveva lasciato le penne. Aleksaška Bykov, certo, lui ce la darà una mano, ma poi con lui non regoli i conti. Ti scortica vivo e poi chiede ancora, non ha vergogna. E se invece chiami il tuo vecchio, non avrà più nessuna stima di te…

Le riflessioni furono interrotte dal vecchio Jakov Kut'in. Le interruppe nel modo più inaudito. Per tutto il tempo in cui Tolik si era abbandonato alla sua lotta interiore, il vecchio Jakov aveva dormito beatamente nel suo giardinetto. Si vede che al mattino presto era riuscito a fare un salto al negozio a comprarsi della vodka. Si svegliò però per l'arsura soffocante che aveva in gola, una cosa che con parole decenti, forse, è difficile a dirsi.

Strisciò sui gomiti fino allo steccato, spostò un'assicella rotta e, proprio come un cane dalla cuccia, mise fuori la testa. Si guardò attorno. Pesantissime borse scure gli pendevano dagli occhi fino quasi alla punta del naso. Una specie di Vij[2] dopo una tregenda selvaggia. Vide Tolik (Tolik lo aveva notato prima e già si era fatto tutto paonazzo dalle risate) e piagnucolò in modo commovente:

– Sto more-e-endo… Salvami, Signore santo…

Non poteva credere alle proprie orecchie. L'avesse sentito qualcuno che non era di lì, non avvezzo allo stile di vita del vecchio Jakov, si sarebbe precipitato in aiuto. In quella voce senile risuonava tutta la sofferenza del genere umano, dovuta alla sbornia da smaltire e a un rametto di lappola che gli si era attaccato a un piede.

– Zio Jašk[3] – lo chiamò Tolik, asciugandosi le lacrime col dorso della mano – che succede?

Il vecchietto volse lentamente lo sguardo di lato, si fece scuro in volto come se meditasse una risposta. Poi singhiozzò rumorosamente e ficcò di nuovo dentro la testa. E già dalla fitta vegetazione dei cespugli si sentì:

---

[2] Personaggio del folklore slavo e germanico, nonché protagonista dell'omonimo racconto di N. Gogol' (1835). Il Vij era il capo degli Gnomi, una creatura mostruosa dotata di pesanti e lunghe palpebre. [NdT]

[3] Diminutivo di Jakov. [NdT]

Минут через пять подошел. Сел рядом с Толиком. Трясущейся рукой прилепил к губе сигарету, задымил. – Ох, плохо, плохо, плохо..., – пролепетал он.
– Ты, дядь Яшк, пить бросай, – посоветовал Толик. Он снова своими думами занялся. – Глядишь, и плохо не будет.
– Сумневаюсь, – ответил дед, – ты бы стакашок вынес, Толь...
– Нету у нас.
– Машка дома?
– Дома.
– Тады ясно.
– Правда, нету.
Помолчали, поглазели на землю.
– Я б тебе купил..., – заговорил Толик, и дед Яков с надеждой уставился на него. – Дело есть одно.
– Толь, ты меня знаешь, – приободрился дед. – Я же с радостью. Я подсоблю чем...
– Кролика зарезать надо.
Дед Яков разом выдохнул из себя весь воздух. Поводил пальцем по обгоревшим усам, подумал.
– А еслив из ружья пульнуть?
– В кого? В кролика?!
– Это я шутейно. А коли пазуправ, грех на душу я брать не стану. Мне, Толь, восьмой десяток пошел. Пора у Бога старое бытье замаливать, – затянулся, помолчал. – А то ведь как оно получается: Господь Боженька мне и сено ворованное простит, и конбикорм с мукой, и что с папкой дралси до полусмерти, и винцо тож. А как в рай повезет, у самой калитки опомнится, скажет: «ДЯДЬ ЯШК, ДА ТЫ Ж УБИВЕЦ». Я, конечно, поспорю, чай язык есть. А Он мне: «НУ А ЗАЙЦА КТО ЗАРЕЗАЛ? Я ЧТО ЛИ,

– A chi?
Dopo più o meno cinque minuti lo si vide arrivare. Andò a sedersi di fianco a Tolik. Con mano tremante incollò al labbro una sigaretta, tirò una boccata. – Ah, male, male, male… – proferì balbettando.
– Tu, zio Jašk, devi darci un taglio col bere – consigliò Tolik. E sprofondò di nuovo nei suoi pensieri. – Forse non sarebbe male.
– Dubito – rispose il vecchio – che me lo porteresti fuori un bicchierino, Tol'…
– Non ce n'è.
– È a casa Maška?
– Sì.
– Eh, allora per forza.
– È la verità, non ce n'è.
Rimasero zitti, guardarono a terra.
– Te lo comprerei anche… – prese a dire Tolik, e il vecchio Jakov gli piantò gli occhi addosso speranzoso. – Una cosa ci sarebbe.
– Tol', tu a me mi conosci – si fece coraggio il vecchio. – Lo farei proprio di gusto. Te la darò una mano a…
– C'è da scannare un coniglio.
Il vecchio Jakov buttò fuori di colpo tutta l'aria che aveva nei polmoni. Si passò il dito sui baffi rovinati dal sole, rifletté.
– E non ci puoi sparare un colpo?
– A chi? Al coniglio?!
– Questo l'ho detto per scherzo. Ma anche se lo dicevo mezzo per davvero, io non mi ci insozzo la coscienza. Io, Tol', c'ho più di settant'anni. È ora di rendere la pellaccia a Dio – aspirò a fondo, tacque. E invece guarda che ne uscirebbe: il Signoriddio mi perdona anche per il fieno rubato, e per il mangime mescolato con la farina, e che col mio babbino ci siamo azzuffati fino quasi ad accopparci, e persino per il vinello. Ma quando mi porta in paradiso, proprio sul cancello ci ripensa, dice: "ZIO JAŠK, SEI PROPRIO UN ASSASSINO". Io ovviamente ci avrò da discutere, che la

ЕДРИТ ТВОЮ?» Тут что я Ему скажу? А Он и слушать воспротивится. За шкирку меня хвать – да к чертям в кастрюлю.
Толика такое рассуждение позабавило.
– А ты Ему скажи, что крольчиха сама не без греха. Что детей своих малых жрамши.
– Ну дык и ее черед настанет, – дед Яков плюнул на окурок и добавил: – Тоже кверх тормашками полетит...
– Крольчиха-то?!
Старик откашлялся.
– Толь, может, хоть на глоток найдешь?
– Нету у нас.
Пауза.
– Ну а если серьезно, – сказал Толик, – кого посоветуешь на подмогу позвать? Сижу вот, битый час башку ломаю. Все алкаши да покойники на ум идут. Лешка Кузнецов спился, Мишка Капустин тоже. Дома не бывает, все бродит. Лешка Кислый добродился, помер... Завхоз – этот вообще...
– Выпустил бы ты ее, не мучился, – прервал его дед Яков и тоскливо прилег на ладонь.
– А Машке что скажу?
– Ничаво. Мужик ты али хто?
– Выпущу – один хрен издохнет. Собаки какие задерут.
– Отдай тады кому-нибудь.
– Да кому она нужна такая? Считай, бесплодная.
– А сам-то что делать хошь? Ежели Машку в счет не брать. Резать?
Толик отвернулся.
– Оставил бы.
– Вот и весь сказ.
– Не дело это...

lingua ce l'ho anch'io. E Lui dirà: "E IL CONIGLIO CHI L'HA SCANNATO? SONO STATO FORSE IO, FIGLIO DI UN CANE?" E che Gli dirò io allora? Lui si rifiuterà anche di ascoltare. Mi piglierà per la collottola, e giù in pentola coi diavoli.
Questo ragionamento divertì Tolik.
– E tu a Lui Gli dici che neanche la coniglia era senza peccati. Che si era mangiata i suoi figlioli.
– Eh, ma arriverà anche la sua ora, sì. Il vecchio Jakov sputò la cicca e aggiunse: – Anche lei la rivolteranno da sotto a sopra.
– La coniglia?!
Il vecchietto scatarrò.
– Tol', non è che me lo troveresti anche solo un goccetto?
– Non ce ne abbiamo.
Pausa.
– Ma seriamente – disse Tolik – a chi consiglieresti di chiedere aiuto? Guarda, è già da un'ora intera che sto seduto a spaccarmici la zucca. Mi vengono in mente tutti ubriaconi e defunti. Leška Kusnecov si è attaccato alla bottiglia, Miška Kapustin pure. A casa non c'è, è sempre in giro. Leška Kislyj ha cominciato a fare il vagabondo, è schiattato… Il nostro responsabile… lui, insomma…
– Ma lasciala andare, non ci soffrire – lo interruppe il vecchio Jakov e si appoggiò malinconicamente sul palmo.
– E a Maška che gli dico?
– Un bel niente. Sei un maschio oppure no?
– Se la lascio andare ci crepa da sola quella poveraccia. I cani le faranno la festa.
– Allora daccela a qualcuno.
– A chi serve una bestia così? Fosse sterile, magari.
– E tu che gli vuoi fare allora? Senza tener conto di Maška. Accopparla?
Tolik si voltò.
– La lascerei viva.
– Ecco, fine della storia.
– Ma non si può…

– Тьфу! Едрен-матрен!
Дед Яков зажал ноздрю и шумно высморкался.
– Скажу я тебе вот, что. Ты, Толь, тока не обижайся.
– Говори, чего уж там...
– Кисель – ты и есть кисель. Машка тобой вертит, как хотит, а ты и вертишься, рад-радехонек.
Толик переменился в лице.
– Ну и что с того? – огрызнулся он. – Как могем, так и живем.
– Да никак вы не могете! – с оханиями и аханиями старик поднялся и поковылял к своей избе. Толик рассвирепел.
– А сам-то могешь?
– Я свое отжил, – преспокойно ответил дед Яков.
– Алкаш, а жизни учить вздумал! Иди вон, спи в своем бурьяннике!
– Ужо иду.
– И иди!
– А подмогу ты сабе не найдешь. Без толку.
– Это еще почему?
– Ну ты же сам гваришь: вся деревня, как есть – алкаши да покойники, – плюнул. – А ишшо вот такие, как ты – кисели.
– Пошел ты!
– Ужо иду.
– Умник хренов!
Скрипнула калитка, и дед Яков скрылся из виду.
– Нашелся мне тут, – процедил Толик. Он весь трясся от гнева.
А как откатило, холодной головой подумал и решил крольчиху оставить. И не того ради, чтобы деду Якову нос утереть или Машке норов показать. Оно ведь всяко бывает. Глядишь, однажды разродится по-хорошему и никого не съест.
Деревня-то.

– Puah! Porca vacca!
Il vecchio Jakov si turò una narice e si soffiò rumorosamente il naso.
– Te la dirò io una cosa. Tu, Tol', non offenderti però.
– Dilla pure...
– Una gelatina, una gelatina sei. Maška ti rigira come vuole e tu giri, tutto bello contentone.
Tolik si fece di tutti i colori.
– E che ci vuoi fare? – digrignò i denti, lui. – Si tira avanti come si riesce.
– E tu non ci riesci! – il vecchio si alzò a furia di "ah" e "oh" e si avviò zoppicando alla sua izba.
Tolik andò in bestia.
– E tu ci riesci?
– Io il mio l'ho fatto – rispose calmissimo il vecchio Jakov.
– Un ubriacone e gli salta in mente di insegnare a vivere! Ma vattene a dormire sul tuo prato spelacchiato!
– Già ci sto andando.
– E vacci!
– Non troverai nessuno che ti aiuti. Inutile.
– E perché?
– Ma lo hai detto tu: tutto il villaggio è fatto solo di ubriaconi e defunti – sputò – e poi ci sono anche quelli come te: le gelatine.
– Ma va', va'!
– Già ci sto andando.
– Sapientone da due soldi!
Il cancello cigolò e il vecchio Jakov sparì dalla vista.
– Non lo sono affatto – disse Tolik a denti stretti. Era tutto tremante d'ira.
Ma quando gli passò, ci rifletté a mente fredda e decise di risparmiare la coniglia. E non per darla sul naso al vecchio Jakov o per mostrare a Maška di che pasta era fatto.
Nella vita può succedere di tutto. Magari una volta partorisce per bene e non ne mangia nessuno.
Il villaggio.

Отзыв о рассказе

Фон, на котором автор рисует героя рассказа Толю Соловьева по прозвищу Кисель, представляет собой рядовую российскую деревню, для характеристики которой одному из ее обитателей достаточно процитировать того же Толю: «Ну ты же сам гваришь: вся деревня, как есть – алкаши да покойники… А ишшо вот такие, как ты – кисели».
Прозвище свое герой рассказа оправдывает до тех пор, пока, повинуясь наказу Машки, любимой жены, не оказывается перед необходимостью зарезать кролика. Тут Толя и понимает: «Не смогу», хотя ему нетрудно догадаться о возможной Машкиной реакции на ослушание: «С киселями не цалуюсь».
Толина попытка перепоручить сомнительную миссию вечно пьяному старому односельчанину Якову, терпит неудачу: старик отказывается брать грех на душу, объясняя это по-своему просто: «Мне, Толь, восьмой десяток пошел. Пора у Бога старое бытье замаливать… Господь Боженька мне и сено ворованное простит, и… что с папкой дралси до полусмерти, и винцо тож. А как в рай повезет, у самой калитки опомнится, скажет: “ДЯДЬ ЯШК, ДА ТЫ Ж УБИВЕЦ”».
В добром рассказе молодого участника конкурса равно подкупает естественность авторской речи и речи персонажей. Речевые характеристики Толи и старика Яшки делают их образы исключительно правдоподобными, не оставляя сомнения в чутком слухе одаренного автора.

Евгений Солонович

Nota critica

Lo sfondo sul quale l'autore delinea l'eroe del racconto, Tolja Solov'ev detto "Gelatina", è l'ordinario villaggio russo, per la cui descrizione a uno dei suoi abitanti è sufficiente citare lo stesso Tolja: "Ma lo hai detto tu: tutto il villaggio è fatto solo di ubriaconi e defunti […] e poi ci sono anche quelli come te: le gelatine".
Il protagonista del racconto si mostra degno del suo soprannome fino al momento in cui, obbedendo all'imposizione di Maška, la moglie adorata, non si trova di fronte alla necessità di uccidere una coniglia. È qui che Tolja capisce: "Non ce la posso fare", sebbene non gli sia difficile intuire la probabile reazione di Maška alla sua disobbedienza: "Con le gelatine non mi bacio".
Il tentativo di Tolja di affidare l'incarico sospetto al vecchio compaesano eternamente ubriaco, Jakov, non va a buon fine: il vecchietto si rifiuta di macchiarsi di quella colpa, e lo spiega semplicemente a modo suo: "Io, Tol', c'ho più di settant'anni. È ora di rendere la pellaccia a Dio […] E invece guarda che ne uscirebbe: il Signoriddio mi perdona anche per il fieno rubato, […] e che col mio babbino ci siamo azzuffati fino quasi ad accopparci, e persino per il vinello. Ma quando mi porta in paradiso, proprio sul cancello ci ripensa, dice: «ZIO JAŠK, SEI PROPRIO UN ASSASSINO»".
Nell'ottimo racconto del giovane partecipante al concorso si guadagnano pari simpatia la naturalezza del linguaggio autorale e quella del linguaggio dei personaggi. Le caratteristiche linguistiche di Tolja e del vecchio Jakov ne fanno dei tipi estremamente realistici, non lasciando dubbi sull'orecchio sensibile del talentuoso autore.

Evgenij Solonovič

Биография

Алексей Артемьев родился в 1991 году в селе Ефаево Краснослободского района республики Мордовия. Окончил филологический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Живет в городе Саранск.
С двенадцати лет сочинял стихи, первое прозаическое произведение написал в двадцать один год. Своими учителями в литературе считает В.М. Шукшина, М.А. Шолохова, Д. Стейнбека, А. Камю, С. Сеничева.
Публиковался на сайте Проза.ру, в 2013 году выпустил книгу «Прежде чем уйти».
В 2014 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» с рассказом «Бессмертные».

Biografia

Aleksej Artem'ev è nato nel 1991 nel villaggio di Efaevo, distretto di Krasnoslobodsk, nella repubblica di Mordovia. Si è laureato alla Facoltà di Filologia dell'Università Statale Nazionale di Ricerca della Mordovia "N.P. Ogarev". Vive a Saransk.
Compone versi da quando aveva dodici anni; la sua prima opera in prosa l'ha scritta a ventuno. Considera suoi maestri letterari V.M. Šukšin, M.A. Šolochov, D. Steinbeck, A. Camus, S. Seničev. Ha scritto per il sito Proza.ru; nel 2013 ha pubblicato il libro *Prima di andarsene.* Nel 2014 è rientrato nella *long list* del Premio "Debjut" per la categoria "Prosa breve" con il racconto *Gli immortali.*

Евгения Декина

Перевод на итальянский язык Лидии Перри

Evgenija Dekina

Traduzione in italiano di Lidia Perri

ФУНДАМЕНТ

Сегодня должны были устанавливать памятник отцу, а значит, перед работой, кроме фитнеса, нужно было успеть в похоронное бюро и на кладбище. А после этого приехать на корпоратив. И веселиться.

На улице было зябко. Алла нервно курила у прогревающейся машины, и думала о том, как хорошо было бы найти виноватого. Чтобы, к примеру, ежедневник заглючил, или секретарша напутала, но кроме как на себя, злиться было не на кого. Сама же заказала для работников этот дурацкий квест на сплочение коллектива. Дела в последнее время шли не очень. Нет, по-прежнему работали качественно, в сроки укладывались, ошибок не допускали, но боевой дух будто выдуло. Ее блистательная команда, ее герои, за несколько лет сделавшие из маленькой отделочной фирмы стабильно развивающуюся строительную, теперь выполняли свои обязанности как-то механически, буднично. Алла назначила премии, провела ряд повышений и расширений, но огонька в глазах окружающих не прибавилось.

– Забей, осень же… – успокоила Аллу Нинка из кадрового, – депресняк у тебя.

– У меня? – изумилась Алла, – Да я кручусь как ненормальная, а вы все равно бродите как сонные…

Но в этот момент мимо лихо промчался новый мальчик из рекламного, и, обогнав их, остановился у кабинета Аллы с таким видом, будто они бежали стометровку, и он победил. Довольная Нинка указала на него Алле и развела руками.

Мальчик сбивался. Ему хотелось выглядеть компетентным, а оттого он развязно перекладывал таблицы на столе, указывая пальцем на промежуточные «итого», Аллу это умиляло – она давно уже пробежала смету глазами и дважды перепроверила все цифры в уме. Но ей нравилось, как он стоит над ней, чуть склонившись, нравилось, что слабые отголоски его взволнованных придыханий долетают до ее открытой шеи, нравилось думать о том, насколько соблазнительный сверху открывается вид – вглубь ее

IL BASAMENTO

Oggi avrebbero posato il monumento funebre del padre, quindi prima del lavoro, oltre alla palestra, doveva passare alle onoranze funebri e al cimitero. E poi andare in azienda. E far festa.
Fuori faceva freddo. Alla fumava nervosamente nella macchina che si stava riscaldando e pensava a quanto sarebbe stato bello trovare un colpevole. Ad esempio, del perché si formattasse l'agenda, o del perché si fosse confusa la segretaria, ma a parte se stessa, non c'era nessuno con cui prendersela. Lei stessa aveva ordinato quella caccia al tesoro assurda per consolidare il gruppo. Gli affari ultimamente non andavano molto bene. No, prima lavoravano bene, rispettavano le scadenze, non commettevano errori, ma quello spirito guerriero era come evaporato. La sua squadra brillante, i suoi eroi, che in pochi anni avevano fatto di una piccola azienda di finiture una solida ed emergente impresa di costruzioni, adesso svolgevano i loro compiti quasi meccanicamente, ordinariamente. Alla aveva assegnato bonus, aveva applicato una serie di promozioni e ampliamenti, ma la fiammella negli occhi di chi la circondava non era aumentata.
– Basta, è l'autunno… – Alla era stata rassicurata da Ninka del personale principale. – Sei depressa.
– Io? – si stupì Alla. – Be', io mi dò da fare come una pazza e voi comunque girate mezzi addormentati…
In quel momento però passava baldanzoso il nuovo ragazzo del reparto pubblicitario e dopo averle superate, si fermò davanti all'ufficio di Alla come se avessero corso i cento metri e lui avesse vinto. Ninka, soddisfatta, lo indicò ad Alla e allargò le braccia.
Il ragazzo era confuso. Voleva sembrare competente, perciò aveva sistemato sfacciatamente le tabelle sul tavolo, indicando con il dito i parziali «in totale»; ciò aveva intenerito Alla: già da un po' scorreva con gli occhi il preventivo e aveva già rifatto i conti a mente due volte. Ma le piaceva come le stava davanti, quasi chinandosi, le piaceva che i deboli strascichi del suo respiro agitato volassero al suo collo scoperto, le piaceva pensare a quale panorama seducente si aprisse dall'alto nel profondo della sua scollatura, ed è per questo che il ragazzo si agita sempre di più, ma non trovando le forze per allontanarsi, continua a spiegare in modo sconnesso.

декольте, а оттого мальчик смущается еще сильнее, но не в силах отойти, продолжает сбивчиво объяснять.
Алла положила руку на его ладонь, что-то спросила, уточняя. Ненавязчивый жест вместо того, чтобы назвать по имени. Все тело его напряглось, и Алле показалось даже, что она через кожу почувствовала, как он каменеет – весь будто сосредоточился на том, чтобы не вздрогнуть. Не вздрогнул, но вопроса не услышал. Переспросил. Алла и сама уже забыла, о чем спрашивала, потому, симулируя беседу, спросила другое.
Наконец, он уселся напротив, закинул ногу на ногу, ожидая оценки, и Алла с удовлетворением отметила, что кончики его пальцев подрагивают. Он тоже это заметил, и торопливо убрал руки под стол. Он смотрел на нее этим особенным тягучим взглядом, каким всегда смотрят влюбленные мужчины. И Алла смотрела. Приглядывалась.
Пару недель назад она выставила за дверь такого же мальчика – застала его у себя дома с хорошенькой блондинкой. И пока блондинка поспешно одевалась, а Алла аккуратно вынимала из шкафов его вещи и складывала в чемодан, мальчик бегал за ней по квартире, и жалобно повторял:
– Ал… Ну Ал! Ал!
Это было похоже на песий скулеж, но Алла все равно ничего не сказала. Сама выкатила чемодан за дверь, а потом переставила туда и мальчика, вместе с не успевшей застегнуть сапожки блондинкой. Он долго не уходил, звонил в дверь, но Алла так и не открыла.
Так что место было вакантно.
– Вы чего тут? – Не поняла заскочившая за подписью Нинка, и мальчик, смутившись, торопливо вышел.
– Любовничек намечается, – цинично кивнула ей Алла, подписывая бумаги, и Нинка расплылась в довольной улыбке. Сама Нинка полгода назад в очередной раз вышла замуж, и мужу пока не изменяла, но Алла уже знала, что это произойдет – если Нинка начала следить за чужими романами, значит, скоро.
Вдоволь поприседав со штангой, Алла помчалась в бюро. Лихо вырулив и ювелирно припарковавшись с первого раза, она выскочила из машины и дернула дверь. Похо-

Alla appoggiò la mano sul suo palmo, domandò qualcosa, facendo una precisazione. Un gesto discreto al posto di chiamarlo per nome. Tutto il suo corpo si tese e ad Alla sembrò quasi di poter sentire attraverso la pelle come lui impietriva, come se si concentrasse tutto su qualcosa per non trasalire. Non trasalì, ma non sentì la domanda. La pregò di ripetere. Alla stessa aveva dimenticato cosa aveva chiesto perciò, fingendo di dialogare, chiese qualcos'altro.
Infine, si accomodò di fronte a lei, accavallò le gambe attendendo i suoi giudizi e Alla notò con soddisfazione che le punte delle sue dita si contorcevano. Se ne accorse anche lui e frettolosamente rimise le mani sotto il tavolo. La guardava con quel particolare sguardo fisso, con cui guardano sempre gli uomini innamorati. E Alla lo guardava. Lo fissava.
Un paio di settimane prima aveva messo alla porta un ragazzo uguale a lui, lo aveva sorpreso in casa sua con una bella bionda. E mentre la bionda si rivestiva frettolosamente e Alla toglieva con attenzione dagli armadi le cose di lui e le sistemava in una valigia, il ragazzo la rincorreva per l'appartamento e ripeteva pietosamente:
– Al… Dai, Al! Al!
Sembrava il guaito di un cane, ma comunque Alla non aveva detto nulla. Aveva trascinato lei stessa la valigia fuori dalla porta e aveva spostato lì anche il ragazzo e la bionda con gli stivaletti ancora slacciati. Lui non se n'era andato per molto, suonava alla porta, ma Alla non aveva aperto.
Perciò il posto era vacante.
– Lei che ci fa qui? – Ninka, facendo un salto per una firma, non aveva compreso e il ragazzo, agitato, uscì in fretta.
– Si intravede un amante – accennò cinicamente Alla, firmando le carte, e Ninka fece un ampio sorriso soddisfatto. La stessa Ninka si era sposata sei mesi prima per l'ennesima volta, non aveva ancora tradito il marito, ma Alla sapeva già che sarebbe successo. E se Ninka aveva cominciato a seguire le relazioni altrui, significava che sarebbe successo presto.
Dopo aver fatto a lungo esercizi con il bilanciere, Alla si diresse verso l'ufficio. Guidò risoluta e parcheggiò al primo colpo con grande precisione, saltò fuori dalla macchina e sbatté la portiera. Le onoranze funebri erano chiuse. Dalle dodici. Diavolo, dalle dodici. E quindi le sarebbe toccato andare al cimitero subito dopo il lavoro, in taxi e per altro non del tutto sobria. Non era poi trop-

ронное бюро было закрыто. С двенадцати. Черт возьми, с двенадцати. А значит, на кладбище придется ехать уже после работы, на такси, да еще и не совсем трезвой. Не слишком ли много чести для человека, которого она и видела-то всего пару раз в жизни? Вон, даже Нинкин отец, залетный гастролер, все ее детство исправно присылал солидные алименты, и открытки по праздникам. А этот что? Ну переспал он с ее матерью несколько раз, так это он для собственного удовольствия, а не для Аллы. А она его похоронила. И вот теперь еще и памятник.

Подъехав к офису, Алла с удовольствием отметила, что ее ждут.

– Дай бог ей здоровья! И мы тогда еще поживем, – кивнула пожилая дворничиха ей вслед.

– Родит и все, хана нашей конторе, – возразил Юра из снабжения.

– Такие не рожают, – вздохнула дворничиха, но заметив, что Алла слышит, смутилась и принялась сосредоточенно отпинывать осенний лист подальше от крыльца.

Юра обошел джип Аллы сзади и пнул его по колесу. Аллу всегда смешил этот ежедневный ритуал – стоит машина весом в несколько тонн, и колесо выдерживает, не сплющивается, а вот если пнуть его слабой человеческой ногой, то колесо тут же вздрогнет, как желе, и покажет свою истинную сущность, непременно спущенную.

Но Юре такие вещи прощались. Алла переманила его из грузовой компании еще в те давние времена, когда ей, только затеявшей свое дело, приходилось бегать в прорабах, самой орать матом на рабочих, заливших слишком тонкую стяжку, месить цемент, а временами даже штукатурить. В ее перегруженной кафелем легковушке спустило колесо, и Юра остановился помочь. Потом у них что-то начиналось, но почти сразу сошло на нет. Сначала Аллу смешил его приказной тон по телефону, то, как безапелляционно он выбрал ресторан и назначил время. Но когда она вынула кошелек, он грубо отодвинул ее руку, и Алла почему-то испугалась и захотела плакать. В общем, дальше первого свидания дело не пошло, зато работал Юра так, что выписывая ему бешеные премии, Алла каждый раз испытывала неловкость – казалось, она все равно ему должна.

Все быстро накатили, и, не успев заскучать, начали играть. Аллу нарядили феей – кроме

po onore per un uomo che aveva visto forse un paio di volte in vita sua? Ecco, persino il padre di Ninka, artista itinerante, aveva spedito regolarmente assegni di mantenimento consistenti per tutta l'infanzia e cartoline in occasione delle feste. E lui invece? Beh, era andato a letto un paio di volte con la madre per il proprio piacere, e non per Alla. E lei l'avrebbe sepolto. Con tanto di monumento funebre.
Tornata in ufficio, Alla notò con piacere che l'aspettavano.
– Che Dio la benedica! E allora anche noi vivremo – la salutò con un cenno la vecchia portinaia al seguito.
– Farà un figlio ed ecco, la fine del nostro ufficio – obiettò Jura del servizio di fornitura.
– Quelle così non fanno figli – sospirò la portinaia, ma dopo aver notato che Alla ascoltava, si agitò e prese a scalciare con attenzione le foglie autunnali dal terrazzino d'ingresso.
Jura aggirò la jeep di Alla da dietro e diede un calcio alla ruota. Questo rituale quotidiano divertiva Alla: l'auto pesa qualche tonnellata e la ruota la sostiene, senza schiacciarsi, ma se colpita dal debole piede umano allora la ruota sobbalza come gelatina e mostra la sua vera natura, immancabilmente vuota.
Queste cose però a Jura venivano perdonate. Alla l'aveva portato via da una società di trasporti ancora a quei tempi lontani quando, appena avviata l'azienda, le capitava di correre in cantiere, di urlare lei stessa oscenità agli operai che avevano steso una copertura troppo sottile, di impastare il cemento e a volte persino di intonacare. Nella sua auto stracarica di piastrelle la gomma era a terra e Jura si era fermato ad aiutarla. In seguito era cominciato qualcosa, ma si era ridotto a zero quasi subito. All'inizio Alla trovava divertente il suo tono autoritario al telefono, lo stesso di quando insindacabilmente aveva scelto il ristorante e fissato l'orario. Ma quando lei aveva tirato fuori il portafogli, lui aveva spinto bruscamente il suo braccio e per qualche motivo Alla si era spaventata e le era venuto da piangere. In generale, oltre al primo appuntamento non c'era stato nient'altro, tuttavia Jura lavorava in modo che, assegnandogli premi esorbitanti, Alla si sentiva ogni volta in imbarazzo: sembrava che lei gli fosse comunque debitrice.
Arrivarono tutti in fretta e, senza fare in tempo ad annoiarsi, cominciarono a giocare. Vestirono Alla da fata: oltre alla vaporosa gonna bianca, la agghindarono con una corona minuscola, che generò

пышной белой юбки напялили на нее еще и крохотную корону, что вызвало невероятный приступ всеобщего веселья. Алле стало неприятно – даже бородатый отделочник Марат в костюме русалки насмешил всех куда меньше. Впрочем, досада быстро рассеялась – как только появилась цель, мир вокруг переменился, и Фея, мгновенно просчитав стратегию, бросилась в бой – нужно было собрать какие-то картонки, из которых потом что-то сложится. Она торговалась, просчитывала, врала, и сама удивлялась тому, как нарастает у нее внутри желание победы. Любой ценой.

В каком-то необычайном азарте Алла подлетела к мальчику из рекламного. Она только что потратила все игровые сокровища, команда конкурентов шла шаг в шаг, а потому выторговывать новые бонусы для обмена было некогда.

– Давай сюда! – выпалила разгоряченная Алла мальчику.

– По правилам я не могу подарить, – лукаво улыбнулся мальчик, – Взамен я...

– Сюда дал! Быстро! – скомандовала Алла таким тоном, от которого сама уже давно отвыкла. Тоном озверевшего от непослушания прораба.

Лицо у мальчика тут же будто оплыло, он испуганно протянул Алле маленькую картонку, и так и остался стоять, растерянный и униженный. Будто увидел истинное лицо языческой богини, до этого представавшей перед ним то королевой, то чарующей нимфой, то манящей сиреной.

Алла поймала этот взгляд и почувствовала, как внутри нее что-то обрушивается – ломаются перекрытия, вылетают со звоном стекла, со скрежещущим визгом лопается кафель и осыпается удушающей цементной пылью – до самого фундамента. Стояла и не могла подобрать слов, чтобы извиниться. Что-то вертелось в голове, вроде «резко», «наехала» или «отжала». Только извиняться нужно было не за слова, а за всю себя, грубую бабищу в нелепой тюлевой юбке.

Чувство это было настолько невыносимым, что Алла безропотно отдала картонку Нинке, игравшей, кажется, за противников, и, прихватив со стола бутылку коньяку, ушла к себе в кабинет. Сидела за столом, изо всех сил стараясь расплакаться, но слез не было – просто жгло внутри и сдавливалось, но нет, не выходило.

un accesso incredibile di ilarità generale. Per Alla fu spiacevole: persino Marat, l'addetto alla rifinitura con la barba vestito da sirena, fece ridere gli altri in misura minore. Tuttavia, il risentimento si disperse velocemente: non appena comparve un obiettivo, il mondo intero si trasformò e la Fata, dopo aver escogitato un strategia all'istante, si lanciò in battaglia: doveva raccogliere alcune scatole di cartone, con le quali poi costruire qualcosa. Contrattava, faceva calcoli, mentiva e si stupiva lei stessa di come aumentasse dentro di lei il desiderio di vittoria. A qualsiasi costo.
Con un fervore inusuale, Alla si avvicinò rapidamente al ragazzo del reparto pubblicitario. Aveva appena usato tutti i tesori del gioco, la squadra avversaria andava di pari passo, perciò non c'era tempo di barattare in cambio nuovi bonus.
– Dammi qui! – sbottò Alla infervorata al ragazzo.
– Secondo le regole non posso dare nulla – sorrise maliziosamente il ragazzo. – In cambio io…
– Da' qui! Veloce! – ordinò Alla con un tono a cui da tempo non era più avvezza. Un tono inferocito dalla disubbidienza del capocantiere.
Il volto del ragazzo parve franare di colpo, porse timorosamente ad Alla una piccola scatola e rimase così, in piedi, smarrito e sminuito. Era come se avesse visto il volto autentico di una dea pagana, che fino ad allora si era presentata davanti a lui come regina, come ninfa incantevole, come sirena invitante.
Alla colse quello sguardo e sentì crollare qualcosa dentro di sé – i solai si rompono, precipitano con un tintinnio di vetri, con uno stridore acuto si spezzano le mattonelle e franano in una soffocante polvere di cemento – fino al basamento. Stava in piedi e non riusciva a trovare le parole per scusarsi. Qualcosa le girava in testa, come «improvvisamente», «ho aggredito» o «ho schiacciato». Doveva scusarsi non solo per le parole ma per tutta se stessa, una donnetta rozza in un'assurda gonna di tulle.
La sensazione era così insopportabile che Alla cedette con rassegnazione la scatola a Ninka, che a quanto pare giocava nella squadra avversaria, e, afferrata dal tavolo una bottiglia di cognac, se ne andò nel suo ufficio. Sedeva al tavolo sforzandosi più che poteva di scoppiare a piangere, ma non c'erano lacrime: solo ardeva dentro e soffocava, ma non usciva niente.
Lì la trovò Jura. E quando lei vide la sua figura grande e forte, che si infilava goffamente tra la cas-

Там ее и нашел Юра. И когда она посмотрела на его большую, крепкую фигуру, на то, как неповоротливо протиснулся он между сейфом и столом к креслу, Алле показалось, что вот он – ее самый родной, близкий и правильный человек, и что в нем спасение, и бросилась к нему, прижалась, поцеловала, жадно и страстно, а он, сначала так радостно отвечавший ей, вдруг выдохнул и отстранился обиженно:

– Э… Нет, дорогуша. Это ты мальчиков своих на директорский стол заваливай.

И вышел. Алла сначала растерялась, но, в общем-то, поняла его обиду – пьяная директриса пристала на корпоративе, а у него чувства.

Алла вспомнила вдруг, что собиралась на кладбище. Чтобы ни о чем не думать, пока ждет такси, она перепроверила самый большой проект и вышла черным ходом – не прощаясь.

На кладбище она судорожно курила на ветру, куталась в незастегнутое пальто и злилась на отца. Это из-за него должна она стоять тут, на холоде, ждать, месить каблуками подмерзающую грязь, и… И мысль вдруг впервые двинулась дальше. И ясно стало, что из-за него с раннего детства пришлось ей все самой, и ни примера перед глазами, ни поддержки, и это из-за него она такая неправильная и никак не может создать семью, и это он виноват. И хотя Алла чувствовала, что это неправда, но стало легче. Теперь, когда он есть, виноватый, все свои провалы можно списать на него и бороться с этим, и как-то дальше. Алла улыбнулась – внутри поднималась волна жгучей радости, будто то, что мучило ее всю жизнь, наконец, отступило. Теперь она простит, отпустит, и станет другой, наконец. Нежной, настоящей, хрупкой. Она осмотрелась, желая рассказать хоть кому-то, но парень, заливавший фундамент у памятника, не смотрел на нее. Он сосредоточенно лил густой, похожий на кашу цемент в кое-как установленную опалубку. От веса напиравшей массы опалубка сбоку отошла, и цемент медленно потек с края надгробия. Алла автоматически дернулась и придержала ногой край опалубки:

– Э, алле! Ты че делаешь? У тебя ж с угла течет! Чего, не видишь? Дебил!

И тут же, услышав со стороны свой резкий, металлический голос, Алла отступила, и, наконец, разрыдалась.

saforte e il tavolo verso la poltrona, ad Alla sembrò che proprio lui fosse la persona a lei più cara, vicina e vera, e che in lui ci fosse la salvezza, e si gettò su di lui, si strinse a lui, lo baciò, con avidità e passione ma lui, dopo aver risposto con gioia in un primo momento, d'un tratto aveva espirato e si era allontanato con aria offesa:
– Eh… No, cara mia… Sbatti i tuoi ragazzi sul tavolo del direttore.
E uscì. All'inizio Alla si smarrì, ma in fin dei conti capì il suo affronto: la direttrice ubriaca lo molestava in azienda, ma lui aveva dei sentimenti.
Improvvisamente Alla si ricordò di dover andare al cimitero. Per non pensare a nulla mentre aspettava il taxi verificò di nuovo il progetto più grande e uscì dalla porta di servizio, senza salutare.
Al cimitero fumava febbrilmente al vento, si stringeva nel cappotto sbottonato e se la prendeva con il padre. Era a causa sua che doveva stare lì, al freddo, ad aspettare, a camminare nel fango leggermente ghiacciato con i tacchi e… E all'improvviso per la prima volta il suo pensiero si spinse oltre. E divenne chiaro che a causa sua si era dovuta fare da sé sin dalla prima infanzia, senza un esempio da guardare, senza un supporto, ed era a causa sua che lei era sbagliata e non avrebbe potuto farsi una famiglia ed era lui il colpevole. E sebbene Alla si rendesse conto che non era la verità, si sentì più leggera. Ora che era lui il colpevole, poteva addossargli tutti i suoi fallimenti e affrontarlo, e andare oltre. Alla sorrise, si sollevò dentro di lei un'ondata di cocente felicità, come se qualcosa che la tormentava da una vita l'avesse finalmente liberata. Tenera, vera, fragile. Si guardò intorno, ma il ragazzo che riempiva il basamento del monumento funebre non la guardava. Versava con grande concentrazione il cemento denso come polenta in una cassaforma fissata alla meno peggio. Per il peso della massa che schiacciava, la cassaforma si spostò di lato e il cemento colò fino al bordo della lapide. Alla automaticamente scattò e sostenne con il piede il bordo della cassaforma:
– Eh, va'! Che fai? Ti cola dall'angolo! Che, non vedi? Deficiente!
E subito, dopo aver sentito da un lato la sua voce metallica e tagliente, Alla si tirò indietro e, finalmente, scoppiò in singhiozzi.

Отзыв о рассказе

Рассказ Евгении Декиной «Фундамент» может показаться несколько чужеродным в нашем коротком списке, словно залетевшим из другой, из коммерческой литературы, где действуют ходульные персонажи, разыгрываются общие сюжетные ходы, все предсказуемо, динамично, глянцево, заштампованно – хищная бизнес-вуман, меняющая любовников, офисный планктон, корпоратив, дешевые страсти и незатейливая мораль... Но есть в этом рассказе нечто опрокидывающее эту схему, есть кровь вместо клюквенного сока, а не наоборот. Есть проблеск подлинности жизни, пробивающейся, проглядывающей из-за бутафорских предметов, установленных на сцене. И несмотря на очевидную мелодраматичность и заданность сюжета происходит так, что ты начинаешь вдруг сочувствовать главной героине, сопереживать ей, как если бы узнал ее наяву или знал когда-то раньше доверчивой, любопытной девчушкой, а теперь смотришь и думаешь: эка, милая, что жизнь-то с тобой сделала. Как же тебя так угораздило-то, а? Это только на первый взгляд, вызвать сочувствие – штука нехитрая, на самом деле в этом чувстве и заключена главная пружина литературы. Ты воспринимаешь человека как живого, реального, судишь или прощаешь, любишь или не любишь, но – не забываешь его. Евгении Декиной это удалось. Ее героиня не затерялась, не забылась. Фундамент есть, можно строить дальше.

Алексей Варламов

Nota critica

Il racconto di Evgenija Dekina *Il basamento* può sembrare alquanto estraneo al nostro breve elenco; forse arrivato da altro, dalla letteratura commerciale, dove agiscono personaggi banali, si svolgono trame generiche, dove tutto è prevedibile, dinamico, patinato, stereotipato: un'imprenditrice rapace, passioni a buon mercato e una morale senza pretese. Ma c'è nel racconto qualcosa che rovescia questo schema, c'è del sangue al posto del succo di mirtillo, e non il contrario. C'è un barlume di autenticità della vita che appare e si manifesta da oggetti finti, predisposti sulla scena. E nonostante l'evidente carattere melodrammatico e la prevedibilità del soggetto, capita di simpatizzare con la protagonista, di provare sentimenti comuni, come se la conoscessi davvero o avessi conosciuto forse qualche volta una ragazza fiduciosa e curiosa, ma ora la osservi e pensi: guarda un po', tesoro, cosa ti ha combinato la vita. Che sfortuna hai avuto, eh? Solo a un primo sguardo provocare empatia sembra una mossa semplice: in effetti, in questa sensazione è racchiusa la principale molla della letteratura. Percepisci la persona viva, reale, la giudichi o la perdoni, la ami o non la ami, ma non la dimentichi. Ciò riesce bene a Evgenija Dekina. La sua eroina non si perde, non si dimentica. Il basamento c'è, si può continuare a costruire.

Aleksej Varlamov

Биография

Евгения Декина родилась в городе Прокопьевске Кемеровской области. Окончила филологический факультет Томского государственного университета по специальности «Современная литература и литературная критика». Во время учебы в школе и университете занималась журналистикой. Переехав в Москву, с красным дипломом окончила Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова по специальности «кинодраматургия», открыла детскую театральную студию «МАГ». Восемь лет проработала на телевидении, писала сериалы для каналов «Домашний», «РЕН ТВ», «Психология 21», «Индия ТВ», «Россия» и др.
Лауреат 14-го и 15-го Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, член Союза писателей Москвы.
Публиковалась в сборнике «Новые писатели 2015», в журналах «Октябрь» и «Кольцо А».

Biografia

Evgenija Dekina è nata nella città di Prokop'esk nell'*oblast'* di Kemerovo. Si è laureata alla Facoltà di Filologia dell'Università Statale di Tomsk specializzandosi in Letteratura contemporanea e critica letteraria. Ha lavorato come giornalista durante gli studi scolastici e universitari. Dopo essersi trasferita a Mosca, si è laureata a pieni voti presso l'Università Statale Panrussa di Cinematografia "S.A. Gerasimov" specializzandosi in Drammaturgia del cinema e ha aperto "MAG", un laboratorio teatrale per l'infanzia. Ha lavorato per otto anni per la televisione, scrivendo serie per diversi canali: "Domašnij", "REN TV", "Psichologija 32", "Indija TV", "Rossija", ecc. Vincitrice della quattordicesima e della quindicesima edizione del Forum dei Giovani Scrittori della Russia, dei paesi CSI ed esteri, è membro dell'Unione degli Scrittori di Mosca.
Le sue opere sono state pubblicate nella raccolta *Nuovi scrittori 2015* e sulle riviste "Oktjabr'" e "Kol'co A".

Александр Евсюков

Перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Aleksandr Evsjukov

Traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

ВЕДЬМА

Этим летом погорело все. Никто из стариков не припоминал такого. Роса иссыхала до первого солнца. Пожухлая трава прижималась к земле. Комья глины под ногами рассеивались пылью. Кабачки лежали на грядках, как испеченные. Почерневшие помидоры неподвижно свисали с кустов.

Мы вглядывались в небо, и каждый молил о дожде. И, казалось, он пришел, когда прямо над деревней нависла огромная туча. С краю этой черноты просвечивала круглая прореха, будто кто-то разглядывал нас сверху. Все затихло, ожидая.

А потом туча, не слушая причитаний, сорвалась вдруг с места и уплыла прочь. И пролилась за лесом.

Духота навалилась с новой силой. Нас коптили заживо. Мы исходили потом. Даже ругаться не могли. А, главное, никто не знал – на что подумать?..

***

… И вот вечером на Самогонном дворе брякнула щеколда. В помятой форме с расстегнутым воротом ввалился Семен, участковый. Сел на лавку, отсчитал две купюры, прохрипел:

– Налей здесь.

Хозяйка двора Лариска вытаращилась изумленно, но в дом тут же сбегала.

Семен сидел неподвижно, упершись ладонями в колени, и глядел на стакан, как на чугунную гирю. Затем рывком поднял, опрокинул.

– Все. Бросил я ее… – выговорил и весь обмяк, в землю уставился.

STREGA

Quell'estate andò tutto bruciato. Nessuno tra i vecchi ricordava una cosa simile. La rugiada era già secca al primo sole. L'erba appassita si schiacciava sulla terra. I grumi di argilla sotto i piedi si frantumavano in polvere. Zucchini stavano sdraiati negli orti, come cotti al forno. Pomodori anneriti pendevano immobili dai cespugli.
Fissavamo attenti il cielo, e ognuno di noi invocava la pioggia. E questa sembrò arrivare, quando proprio sopra il villaggio incombé un'enorme nube. Dal margine di quell'oscurità traluceva un buco rotondo, come se qualcuno ci scrutasse dall'alto. Tutto si calmò, nell'attesa.
Ma poi la nube, senza dare ascolto ai lamenti, scattò di colpo e nuotò via. E si sparse oltre il bosco. L'afa si scagliò su di noi con nuova forza. Bruciavamo vivi. Ma poi grondavamo di sudore. Non riuscivamo nemmeno a imprecare. Ma, soprattutto, nessuno sapeva che pensare…

***

… Quand'ecco che una sera alla bottega del *samogon*[1] tintinnò il catenaccio. In uniforme sgualcita, col colletto sbottonato, fece irruzione Semën, l'ufficiale di distretto. Si sedette su una panca, contò e tirò fuori due banconote, dicendo con voce rauca:
– Versa qua.
Lariska, la padrona della bottega, strabuzzò gli occhi stupita, ma corse subito dentro.
Semën sedeva immobile, i palmi premuti sulle ginocchia, e guardava il bicchiere come fosse un peso di ghisa. Poi con uno scatto lo sollevò e se lo scolò.
– Basta. L'ho lasciata… – pronunciò rilasciandosi tutto, e incollò gli occhi a terra.

---

[1] Vodka distillata in casa ad altissima gradazione, consumata soprattutto nelle realtà rurali. [NdT]

Лариска присела рядом. По плечу погладила. А у мужика, как у ребенка, слезы из глаз: «*Помнишь?.. Ты – помнишь?*»

…Она объявилась у нас в поселке осенью. Дождик моросил. С собой у нее был узелок с вещами и в чистой ткани под мышкой еще что-то – картина-не картина. В тряском кузове грузовика приехала. Так в кабину и не села. Огляделась и подошла к первой открытой калитке. Сказала: я – Оксана, здесь прабабка моя жила. Что за прабабка? Промолчала, подождала. А что умеешь? Все умею, говорит, что делать надо? И добавила: у вас поживу, все одно комната пустует. Хозяйка баба Зина только руками всплеснула – язык будто к небу присох. Про лишнюю-то комнату одни соседи знали.

А Оксана эта в комнате расположилась, пол отскребла, картошки наварила и уже за все бралась: урожай с огорода убрать и телят недоношенных выходить, воды принести и пирогов напечь. Будто забывалась в заботах, от боли отворачивалась. Ходила в ветхом и латаном, не поймешь издалека: девка ли, бабка? И говорила мало, по делу всегда. А если делать вдруг нечего, то могла сесть и уставиться на стену. Час так просидеть. Или вечером уйти за околицу и глядеть в небо над лесом пока не стемнеет.

Так и прожила осень и всю долгую зиму.

А по весне Семен приехал, участковый – нашу деревню за ним закрепили. Он тогда видный был. Лариска – соседка бабы Зины – уже глаз на него положила и не упускала случая перемигнуться или в гости на чай позвать. Вылез он из «уазика» и зашагал по проселку свидетеля опросить.

А Оксана как раз навстречу вышла. С колодезным ведром, в котором солнце играет, и не в рванье: в светлом платье и куртка на плечи накинута. Глянул Семен и к земле пристыл.

Поравнявшись, она улыбнулась – в первый раз, как приехала. Потом на-

Lariska si accovacciò accanto a lui. Gli accarezzò una spalla. E dagli occhi dell'uomo, come da quelli di un bambino, le lacrime: «*Ti ricordi?… Dimmi: ti ricordi?*».
… Lei era comparsa da noi al villaggio in autunno. Piovigginava. Aveva con sé un fagotto con le sue cose e un'altra cosina in una stoffa pulita tenuta sotto il braccio: un quadro-non quadro. Aveva viaggiato nel cassone traballante di un camion. In cabina non ci si era seduta, alla fine.
Si era guardata intorno e si era avvicinata al primo cancelletto aperto. Aveva detto: mi chiamo Oksana, qua viveva la mia bisnonna. Ma quale bisnonna? Era rimasta zitta, aspettando un po'. E cosa sai fare? So fare tutto, aveva detto lei, che c'è da fare? E aveva aggiunto: vivrò da voi per un po', tanto una stanza è vuota. La vecchia Zina, la padrona di casa, si era limitata a levare le braccia in alto – la lingua si era come seccata e attaccata al cielo. Di quella stanza in più lo sapevano solo i vicini.
E questa Oksana si era così sistemata nella stanza, aveva pulito a fondo il pavimento, si era cucinata delle patate e a quel punto si era messa a fare di tutto: raccogliere le verdure dall'orto e curare i vitelli nati prematuri, portare l'acqua e cucinare i *pirogi*. Come persa nelle faccende, voltava le spalle al dolore. Andava in giro tutta stracci e rammendi, da lontano non capivi: è una ragazza o una vecchietta? E parlava poco, lo stretto necessario. E se all'improvviso non c'era niente da fare, allora era capace di sedersi e incollare gli occhi alla parete. Di starsene così un'ora. Oppure, alla sera, uscire dal villaggio e guardare il cielo sopra il bosco finché non faceva buio.
È così che aveva trascorso l'autunno e tutto il lungo inverno.
Ma con la primavera era arrivato Semën, l'ufficiale di distretto – il nostro villaggio era stato assegnato a lui. All'epoca era un uomo aitante. Lariska – la vicina della vecchia Zina – gli aveva già messo gli occhi addosso e non si lasciava scappare occasione per qualche occhiatina o per invitarlo a bere un tè. Lui era sceso dalla sua bella UAZ e si era incamminato lungo la via sterrata per andare a interrogare un testimone.
E Oksana gli era andata giusto incontro. Col secchio da pozzo, in cui giocava il sole, e non tutta stracci: un abito chiaro e un giaccone gettato sulle spalle. Semën le aveva lanciato uno sguardo per poi fissarlo a terra.
Raggiuntolo, lei aveva sorriso – per la prima volta da quando era arrivata. Poi aveva pronunciato

звала себя внятно и дальше пошла. А из него пот вышибло, хоть и прохладно в апреле. У забора стал и давай все бумаги из папки перелистывать, а припомнить не может. Побежал тогда к телефону: «*Зачем я здесь?.. Какого телка свели?..*»

И зачастил Семен – каждый вечер к нам. Для профилактики. Удивлялись сперва – тихо все вроде. Потом смекнули.

Ходил он кругами, и ко всем с вопросами. Два-три для отвода глаз, а потом про Оксану: кто, откуда? А мы толком и не знаем. Поди да расспроси, говорим, у тебя все полномочия.

Соглашался Семен, но никак не шел. Вместо этого собрался у Лариски что-нибудь выведать. А уж она бы этой приезжей все кости добела перемыла.

Стоял он уже у ее калитки, а тут из соседнего двора Оксана вышла. В другом платье, потемнее. Подошла:

– Ну, вот я.

– А я – с-Семен, участ…

– Пойдем. Там спросишь.

Ушли вместе за околицу. Поздно вернулись.

Говорят, недели не прошло, как в городе их расписали. Семен связи подключил, и сразу все устроилось.

«*Будем здесь жить*», – решила Оксана, и поселились они в крайнем доме. Семен его выкупил и стал все обустраивать: баню, сараи, сеновал. С чего это место выбрала, непонятно. За домом пустырь пологий, от огорода – в одну сторону лес, в другую болото. Может, и не каждую ночь нечисть шляется, но жуть любого берет.

Не один год прожили. Как жили, неизвестно. Но детей у них все не было… – Говорит: дыни посадим. А я ей – дура, у нас на севере какие дыни? Отродясь такого не росло. У меня вырастут, сказала. И пошла жара.

distintamente il proprio nome ed era passata oltre. Lui era in un bagno di sudore, sebbene ad aprile facesse fresco. Stava in piedi accanto allo steccato e dai che sfogliava tutti i documenti della cartella, ma non riusciva a ricordare. Allora era corso al telefono: «*Perché sono qui?… Quale vitello hanno fatto sparire?…*».
E aveva preso a venire spesso, Semën: ogni sera da noi. Per precauzione. All'inizio eravamo stupiti: pareva tutto tranquillo. Poi ci arrivammo.
Faceva il giro, e rivolgeva domande a tutti. Due, tre per non dare nell'occhio, e poi su Oksana: chi è? Da dove viene? Ma nemmeno noi sappiamo bene come stanno le cose. Vai tu a fare domande in giro, no?, gli facevamo noi, ne hai pieni poteri.
Semën era d'accordo, ma non ci andava mai. Anzi, si era messo in testa di cavare qualcosa da Lariska. Lei l'avrebbe di sicuro fatta nera, quella forestiera.
Lui era già davanti al cancelletto, quand'ecco che Oksana era uscita dal cortile del vicino. Con un vestito diverso, più scuro. Si era avvicinata a lui:
– Be', eccomi.
– E io, io so-sono Semën, l'ufficia…
– Andiamo. Me le farai lì, le domande.
Erano usciti insieme dal villaggio. Tornati sul tardi.
Dicono che non passò nemmeno una settimana che erano già riusciti a sposarsi in città. Semën aveva preso contatti e tutto si era subito sistemato.[2]
«*Vivremo qui*» – aveva deciso Oksana, e si erano stabiliti nell'ultima casa in fondo. Semën l'aveva riscattata e aveva preso a fornirla di tutto: *banja*, legnaie, fienile. Perché lei aveva scelto quel posto, non si capisce. Dietro la casa c'era un terreno abbandonato in dolce pendenza; guardando dall'orto, da una parte avevi il bosco, dall'altra la palude. Magari gli spiriti maligni non se ne andavano a spasso tutte le notti, ma chiunque sarebbe morto di paura.

---

[2] L'autore fa qui riferimento alle lungaggini burocratiche da superare per registrare il proprio matrimonio negli appositi elenchi, com'era d'uso in epoca sovietica. [NdT]

– Да?.. – доверительно кивнула Лариска.
– Да, – сидел он рядом весь выжатый. Не как все – от жары. А будто нутро отшибли: – Не могу я с ней. Ведьма она. И мать ее была ведьма. И этот на стенке не брат ей. Авдеев. Северьян. Петрович. Я досье запросил. Был он бродягой, убило по дурости.
…Это его портрет привезла она с собой в чистой ткани. И с тех пор он, черно-белый, с острыми скулами и строгим взглядом, висел на стене. Возле иконы.
После того досье Семен вошел домой с пистолетом в руке. При ней дернул с предохранителя. Приказал:
– Сними.
Она головой покачала: нет.
Тогда Семен ствол вскинул и расстрелял всю обойму. Щелкнул раз вхолостую. Шагнул посмотреть – не попал ни разу. Спрятал в кобуру так, будто в любовном деле обмишулился. Взгляд отвел:
– Ты ж все годы – не моя. Это я – как на привязи…
– Иди, – сказала тихо.
И пошел он, как чумной. Мимо семи дворов прошел и задохся, свернул к Лариске.

Осторожно привстала с лавки.
Все сходилось. Вот откуда засуха! Из-за нее и огороды полегли, и скотина еле держится. Потому что ведьмачка она. У нее одной вызревали проклятые дыни и наливались янтарным цветом.
Никто не спал. Мигом собрались. Прихватили дубье, вилы, ножи и пошли. Будто крепость брать. А в крепости – одна баба.
Дошагали враз, а с чего начать – не знаем. Стали все – переглядываемся. Где она? Свет не горит.

Avevano vissuto insieme diversi anni. Come, non si sa. Ma bambini, comunque, non ne avevano avut…
– Mi fa: piantiamo dei meloni. E io: cretina, quali meloni qua al nord da noi? Non li ho mai visti crescere in vita mia. A me cresceranno, disse lei. E arrivò il caldo.
– Ah sì?… – annuì Lariska, confidenziale.
– Sì – le sedeva accanto tutto spremuto. Non per il caldo, come gli altri. Era come se gli avessero strappato le budella: – Io con lei non ce la faccio. È una strega. E sua madre pure era una strega. E quello sulla parete non le era fratello. Avdeev. Sever'jan. Petrovič. Ho richiesto il dossier. Era un vagabondo, l'hanno ucciso per una scemenza.
… Lei, quel ritratto, se l'era portato avvolto in una stoffa pulita. E da allora quell'uomo in bianco e nero, coi suoi zigomi affilati e lo sguardo severo, era rimasto appeso alla parete. Accanto all'icona.
Dopo quel dossier Semën era entrato in casa con una pistola in mano. Davanti a lei aveva tolto brusco la sicura. Le aveva ordinato:
– Levalo.
Lei aveva scosso il capo: no.
Allora Semën aveva alzato la canna e sparato fino all'ultimo colpo. Aveva lasciato fare uno scatto a vuoto. Un passo per guardare: non ne aveva messo a segno nemmeno uno. Aveva nascosto la pistola nella fondina come se avesse fatto una brutta figura in una faccenda amorosa. Si era voltato:
– In tutti questi anni non sei mai stata mia. Sono io a stare come al guinzaglio…
– Vattene – aveva detto lei piano.
E lui se ne era andato, come un appestato. Aveva superato sette cortili e, ansimante, girato per casa di Lariska.

Lei si sollevò con cautela dalla panca.
Tutto tornava. Ecco da dove veniva quella siccità! Per colpa di quella donna si erano pure rovinati i raccolti, e il bestiame resisteva a fatica. Perché era una brutta strega. Solo a lei quei maledetti meloni maturavano e prendevano il colore dell'ambra.
Nessuno dormiva. In un attimo ci raccogliemmo tutti. Afferrammo mazze, forche, coltelli e ci in-

И тут сзади слышим: «*Сему моего не видали?*»
– Видали, видали, – повернулась к ней Лариска. И зашлась: – У меня сидит. Что с мужиком сделала?.. Шалава подзаборная, упыриха подколодная. К кому ходила?..
– Посмотреть хочешь? – Оксана двигалась через толпу, как по безлюдному полю. – Пойдем, если не слаба в коленках.
– и-и… – Лариска завертела головой, ища поддержку.
– Я с ней пойду, – баба Зина вызвалась.
Калитка скрипнула, и они втроем вошли. Над головами, ухнув, пролетела огромная сова, и обе делегатки прижались друг к дружке.
В доме на стене у печи висели икона и большая старомодная фотография. Вокруг нее – несколько круглых дырок. А под столом те самые распроклятые дыни: отсвечивая желтым, они чуть покачивались от шагов.
– С прабабки это началось. У нее первой дар проявился. И дальше. У матери много денег скопилось. Бумажные, облигации, даже царские монеты. Знали про ее силу и, кому припекало, все ей несли. Куда девать, уже не знала. А я у нее одна. Очень она хотела, чтобы ее дела продолжила: «*Скоро будут времена такие, все дороги нам откроются. Не по глухим углам тогда будем – на самом виду».* А мне – не надо этого. Я с любимым жить хотела. И чтобы дом у речки на самом берегу.
Его звали по-чудному – Северьян. Приплыл и задержался возле нас, коровник строил. Спал прямо в лодке под брезентом. Мне и самой непонятно было, чем взял. Другие парни, самые видные, за мной гуртом ходили. А он – не ходил. Не торопился никуда. Но взглядом душу выворачивал. И руки его загрубевшие, такие были ласковые.
«*Не для этой босоты тебя рожала*», – отрезала мать. И я, решаясь, спросила его:
– А я смогу? Мать отпустит?..

camminammo. Pareva che dovessimo prendere una fortezza. Ma nella fortezza non c'era che una vecchia.
Arrivammo tutti insieme, ma non sapevamo da dove cominciare. Prendemmo a scambiarci occhiate l'un l'altro. Lei dov'è? La luce è spenta.
A quel punto da dietro sentiamo fare: «*Avete mica visto il mio Sëma?*».
– Visto, visto eccome – si voltò verso di lei Lariska. E dimenandosi: – Sta da me. Che gli hai fatto a quell'uomo?! Eh?!… Donnaccia vagabonda, vipera, sanguisuga. Chi ti ci ha portata qua?
– Vuoi vedere? – Oksana si muoveva tra la folla come in mezzo a un campo deserto. – Seguimi, se hai abbastanza fegato.
– Uh, uh. – Lariska girò la testa in cerca di sostegno.
– Vado con lei – si offrì la vecchia Zina.
Il cancelletto cigolò, e tutte e tre si infilarono dentro. Sopra le loro teste volò stridente un'enorme civetta, e le due delegate si strinsero l'una all'altra.
In casa, accanto alla stufa, erano appese un'icona e una grande fotografia vecchio stile. Intorno a quest'ultima, diversi fori circolari. E sotto il tavolo proprio quegli stramaledetti meloni: scintillanti di riflessi gialli, dondolavano appena per via dei passi.
– Tutto ebbe inizio dalla mia bisnonna. Il dono si manifestò in lei per prima. E poi a seguire. Mia madre accumulò molti soldi. Banconote, obbligazioni, persino monete reali. La gente era a conoscenza del suo potere e, quando non sapeva più dove sbattere la testa, le portava di tutto. Lei non sapeva più dove ficcare la roba. Ma aveva soltanto me. Desiderava tanto che io proseguissi nei suoi affari: «*Arriverà presto il giorno in cui tutte le strade ci si spalancheranno. Allora non vivremo più chiuse in cantina, ma alla luce del sole*». A me, però, non serviva tutto questo. Io volevo vivere con l'uomo che amavo. E avere una casetta su un fiume, proprio sulla riva.
Aveva un nome bizzarro: Sever'jan. Era arrivato a nuoto e si era fermato vicino a noi, costruendosi una vaccheria. Dormiva direttamente sulla barca, sotto la tela cerata. Non era chiaro nemmeno a me cosa mi colpisse di lui. Mandrie di ragazzi, i più aitanti, mi venivano dietro. Ma lui no. Non s'affannava mai. Con uno sguardo, però, ti rivoltava l'anima. E le sue mani incallite, erano così dolci…

Вгляделся он мне в глаза и серьезно ответил:
– Ни за что не отпустит. Ты сможешь. Сама.
Ночью дождалась, пока мать уснет, тихо собралась и выскользнула. Северьян уже ждал. Оттолкнулся веслом, и – поплыли.
Река все ширилась. Ясное небо отражалось в воде. Сидела я, прижавшись к его груди, и не верила своему счастью.
– Отпустила? Да, Севушка? – шепчу. Не ответил, только в глазах его отразилось что-то темное, а из-за спины взрывом прокатился гром.
– На нос, – скомандовал он и налег на весла.
Пересела и навсегда запомнила, как молния вошла в воду. Всполох электрический – такое же свечение, когда горит спирт из бочки. И выжженную – прежде, чем волны сомкнулись, – воронку в воде.
… Их лодка неслась к берегу.
– Налегай. Омут обходи, – сорванным голосом, как заклинание, шептала. После второго – близкого – удара Северьян вдруг побледнел и замер, весла едва держал:
– Не выберемся…
И, откинув налипшую прядь, вскочила – перехватить, грести самой, выплыть. Тут и полыхнуло третий раз, в самое днище. Оранжевая дуга, поднялась по голой ноге к животу и чуть не достала до сердца. Когда дуга сошла вниз, Оксана без сил повалилась на дно лодки…
Северьяна ей не показали – схоронили у холма. Сказали: лучше не видеть. Выпросила одну эту фотографию. Из больницы она – совсем слабая – сразу поплелась к нему. Рыдала в голос, а потом долго лежала у могилы; но земля не взяла.
И ходила, себя не помня. Пока не добралась до прабабкиной родины. И осталась.
Баба Зина ошарашенно закачала головой.

«*Non t'ho messa al mondo per farti andare in giro con le scarpe rotte*» – tagliò corto mia madre.
E io, decidendomi, chiesi a lui:
– Ce la farò? Mia madre mi lascerà andare?…
Mi guardò fisso negli occhi e, serio, mi rispose:
– Non ti lascerà andare mai e poi mai. Puoi farcela. Da sola.
La notte aspettai finché mia madre non si addormentò, raccolsi piano le mie cose e sgusciai via. Sever'jan era già lì ad aspettarmi. Diede una spinta con il remo e prendemmo a navigare.
Il fiume si allargava sempre di più. Il cielo sereno si rispecchiava nell'acqua. Io me ne stavo seduta, stretta al suo petto, e non credevo alla mia felicità.
– Mi ha lasciata andare? Sì, Sevuška? – sussurrai. Lui non rispose, ma nei suoi occhi si rifletteva qualcosa di oscuro, e alle nostre spalle un tuono risuonò in un'esplosione.
– A prua – mi ordinò, e diede di remi.
Cambiai di posto e fissai per sempre nella memoria quel fulmine entrare nell'acqua. Un bagliore elettrico: la stessa luminescenza di quando l'alcol prende fuoco in una botte. E quella buca bruciata nell'acqua, prima che le onde la inghiottissero richiudendosi.
… La loro barca si affrettava verso la riva.
– Rema. Schiva quel mulinello – sussurrava lei con voce spezzata, quasi in una supplica.
Dopo la seconda botta, vicina, d'un tratto Sever'jan impallidì e venne meno, reggendo i remi a fatica:
– Non ne usciremo vivi…
E, gettata indietro una ciocca di capelli incollatisi al viso, lei si alzò di scatto: doveva afferrare i remi e riprendere *lei*, stavolta, il mare. E allora ecco che fiammeggiò un terzo fulmine, proprio sul fondo. Un arco arancione le salì lungo la gamba nuda verso la pancia, e per poco non arrivò a toccarle il cuore. Quando l'arco sparì verso il basso, Oksana cadde senza forze sul fondo della barca…
Sever'jan, non glielo fecero vedere: lo seppellirono nei pressi di una collina. Dissero: meglio non vederlo. A furia di suppliche ottenne quell'unica fotografia. Dall'ospedale, completamente sfinita, si trascinò subito da lui. Pianse a dirotto, e poi se ne stette a lungo stesa accanto alla tomba; ma la terra non la prese con sé.

– Врешь ты… – начала Лариса, но осеклась. Непривычный звук донесся из-за окна.
Что-то жуткое бродило совсем рядом. Бродило и жадно принюхивалось. Волк?.. Кабан?..
Свет в комнате моргнул и погас.
Круглая черная голова приплюснулась к самому стеклу.
– Аспид! – отшатнулась старуха. Ларискино лицо побелело в темноте. Но Оксана напряженным, как сквозь водопад, голосом зашептала что-то у них за спиной, и морда сгинула от окна. Только хохочущий визг донесся издалека.
Переведя дух, Оксана указала на дыню:
– Дам, самую лучшую. Только все вместе съешьте.
Обе охнули, когда приподняли. Но понесли. За забором их обступила толпа.
– Пошли отсюда. Потом расскажем.
– А как же? – и звякнули вилы.
– Всяк свят, пока черти спят, – урезонила баба Зина.

Нести дыню передали мужикам. Собрав дубье, мы все развернулись. Двинули, не понимая и спотыкаясь, сквозь непроглядную духоту.
Дошли до единственного горевшего в ночи фонаря. Постелив клеенку на старый чурбан, дыню опасливо разрезали. Поделили на множество кусочков. Баба Зина, перекрестившись, положила ломтик в морщинистый рот. Поглядев на нее – и остальные. Мякоть растекалась на языке и таяла, как лед на солнцепеке.
Тогда, запинаясь, Лариска выложила все, что видела и узнала сегодня в доме на краю. Баба Зина несколько раз ее поправляла. Тесно сбившись, все слушали.

E camminò, dimentica di sé. Fin quando non raggiunse il paese natale della sua bisnonna. E qui si fermò.
La vecchia Zina scuoteva la testa sbigottita.
– Stai mentendo… – cominciò Lariska, ma si interruppe. Un suono insolito si udì fuori dalla finestra.
Qualcosa di spaventoso vagava giusto accanto. Vagava e annusava con avidità. Un lupo?… Un cinghiale?…
La luce nella stanza tremolò e si spense.
Una testa rotonda e nera si schiacciò contro il vetro.
– Serpe! – si scostò la vecchia. Il volto di Lariska biancheggiò nell'oscurità. Ma Oksana, con voce intensa come in mezzo a una cascata, prese a sussurrare qualcosa alle loro spalle, e il muso fuori dalla finestra se la svignò. Giusto una risata stridula si udì da lontano.
Riprendendo fiato, Oksana indicò un melone:
– Ve ne do uno, il più buono. Mangiatelo tutti insieme, però.
Entrambe mandarono un gemito quando fecero per sollevarlo. Me se lo portarono via. Oltre lo steccato una folla le circondò.
– Andiamocene da qua. Vi raccontiamo dopo.
– Ma come? – e tintinnarono le forche.
– Nessuno qua è uno stinco di santo – li persuase la vecchia Zina.

Di portare il melone furono incaricati gli uomini. Raccolte le mazze, facemmo tutti dietrofront. Inciampando e senza capirci nulla, avanzavamo immersi in un'afa densissima.
Arrivammo all'unico lampione acceso di notte. Stesa una tovaglia cerata su un vecchio ciocco, timorosi tagliammo il melone. Lo dividemmo in molte fette. La vecchia Zina, dopo essersi segnata, se ne infilò una nella bocca rugosa. Guardandola, gli altri la seguirono. La polpa scorreva sulla lingua e si scioglieva come ghiaccio al sole d'agosto.
Allora, balbettando, Lariska spiattellò tutto quello che aveva visto e saputo quel giorno nell'ultima casa in fondo. La vecchia Zina la corresse più volte. Tenendoci stretti l'uno all'altro, ascoltavamo tutti.

Потом разошлись по домам, качая головами. Днем все увидится по-другому.

***

Но среди ночи, в самый глухой час, загрохотал гром и влупило по крышам.

Повыскакивали в чем были, и вода по нам катится, смывает все. Босые мы, мокрые, волосы поприлипали – будто только родились и слова первые говорим: «– *Ты, Егор? – Ты, Ванек?*» – Не узнаём друг друга. «– *Тонька твоя? – И Лариса! Как Семен там?*» А когда проорут в ответ – узнаём; заново.

И под грозовой вспышкой видели, как шел Семен обратно в дом. Опираясь на жену, медленно переступал среди пузырившихся луж, будто брел по глубокой воде.

Дождь лил трое суток. И когда стали думать уже, что затопит нас, – вдруг перестал.

А Сему она выходила. Пять дней от койки его не отходила.

И снова шел он по дороге – прямой и важный. Издалека видно, Оксанин муж.

Poi tornammo ognuno a casa propria, scuotendo la testa. Al mattino sarebbe sembrato tutto diverso.

***

Ma nel bel mezzo della notte, nell'ora più profonda, un tuono prese a rimbombare e a sbattere sui tetti.
Saltammo fuori con addosso quello che avevamo e l'acqua ci scorreva lungo il corpo, lavando via tutto. Eravamo tutti scalzi, bagnati, coi capelli incollati – sembrava che fossimo appena nati e pronunciassimo le nostre prime parole: «*Sei tu, Egor? – Sei tu, Vanëk*?». Non ci riconoscevamo l'un l'altro. «*La tua Ton'ka? – E Larisa! Come va lì Semën?*». Ma appena in risposta cacciavamo un urlo, allora sì che ci riconoscevamo; di nuovo.
E sotto il bagliore del temporale vedemmo Semën tornare a casa. Appoggiandosi alla moglie, avanzava a passi lenti tra pozzanghere gonfie di bolle, come trascinandosi in acque profonde.
Piovve per tre giorni di fila. E quando ormai cominciavamo a pensare che ci avrebbe sommersi, smise di colpo.
Sëma guarì grazie a lei. Per cinque giorni non si allontanò dalla sua brandina.
E riprese a camminare per la strada: dritto e altero. Lo vedevi da lontano, il marito di Oksana.

Отзыв о рассказе

Александр Евсюков в рассказе «Ведьма» показывает соприкосновение рационального и иррационального, что поначалу не вызывает удивления, поскольку к этой теме литература всегда была неравнодушна, и к ней особенно чутко относится читатель, ведь чувство первородного, архетипического страха неистребимо даже в самом технологически продвинутом современном человеке. Тем и опасен этот сюжет: сыграть на страшной теме нетрудно, но сделать так, чтобы мы с той же силой, что и страх, ощутили и силу любви героев, и нарастающую тревогу, и даже запах деревенского огорода в знойный день, – это творческая задача не из легких.

Адександру Евсюкову блестяще удается увлечь нас в показанный им мир современной русской деревни, в котором есть место для чудесного и необъяснимого. Засуха, во все времена считавшаяся людьми, которых кормит земля, карой господней, становится органичной средой для развития тревожного сюжета рассказа. Язык автора, образы и символы так свежи и интересны, что к некоторым частям рассказа хочется вернуться и перечитать заново. Картина засухи предваряется «почерневшими помидорами, неподвижно свисавшими с кустов», молния-убийца на ночной реке «оранжевой дугой поднялась по голой ноге к животу и чуть не достала до сердца». Напрасное ожидание дождя в засушливые дни показано через круглую прореху в темном рваном облаке: «будто кто-то разглядывал нас сверху». Именно это ощущение присутствия всевидящего ока, неопределяемой, но всем очевидной силы и власти становится той нитью рассказа, на которую автор нанизывает сюжет, построенный на вечной теме: любовь побеждает смерть.

Елена Пастернак

Nota critica

Nel suo racconto *Strega* Aleksandr Evsjukov rappresenta il contatto tra razionale e irrazionale, cosa che sulle prime non suscita meraviglia poiché la letteratura ha sempre avuto un debole per questo tema, e verso di esso il lettore si dimostra particolarmente sensibile; in fondo, un sentimento di paura primordiale, archetipica, è inestirpabile anche nell'individuo più tecnologicamente avanzato di oggi. Proprio per questo la trama è rischiosa: giocare la carta vincente del tema pauroso non è difficile; invece, far sì che noi proviamo con la stessa potenza non soltanto la paura, ma anche la forza dell'amore dei personaggi, l'inquietudine che monta e persino l'odore di un orto di campagna in una giornata torrida, è un compito artistico non da poco.
Aleksandr Evsjukov riesce brillantemente a calarci nel mondo da lui rappresentato di un'odierna campagna russa, dove c'è spazio per il meraviglioso e l'inspiegabile. La siccità, ritenuta in tutte le epoche un castigo divino dalle persone che si nutrono dei frutti della terra, diventa un ambiente organico dove sviluppare l'inquietante trama del racconto. La lingua dell'autore, le immagini e i simboli sono così vividi e interessanti che in alcuni punti viene voglia di tornare indietro e leggerli di nuovo. L'immagine della siccità viene preannunciata da "pomodori anneriti [che] pendevano immobili dai cespugli", il fulmine assassino sul fiume notturno da "un arco arancione [che] le salì lungo la gamba nuda verso la pancia, e per poco non arrivò a toccarle il cuore". La vana attesa della pioggia nelle giornate di secca è rappresentata attraverso un buco rotondo in un'oscura nuvola lacerata: "come se qualcuno ci scrutasse dall'alto". Proprio questa percezione della presenza di un occhio onniveggente, di una forza e di un potere indefinibili ma evidenti a tutti diventa il filo del racconto con cui l'autore cuce la sua trama, che poggia su un tema eterno: l'amore vince sulla morte.

Elena Pasternak

Биография

Александр Евсюков родился в городе Щёкино Тульской области в 1982 году. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького 2007 года. Работал археологом, журналистом, охранником, грузчиком, администратором, менеджером по продажам и т. д.
Публиковался в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Homo Legens», «Вайнах», «Бельские просторы», в интернет-журналах «Кольцо А», «Пролог», «Процесс», в альманахах «Артбухта», «Тула», «Согласование времен», в сборниках «Где дом мой…», «В шесть часов вечера каждый вторник», «Крымский сборник. Путешествие в память», «Новые писатели-2013», «Поэтическая строка», в газетах «Литературная газета», «Литературные известия», «Интеллигент Санкт-Петербург» и других изданиях. Лауреат конкурсов малой прозы имени Андрея Платонова (2011), «Согласование времен»-2012, финалист Волошинского конкурса-2015.

Biografia

Aleksandr Evsjukov è nato a Ščëkino, nella provincia di Tula, nel 1982. Si è laureato presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij nel 2007. Ha lavorato come archeologo, giornalista, guardiano, scaricatore, amministratore, *sales manager* e altro.
È stato pubblicato sulle riviste "Družba narodov", "Den' i noč'", "Homo Legens", "Vajnach", "Bel'skie prostory"; sulle riviste *on line* "Kol'co A", "Prolog", "Process"; sugli almanacchi "Artbuchta", "Tula", "Soglasovanie vremen"; nelle raccolte *Dov'è la mia casa…*, *Alle sei di sera tutti i martedì*, *Raccolta crimeana. Viaggio nella memoria*, *Nuovi scrittori - 2013*, *Riga poetica*; sui giornali "Literaturnaja gazeta", "Literaturnie izvestija", "Intelligent Sankt-Peterburg" e in altre pubblicazioni. È vincitore dei concorsi di narrativa breve "Andrej Platonov" del 2011 e "Soglasovanie vremen" del 2012; finalista al "Vološinskij konkurs" del 2015.

Диана Ибрагимова

Перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Diana Ibragimova

Traduzione in italiano di Linda Torresin

ГЛУПЫЙ ВАНЬКА – НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тишина в Ванькиной голове никогда не менялась. Если закрыть глаза, она заполняла все вокруг пустотой и останавливала время. В такие моменты казалось, что мир замер, и в нем ничего не происходит. Но стоило приподнять веки, как жизнь продолжала движение: рябила на ветру черепица виноградных листьев, муравьи деловито тащили мертвую гусеницу, из трубы соседской бани вилась струйка дыма.

Стоял разгар июля. Сейчас бы сесть на велосипед и рвануть к речке или в горы – собирать на склонах первую землянику, а вместо этого приходилось с рассвета до заката ползать на корточках в огороде, обвязывая молодые, толщиной с мизинец, стволы груш и яблонь. Под рукавами потной рубашки щипало обгоревшее плечо. Ванька пыхтел, но не жаловался.

Отцовские руки, мозолистые и шершавые, как наждачная бумага, двигались быстро и ловко, надрезая у основания саженец дикой яблони и вставляя в белый ротик пореза щиток с культурной почкой, который Ваньке надлежало осторожно примотать. Тонкие полиэтиленовые полоски часто рвались. Иногда Ванька ронял щитки, и приходилось резать новые, но отец не сердился, потому что сам обвязывать не мог. На левой руке у него не доставало пальцев – отхватило станком три года назад. Указательный пришили, но ногтя на нем почти не было, а средний и безымянный так и остались коротенькими обрубками. Ваньку увечье не пугало, он часто поглядывал на отцовские ладони, ожидая, когда тот что-нибудь скажет.

Отец бросил незрелую ветку в кучу брака и поднялся, чтобы нарезать новых. Ванька тоже встал, с трудом разогнулся и гордо оглядел плоды недельной работы – полторы тысячи наряженных в ленточки саженцев, выстроившихся ровными рядами не хуже солдат на праздничном марше. Ванька представлял, что это раненные бойцы, а сам он – доктор, делающий перевязки. Правда, как ни бинтуй, приживутся и пойдут в рост по весне не все. Некоторые так и останутся дикарями, усыпанными звездами

VAN'KA LO SCEMO È UNA PERSONA NECESSARIA

Il silenzio nella testa di Van'ka non mutava mai. Chiudendo gli occhi, esso colmava l'ambiente d'un senso di vuoto e arrestava il tempo. In quegli istanti pareva che il mondo intero si fosse bloccato e nulla vi potesse più succedere. Ma bastava sollevare le palpebre perché la vita ricominciasse a muoversi: s'increspavano al vento le tegole dei vitigni, le formiche trascinavano indaffarate un bruco morto, dal tubo della vicina *banja* si levava serpeggiando un filo di fumo.
Si era in pieno luglio. Veniva voglia d'inforcare la bicicletta e fiondarsi al fiume o in montagna a raccogliere sui pendii le prime fragoline di bosco, e invece occorreva strisciare nell'orto, accovacciati, dall'alba al tramonto per legare i giovani fusti di meli e peri dello spessore di un mignolo. Sotto le maniche della camicia madida di sudore pizzicava parecchio la spalla bruciata. Van'ka sbuffava ma non si lamentava.
Le mani del padre, ruvide e callose come la carta vetrata, si muovevano con abile lestezza, incidendo alla base l'arboscello d'un melo selvatico e installando nella boccuccia biancastra del taglio uno scudetto con al centro una gemma, che Van'ka aveva il compito di legare cautamente. Le sottili strisce di polietilene si spezzavano spesso. Talvolta gli scudetti cadevano di mano a Van'ka e occorreva allora tagliarne di nuovi, ma il padre non se la prendeva, anche perché non poteva legarli da solo. Sulla mano sinistra gli mancavano delle dita: gliele aveva portate via un macchinario tre anni addietro. L'indice gliel'avevano ricucito, ma l'unghia era quasi completamente sparita, mentre del medio e dell'anulare non erano rimasti che degli striminziti moncherini. A Van'ka quella terribile mutilazione non faceva paura; anzi sbirciava spesso i palmi del padre, nell'attesa di una sua parola.
Il padre gettò nel mucchio degli scarti un ramo immaturo e si levò in piedi per tagliarne di nuovi. Anche Van'ka si alzò raddrizzandosi a fatica ed esaminò orgoglioso il frutto del lavoro settimanale: un migliaio e mezzo di arboscelli ornati con nastri e impilati in file omogenee non peggio dei soldati di una marcia festiva.
Van'ka se li immaginava come dei combattenti feriti, mentre lui era il dottore preposto alle medicazioni. Certo, potevi fasciarli e rifasciarli, ma non tutti avrebbero attecchito e sarebbero cresciuti

горьких бусинок-ранеток, но на ветках других через несколько лет нальются медовой прозрачностью крупные яблоки.
Ванька потер ноющую спину и посмотрел на небо. Ветер стал прохладным и свежим. Вот-вот должны были начать падать первые водяные бисерины. Хорошо бы скорее пошел дождь. Тогда можно будет забежать в дом и целый день разглядывать книжки с картинками. Отец в это время включал телевизор или брался за журналы, а вот Ванька читал плохо, хотя ему исполнилось уже двенадцать. В школу он перестал ходить во втором классе, после того как кто-то из ребят больно ударил его по ноге, чтобы посмотреть, правда ли он немой. С тех пор отец учил Ваньку сам, долгими зимними вечерами, но толку от этого было мало.
По ночам дом опускался в колодец тишины и оставался недвижимым, как огромный мертвый кит. Ванька часто просыпался, включал ночник и тревожно смотрел на спящего отца. Его грудь мерно вздымалась и опускалась. С тех пор, как похоронили деда, Ванька боялся, что когда-нибудь отец не проснется и оставит его одного в целом мире. Даже если приедет тетка Варя, Ванька не сможет с ней поговорить и написать ничего не сможет, потому что глупый и плохо знает буквы. Тетка Варя повозится с ним, а потом устанет и бросит, как бросила мать.
Дождь шел всю ночь, залечивая потрескавшуюся от зноя пыльную кожу земли. Рассвет мазнул румянцем восток, и новый день распахнул на мир красный от слез глаз солнца. Снова потекла привычным чередом работа от первых лучей до сиреневой темноты.
Пронесся июль, и наступил август. Сон мира стал длиннее на несколько часов. Ленивое светило дольше нежилось в облачной постели и не спешило доедать скопившуюся в низинах кашу тумана.
«Завтра яблочный спас, – жестами сказал отец. – Поедем на Красные горы».
«Звезды смотреть?» – обрадовался Ванька.
В ответ кивок и усталая улыбка, проложившая в уголках рта морщинки-серпы. Волосы отца серебрились, как ковыль, а усы были почти черными, густыми, и если их долго не подстригать, превращались в приют для хлебных крошек.

nel corso della primavera. Alcuni sarebbero rimasti selvatici, cosparsi delle stelle delle amarissime renette, ma sui rami degli altri di lì a qualche anno le grosse mele si sarebbero riempite di miele diafano.
Van'ka si strofinò la schiena dolente e volse lo sguardo al cielo. Il vento s'era rinfrescato. Da un momento all'altro sarebbero dovute cadere le prime perline d'acqua. Sarebbe stato stupendo se si fosse messo a piovere. Allora si sarebbe potuto correre in casa a guardare i libretti illustrati per l'intera giornata. Suo padre in quei momenti accendeva la televisione o sfogliava una rivista, ma Van'ka, che pure aveva già compiuto dodici anni, leggeva male. Aveva smesso di andare a scuola fin dalla seconda elementare, dopo che un ragazzino l'aveva colpito forte alla gamba per vedere se era davvero sordo. Da allora era il padre a dare lezioni a Van'ka durante le lunghe sere invernali, ma senza grandi risultati.
Di notte la casa scendeva nel pozzo del silenzio e rimaneva immobile come un'enorme balena morta. Van'ka si svegliava spesso, accendeva la lampadina e scrutava ansioso il padre addormentato. Il suo petto si sollevava e si abbassava con cadenza regolare. Da quando avevano seppellito il nonno, Van'ka temeva che il padre un bel giorno non si svegliasse più, lasciandolo tutto solo al mondo. Persino se fosse venuta zia Varja, Van'ka non avrebbe potuto parlarle né scriverle nulla, perché era scemo e conosceva male l'alfabeto. Zia Varja si sarebbe occupata di lui, ma poi si sarebbe stancata e l'avrebbe abbandonato, come aveva fatto sua madre.
La pioggia cadde tutta la notte, risanando la pelle polverosa della terra, screpolata dal solleone. L'alba spalmò d'un roseo colorito l'oriente, e il nuovo giorno spalancò sul mondo l'occhio del sole rosso di lacrime. Di nuovo fluì il lavoro con il suo ritmo consueto, dalle prime luci fino all'oscurità della notte.
Volò luglio e giunse agosto. Il sonno del mondo si allungò di qualche ora. Il pigrissimo astro poltriva nel suo letto di nuvole e non aveva alcuna fretta di mangiare il semolino di nebbia accumulatosi nei bassipiani.
– Domani è la Festa del Salvatore delle mele – disse il padre esprimendosi a gesti. – Andiamo a Krasnye Gory.
– A guardare le stelle? – si rallegrò Van'ka a gesti.

Ванька подбежал к окну. Далекий клин встрявшей между двумя лесами поляны пожелтел от цветущих подсолнухов, а на севере виднелись Уральские горы, сглаженные ладонью времени. Туда не доставал свет поселковых фонарей, огней вышек и фар машин, поэтому звезды казались ярче, а небо – ближе.

Отец дал соседке два ведра отборных яблок, а та испекла в сковороде пирог. Ванька сунул его в пакет, обмотал полотенцем и прижал к груди. Все летнее тепло собралось здесь – в круге пышного теста со сладкой начинкой. Жаркие дни, за которые яблоки набрали сахар, солнечный свет, превратившийся в янтарь сока, медовый аромат плодов.

А вечером поехали на самую высокую гору, расстелили старое одеяло и пили чай из самовара. Прощальный поцелуй заката подернулся дымной кисеей. Небо темнело, становился ярче белый круг луны. Ванька загадывал желания, ловя взглядом падающие звезды. Раньше он хотел новую игрушку или начать слышать. Потом велосипед, как у Володьки с соседней улицы, и научиться писать. А теперь Ванька просил, чтобы время остановилось. Навсегда застыло в этом душистом теплом вечере, где отец жив и здоров, где пахнет яблоками и не нужно думать о том, что случится потом – когда Ванька вырастет и останется один.

Плохие почки выбрасывали, тщедушные деревца выкапывали и сажали на их место новые, дикие кусты вырубали, а его – Ваньку – почему-то оставили таким, какой он есть. Когда у их кошки родился страшный котенок с тремя лапками, она бросила его, не став даже вылизывать. Ванькина мама тоже ушла, но были отец и дед. Время отняло деда и когда-то заберет отца, а потом и самого Ваньку. Хорошо бы остановиться сейчас, закрыть глаза, и чтобы тишина поймала весь мир в сачок, как рыбку, проглотила и спрятала в своей глубине.

А потом наступила осень, и стали приезжать люди. Ехали отовсюду – из ближних городов и сел, даже из Москвы и Питера, которые были очень-очень далеко. Каждый деть калитка открывалась и закрывалась много раз. Отец ходил по огороду, давал покупателям попробовать сочные поздние яблоки прямо с деревьев. Ванька знал

Per tutta risposta, un cenno del capo e quello stanco sorriso paterno che gli aveva aperto agli angoli della bocca delle grinze a forma di falce. I capelli del padre s'erano inargentati come la stipa, ma i baffi erano quasi neri, folti, e se non venivano frequentemente tagliati potevano trasformarsi in un covo di briciole.
Van'ka corse alla finestra. La radura lontana, infilata a cuneo tra due boschi, spiccava gialla coi suoi girasoli in fiore, mentre a nord si scorgevano gli Urali spianati dal palmo del tempo. Lì non arrivava la luce delle lanterne paesane, dei barbagli delle torrette e dei fari delle macchine, sicché le stelle parevano più luminose, e il cielo più prossimo.
Il padre diede alla vicina due secchi di mele scelte, e lei li impiegò per cuocere una torta in padella. Van'ka la ficcò in un sacchetto avvolto in un asciugamano e se la strinse al petto. Tutto il tepore dell'estate s'era qui raccolto nel cerchio di pasta fresca e soffice dal ripieno dolce. Giorni caldi in cui le mele avevano accumulato gli zuccheri, luce solare convertita in succo ambrato, frutti dal profumo di miele. Quella sera raggiunsero il monte più alto, stesero per terra una vecchia coperta e bevvero il tè dal *samovar*. Il bacio d'addio del tramonto fu velato da una garza di fumo. Il cielo s'andava oscurando, diveniva sempre più luminoso il cerchio bianco della luna. Van'ka esprimeva dei desideri seguendo con lo sguardo le stelle cadenti. Prima quello che voleva erano dei giocattoli nuovi o di cominciare a sentire. Poi aveva desiderato una bicicletta come quella di Volod'ka della via accanto, e d'imparare a scrivere. Ma ora Van'ka chiese che il tempo s'arrestasse. Che rimanesse per sempre bloccato a quella sera calda, fragrante in cui il padre era vivo e vegeto, in cui si spandeva tutt'attorno il profumo delle mele e non occorreva pensare a cosa sarebbe successo dopo, quando Van'ka sarebbe cresciuto restando solo.
Le gemme cattive si buttavano via, gli alberelli gracili si sradicavano per piantarne di nuovi, gli arbusti selvatici si potavano, ma chissà perché lui, Van'ka, l'avevano lasciato così com'era. Quando alla loro gatta era nato un gattino orribile con tre zampe, lei l'aveva abbandonato rifiutandosi perfino di leccarlo. Pure la mamma di Van'ka se n'era andata, ma c'erano comunque il padre e il nonno. Il tempo s'era portato via il nonno e un bel giorno avrebbe preso anche il padre, e poi Van'ka stesso. Sarebbe stato stupendo fermarsi ora, chiudere gli occhi, e lasciare che il silenzio catturasse il mondo intero nel suo retino come un pesce, ingoiandolo e celandolo nelle sue profondità.

все их названия. Вот это «курнаковское», а рядом с ним «соколовское», чуть дальше «память воина» и «Афродита». Люди ели, смотрели, много спрашивали, а отец рассказывал, советовал и продавал. Иногда он невольно переходил на язык жестов, и Ванька, прятавшийся где-нибудь в садовой будочке, мог различить пару-тройку слов.

Однажды, промозглым октябрьским утром, когда отец был на работе, ко двору подъехала женщина на зеленой пучеглазой машине, похожей на лягушку. Ванька как раз пил чай на кухне и заметил ее из окна. Женщина подошла к калитке и позвонила в звонок. Обычно, завидев покупателей, Ванька прятался и не выходил, пока они не уезжали. Но тут он вдруг представил, что отца навсегда нет. И никого нет. И есть один только Ванька.

Он оделся и вышел, дрожа от волнения. Женщина что-то сказала, но Ванька, конечно же, не понял. Он открыл ей калитку и впустил внутрь. Женщина была прехорошенькая, румяная и веселая. Ванька жестами показал ей, что не может слышать.

Покупательница сразу переменилась в лице, посмотрела на него очень внимательно, а потом достала из сумки блокнот и написала быстро-быстро крупными буквами: «Отец дома?»

Ванька помотал головой. Женщина вздохнула и нацарапала еще одно послание: «Мне нужны осенние яблони. Чтобы яблоки были крупные, вкусные. Сколько стоит саженец?»

Ванька сконфузился, взял ее за руку и повел к гаражу, на стене которого красовался рекламный щит с разными сортами и фотографиями. В конце августа Ванька сам лично лепил их на скотч к ДВП. Пока гостья раздумывала, он сбегал в сад и сорвал два яблока на пробу. Женщина попробовала, улыбнулась, закивала. Спросила: «Какой это сорт?» Ванька прочитал, потом ткнул пальцем в нужные фотографии.

«Беру оба», – написала покупательница.

Ванька зарделся, заскочил в гараж и вынул оттуда пакеты. Потом нашел нужные пучки прикопанных в песок саженцев. На каждом стволике белела бирка с названием,

Ma poi giunse l'autunno, e cominciò a venire gente. Arrivava da ogni luogo, dalle città e dai villaggi vicini, ma perfino da Mosca e Piter, che erano molto molto lontane. Ogni giorno il cancello s'apriva e si richiudeva molte volte. Il padre girava per l'orto, faceva provare ai clienti le succose mele tardive direttamente dagli alberi. Van'ka ne conosceva tutti i nomi. Ecco la varietà *kurnakov*, vicino c'era la *sokolov*, e un po' più in là *ricordo di guerra* e *Afrodite*. La gente mangiava, guardava, faceva molte domande, e il padre raccontava, consigliava e vendeva. Talvolta passava involontariamente alla lingua dei segni, e Van'ka, che s'era nel frattempo nascosto nella casetta in giardino, riusciva a distinguere due o tre parole.

Una volta, in un'umida mattina d'ottobre, mentre il padre era al lavoro, si presentò davanti al cortile una donna con una macchina verde dagli occhi sporgenti simile a una rana. Van'ka stava bevendo il tè in cucina e la scorse dalla finestra. La donna s'avvicinò al cancello e suonò il campanello. Di solito, alla vista dei clienti, Van'ka si nascondeva e non usciva finché non se n'erano andati. Ma ora s'immaginò d'un tratto che il padre non ci fosse più. Che non ci fosse nessuno. Che ci fosse soltanto Van'ka.

Si vestì e uscì tremando d'agitazione. La donna disse qualcosa ma Van'ka ovviamente non capì. Le aprì il cancello e la fece entrare. La donna era davvero carina, così rosea e allegra. Van'ka le spiegò a gesti che non poteva sentire. La cliente cambiò subito in volto, gli lanciò uno sguardo cauto, e poi estrasse dalla borsa un taccuino e scrisse veloce veloce a grandi lettere: *Tuo padre è in casa?*

Van'ka scosse il capo. La donna sospirò e scarabocchiò un altro messaggio: *Mi servirebbero dei meli autunnali con mele grosse, buone. Quanto costa un arboscello?*

Van'ka si turbò, la prese per mano e la condusse al garage, sul cui muro faceva bella mostra di sé un cartellone pubblicitario con tutte le varietà debitamente fotografate. Era stato Van'ka ad attaccarle al pannello con lo scotch alla fine di agosto. Mentre l'ospite rifletteva, filò in giardino e colse due mele per fargliele provare. La donna le provò, sorrise, annuì. Gli domandò: *Che varietà è questa?*

Van'ka la lesse, quindi additò le fotografie corrispondenti.

Le prendo entrambe scrisse la cliente.

Van'ka arrossì e volò in garage a recuperare dei sacchetti. Poi trovò i fasci degli arboscelli richiesti, che erano stati interrati nella sabbia. Su ogni fusto biancheggiava una targhetta con il nome; Van'ka

и Ванька трижды перечитал, боясь ошибиться. Он сунул корни в корыто с грязью, чтобы они не засохли, потом упаковал деревца и дал женщине, а она протянула ему новенькие пятьсот рублей.

Потом Ванька еще долго стоял во дворе под промозглым октябрьским небом и смотрел на дорогу за забором из сетки. Он представил, как вечером отдаст купюру отцу, и ему стало жарко, а губы сами собой расплылись в улыбке. Он понял, что нужен людям даже такой, немой и немного глупый. И когда отца заберет время, покупатели буду приезжать к Ваньке, а он станет угощать их вкусными яблоками, грушами и виноградом. Вот только научиться бы писать. Вдруг они подумают, что он глупый, совсем не такой, как отец, и перестанут приезжать.

la lesse tre volte per timore di sbagliarsi. Ficcò quindi le radici in un mastello assieme al fango, in modo che non si rinsecchissero, poi imballò l'alberello e lo diede alla donna, e quella gli porse cinquecento rubli nuovi di zecca.
Poi Van'ka se ne stette ancora a lungo in cortile sotto l'umido cielo ottobrino, con gli occhi fissi sulla strada che si protendeva oltre la rete del cancello. S'immaginò come avrebbe dato la banconota al padre quella sera, e s'infervorò tutto, e le sue labbra s'allargarono in un sorriso. Aveva capito che alla gente serviva anche uno così, muto e un po' scemo. E quando il tempo si sarebbe portato via il padre, i clienti sarebbero venuti da Van'ka, e lui avrebbe offerto loro uva, mele e pere buonissime. Soltanto che bisognava imparare a scrivere. Altrimenti avrebbero pensato che lui non era come il padre, che era scemo, e avrebbero smesso di venire.

Отзыв о рассказе

Диана Ибрагимова родилась в башкирском городе Кумертау, что расположен у подножия Южного Урала, почти на границе республики Башкортостан и Оренбургской области. Ей двадцать три года, год назад она закончила Московский государственный университет технологий и управления имени Разумовского, получила специальность дизайнера. Живет в горняцком поселке Маячный, в семнадцати километрах от Кумертау. Вот, собственно, и все, что мы о ней знаем.

Впрочем, чтобы хорошо писать, не обязательно иметь богатую, насыщенную событиями биографию. Достаточно пристально вглядываться в обыкновенную жизнь, которая разворачивается рядом с тобой. И иметь отзывчивое сердце. А вот этим как раз Диана обладает в полной мере. Рассказ «Глупый Ванька – нужный человек» – о ребенке, как мы сегодня сказали бы, «с ограниченными возможностями». Врожденная глухота порождает в Ванькиной душе немало страхов, особенно перед будущей самостоятельной жизнью, но не мешает ему чувствовать красоту и смысл окружающего его молчаливого мира. В этом мире ищет он свое место, и мы верим, что все у Ваньки получится, и станет он в итоге нужным другим людям человеком.

Нина Литвинец

Nota critica

Diana Ibragimova è nata nella città di Kumertau, ai piedi degli Urali meridionali, quasi al confine tra la repubblica di Baschiria e l'*oblast'* di Orenburg. Ha ventitré anni; un anno fa ha terminato l'Università Statale di Tecnologia e Gestione "K.G. Razumovskij" di Mosca, specializzandosi in *design*. Vive a Majačnyj, paesetto di minatori a diciassette chilometri da Kumertau. Questo è tutto ciò che sappiamo di lei.
D'altronde per scrivere bene non serve vantare una ricca biografia, satura di avvenimenti. È sufficiente osservare la vita abituale che ti si spiega accanto. E inoltre avere un cuore sensibile, cosa che Diana possiede in somma misura. Il racconto *Van'ka lo scemo è una persona necessaria* parla di un bambino «dalle capacità limitate», come diremmo noi oggi. La sordità congenita fa nascere nell'animo di Van'ka molteplici paure di fronte al proprio futuro e alla propria autonomia, eppure non gli impedisce di assaporare tutta la bellezza e il senso del mondo muto che lo circonda. In tale mondo Van'ka cerca il proprio posto, e noi crediamo che alla fine lo troverà, divenendo così una persona *necessaria* agli altri.

Nina Litvinec

Биография

Диана Ибрагимова родилась в городе Кумертау, Башкортостан. Писать начала с ранних лет, печаталась в местных газетах и литературных сборниках. Окончила Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г Разумовского по специальности «дизайн». Участвовала в литературных конкурсах. Рассказ «Гробовщик» опубликован в литературном приложении журнала «Мир Фантастики», сказка «Один день весны» вышла в сборнике «Новые детские сказки».

Biografia

Diana Ibragimova è nata a Kumertau, in Baschiria. Inizia a scrivere fin da giovanissima e pubblica i suoi lavori in vari quotidiani locali e raccolte letterarie. Ha terminato l'Università Statale di Tecnologia e Gestione "K.G. Razumovskij" di Mosca, specializzandosi in *design*. Ha partecipato a numerosi concorsi letterari. Il suo racconto *Il fabbricante di bare* è stato ospitato nell'appendice letteraria della rivista "Il Mondo della Fantascienza", mentre la favola *Un giorno di primavera* è uscita nella raccolta *Nuove favole per bambini*.

Татьяна Шабаева

Перевод на итальянский язык Марты Валери

Tat'jana Šabaeva

Traduzione in italiano di Marta Valeri

ГРОШИ

– В церкву бы сходить, – тетя Поля, вздыхая, вытерла кончиком линялого грязного платка слезящиеся глаза.

Малость и кротость этого желания обожгли Марину. Она помнила тетю Полю старухой не столько суровой, сколько без зазрения прижимистой. Еще лет пятнадцать назад тетя Поля держала коз, и скверное их молоко, которое зачем-то покупали для больной Марининой мамы, воняло шерстью. Она держала и кур, и Маринина бабушка без крайней необходимости избегала брать яйца «у Полины», как неизменно, на протяжении полувека, называла она свою соседку. Полина не упускала случая присовокупить к своему хозяйству хоть малую толику: вытаскивала объедки из общественных мусорных баков – сгодятся собаке и поросенку; выгнав коз пастись, остерегаясь, чтоб не увидали, не прознали место, украдкой искала в траве грибы-шампиньоны; и никогда она не снижала цену на свои неказистые огурцы, оставаясь, если придется, на базаре с раннего утра и до самого трехчасового закрытия. Маринина бабушка, которая охотно раздавала товар за гроши и за так, лишь бы не торчать на рынке после полудня, презирала за это Полину, но по совокупности немудрящая тактика приносила плоды: Полина жила побогаче многих, хотя и ходила всегда в сером латаном халате и в платке вот таком же, как сейчас: ситцевом голубоватом и грязном, а иногда – коричневатом шерстяном. Но у нее первой на улице появился импортный гарнитур-стенка, и мягкие кресла, и, главное, цветной телевизор, а сын ее Иван работал в ГАИ, и у него давным-давно был отдельный каменный дом, и даже в советское время была машина. Нет, они жили небедно.

И вот сейчас эта скупая скрытная старуха, к которой двадцать лет назад, когда перегорел кинескоп у их старенького «Горизонта», Марина, стыдясь, приходила с бабушкой глядеть мексиканские жалостные фильмы по цветному телевизору, смотрела на нее, моргая слезящимися голубыми глазами, и шептала: «В церкву бы сходить… Уж сколько лет не была…»

SPICCIOLI

– Quanto andrei in chiesa – zia Polja si asciugò con un sospiro gli occhi lacrimanti con l'angolo del fazzoletto sporco e sbiadito.
La piccolezza e la semplicità di quel desiderio colpirono Marina. Ricordava la zia Polja non tanto come una vecchia austera, quanto come una spilorcia senza vergogna. Già quindici anni prima la zia Polja aveva delle capre e chissà perché compravano per la mamma di Marina, che era malata, il loro pessimo latte che puzzava di borra. Aveva anche delle galline e la nonna di Marina, se non in casi di estrema necessità, evitava di prendere le uova "da Polina", come invariabilmente per mezzo secolo aveva chiamato la sua vicina. Polina non perdeva occasione di aggiungere alle proprie provviste foss'anche una minima briciola: tirava fuori dalle pattumiere pubbliche avanzi buoni giusto per i cani e i maiali; quando portava le pecore al pascolo, badando che non la vedessero e non scoprissero il punto esatto, di nascosto cercava nell'erba i funghi; non abbassava mai il prezzo dei suoi impresentabili cetrioli, rimanendo, se necessario, al mercato dalla mattina presto fino alla chiusura delle tre. La nonna di Marina, che dava via volentieri la merce per due spiccioli pur di non essere costretta a ciondolare al mercato dopo mezzogiorno, disprezzava Polina per questo, ma in fin dei conti quella semplice tattica dava i suoi frutti: Polina viveva più agiatamente di molti, sebbene andasse sempre in giro con un caffettano grigio rattoppato e un fazzoletto come quello di adesso: di cotonina, bluastro e sporco o a volte di lana marroncina. Ma fu da lei – prima su tutta la via – che arrivarono una credenza d'importazione e poltrone soffici e, soprattutto, un televisore a colori; suo figlio Ivan lavorava alla stradale e già dalla notte dei tempi possedeva una casa di pietra indipendente, e perfino in epoca sovietica aveva una macchina. No, non vivevano da poveri.
Ed ecco che quella taccagna abbottonata, a casa della quale venti anni prima – quando era andato a fuoco il cinescopio del loro attempato "Horizon" – Marina andava (vergognandosi) insieme alla nonna a vedere i film sentimentali messicani sul televisore a colori, adesso la

– А что ж вы не сходите? – брякнула она неловко, не зная, что делать и что сказать, чтобы было и не слишком много, и не слишком мало.
– Да я вить и не дойду сейчас… ноги еле ходят, – прошептала тетя Поля, и Марина словно тотчас увидела, какой старой – да, вот сейчас уже действительно старой стала их соседка.
– Ну, вы бы, тетя Поля, такси взяли, – пробормотала она. – Тут ведь рядом совсем, с вас недорого возьмут, – прибавила она снова с неловкостью, вспоминая прежнюю тетю Полю.
Тетя Поля вдруг тяжело шагнула вперед и вцепилась рукой в хлипкую сетку, разделявшую их огороды. Лицо ее, мягкое, полустертое, поплыло в жалкой гримасе:
– Да вить не дает мне Иван денег… Пенсию-то он мою всю на себя перевел, я подписала ему, чтобы он получал за меня. Деньги ему нужны, он сыну, Женьке, дом построил и сейчас еще один строит. А мне говорит: тебе, мать, говорит, деньги не нужны, ты на что-нибудь потратишь, а если что нужно привезти – ты мне скажи, я тебе привезу… Я ему намедни говорю: мне бы в церкву сходить, а он – да ну зачем тебе… Так-то он хороший, Иван, – вздохнула она, отступая на шаг. – Продукты привозит всегда, это я не скажу, что не привозит. Продукты у меня есть. – И она покачала головой, уже не глядя на Марину и готовясь уйти.
– Те… тетя Поля! – чуть не закричала Марина. – Вы подождите меня здесь, пожалуйста. Подождите минуту всего. Я сейчас приду.
Она побежала в дом. Сердце у нее саднило. Она вспомнила сытого кучерявого Ивана и сына его, Женьку, такого же кудрявого и мордатого, которого знала она мальчишкой-подростком, парой лет ее старше. Эх… Нет, не то. Бог с ними. Она схватила кошелек.
Солнце уже садилось над тетиполиным запущенным огородом. Да он никогда и не был ухоженным; строго функциональным – картошка-лук-огурцы – был много лет, а ухоженным – никогда, как и сама тетя Поля, как и небедное, но неуютное ее жилище. Но только в прошлом году, вспомнилось Марине – или в позапрошлом? как-то она не заметила – этот участок земли впервые остался праздным, невскопанным и незасеян-

guardava ammiccando con gli occhi lacrimanti e sussurrava: “Quanto andrei in chiesa... da quanti anni non ci vado...”.
– E perché non ci va? – buttò lì impacciata, non sapendo che cosa fare e che cosa dire, che non fosse troppo o troppo poco.
– Che poi adesso nemmeno ci arrivo... a malapena cammino – sussurrò la zia Polja, e Marina era come se vedesse solo in quel momento quanto fosse vecchia: sì, adesso si era fatta davvero vecchia la loro vicina.
– Be’, zia Polja, potrebbe prendere un taxi – mormorò. – È proprio qui vicino, non costa tanto – aggiunse con imbarazzo ricordandosi della zia Polja di una volta.
La zia Polja ad un tratto fece con difficoltà un passo avanti e si aggrappò con la mano alla fragile rete che divideva i loro orti. Il suo viso, cadente, raggrinzito, si contorse in una smorfia:
– Che poi Ivan i soldi neanche me li dà... si è preso tutta la mia pensione, sono stata io a firmare perché la ricevesse lui al posto mio. I soldi servono a lui, ha costruito una casa al figlio, a Žen’ka e adesso ne costruisce un’altra. E mi dice: a te, madre, dice, i soldi non ti servono, li spendi chissà come. Tu me lo dici e io te li porto... e l’altro giorno gli dico: vorrei andare in chiesa e lui: ma a che ti serve... È così buono Ivan – sospirò, indietreggiando di un passo. – La spesa me la porta sempre, non dico mica che non la porta. La spesa ce l’ho. – E scrollò la testa senza più guardare Marina e fece per andarsene.
– Zi... Zia Polja! – quasi gridò Marina. – Mi aspetti qui per favore. Aspetti solo un minuto. Torno subito.
Corse in casa. Aveva il cuore in fiamme. Si ricordò del grasso e riccioluto Ivan e di suo figlio, Žen’ka, ricciuto e con la faccia grassa come il padre, che aveva conosciuto da adolescente, di un paio di anni più grande di lei. Eh... Ma no, lasciamo perdere. Affari loro. Afferrò il borsellino.
Il sole era già tramontato sull’orto trascurato della zia Polja. Eh già, non era stato mai ben tenuto; per molti anni era stato assolutamente funzionale: patate-cipolle-cetrioli, ma ben tenuto mai, così come la stessa zia Polja, come il suo alloggio, ben rifornito ma poco accogliente. Solo l’anno prima, si ricordò Marina, – o due anni fa? – chissà come si era accorta che quel

ным. Солнце садилось, пуская сбоку ласковые свои лучи, и старуха, опираясь на палку, смотрела на Марину из-под руки.
– Вот, возьмите, пожалуйста, тут двести рублей, – Марина неловко протянула деньги через ограду. – С вас до церкви таксист возьмет, самое большее, пятьдесят, да вы попросите его потом за вами приехать, и еще на свечки останется, и на поминанье, возьмите… – тараторила она уже увереннее, уже радуясь своему плану и доброму намеренью, уже с полным чувством, что поступает правильно.
Старуха в линялом платке, мигая голубыми глазами, придвинулась и приняла бумажки из ее рук.
– Дай бог тебе здоровья, Мариночка, – умиленно выговорила она. – Дай бог здоровья.
И, уже разворачиваясь медленно, налегая на свою неудобную самодельную подпорку, прибавила:
– А Иван – он вообще-то хороший. Он хороший, Иван… Продукты мне привозит всегда.
– Дай вам бог здоровья, – от души пожелала ей вслед Марина.
Весь день у нее было умиленное и размягченное настроение, не раз она мыслями возвращалась к тете Поле, и было ей хорошо. И лишь неделю спустя, уже в другом и далеком городе, где не было ни тети Поли, ни бабушки, ни ее детства, она вспомнила свой разговор с тяжело опиравшейся на палку старухой, и вдруг волна стыда накрыла ее. «Да ведь она никогда в жизни не вызывала такси, – с неизвестно откуда взявшейся яростной убежденностью думала Марина. – Она и знать не знает, как это делается. У нее и номеров-то нет, по которым можно вызвать. Она, – пришло ей на ум с холодной отчетливостью, – никуда не поедет». И Марина ругала себя, что не проследила, не выписала эти злосчастные номера крупными буквами на бумажку, не набрала номер своими руками, не собрала и не проводила тетю Полю в церковь… Дело осталось несделанным, она только сейчас это поняла, и в душевной складке, где прежде дремало теплое умиление, водворилась холодная тоска, и Марина, хотя не было к тому никакой особенной причины, беспокоилась и не находила себе места в большом далеком городе, где она почти никого не знала и ее почти никто не знал.

pezzetto di terra per la prima volta era rimasto incolto, non arato e non seminato. Il sole era tramontato, facendo filtrare di traverso i suoi raggi carezzevoli, e la vecchia, appoggiandosi al bastone, guardava Marina da sotto la mano.
– Ecco, prenda, la prego, qui ci sono duecento rubli. – Marina impacciata porse i soldi attraverso il recinto. – Il tassista fino alla chiesa gliene prenderà al massimo cinquanta, e lei gli chieda di tornare a prenderla e ne rimarranno anche per le candele e per la messa di suffragio, prenda... – cicalò già più sicura, già compiaciuta del suo piano e delle sue buone intenzioni, già con una certa sensazione di fare la cosa giusta.
La vecchia con il fazzoletto sbiadito, sbattendo gli occhi azzurri, si avvicinò e prese il denaro dalle sue mani.
– Che Dio ti protegga, Marinuccia – ripeteva commossa. – Che Dio ti protegga.
E, già voltandosi lentamente, facendo forza sul suo scomodo sostegno casalingo, aggiunse:
– Però Ivan non si può dire che non sia buono. È buono Ivan... La spesa me la porta sempre.
– Che dio la protegga – le augurò con tutto il cuore Marina di rimando.
Per tutto il giorno si sentì commossa e intenerita, tornò spesso con i pensieri alla zia Polja e questo le faceva bene. Solo una settimana più tardi, in un'altra città lontana dove non c'erano né la zia Polja, né la nonna, né la sua infanzia, si ricordò del suo discorso con la vecchia che si appoggiava pesantemente al bastone e all'improvviso un'ondata di vergogna la investì. "Ma dopotutto lei non ha mai chiamato un taxi in vita sua" pensò con una cieca convinzione che le veniva da chissà dove. "Non può nemmeno sapere come si fa. E non ha neanche i numeri per chiamarlo. Non andrà da nessuna parte". Il pensiero le passò per la testa con fredda lucidità. E Marina se la prese con se stessa per non aver controllato, per non aver appuntato quei maledetti numeri a caratteri cubitali su un foglietto, per non aver composto il numero con le sue stesse mani, per non aver preso e accompagnato la zia Polja in chiesa... Era rimasto tutto in sospeso, lo capiva solo adesso e nelle pieghe dell'animo, dove prima sonnecchiava una tiepida commozione, si era insediata una fredda angoscia e Marina, seppur senza una ragione particolare, si agitò e non riusciva a trovare pace nella grande città lontana dove non conosceva quasi nessuno e quasi nessuno la conosceva.

Отзыв о рассказе

После прочтения рассказа Татьяны Шабаевой вспомнились строки стихотворения Тютчева «Русской женщине»:

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

Внешне, с высоты птичьего полета, судьба тёти Поли, главной героини рассказа, вполне укладывается в смысловое содержание этих строк. Действительно, скудость впечатлений и устремлений, радостей и благ превращают ее существование в незаметное и ничтожное. Но при ближайшем рассмотрении жизнь старухи, испытывающей на пороге ухода из нашего мира желание «в церкву сходить», исполнена скрытого драматизма. На пространстве нескольких страниц автор сумел раскрыть этот внутренний драматизм обыденности с помощью скупых выразительных средств, используя искусно отобранные бытовые штрихи и детали, короткие диалоги с выразительными речевыми характеристиками. И в тексте, и в подтексте ему удалось показать, какой ценой добываются одной из русских женщин «гроши» для обеспечения материального преуспевания сына (чтобы «как у людей»), беззастенчиво и неблагородно эксплуатирующего ее материнские чувства. Из убожества жизни просвечивает жертвенная любовь, которая заставляет и рассказчицу задуматься о том, насколько искренним или формальным был ее душевный порыв не до конца доведенного доброго дела.

Борис Тарасов

Nota critica

Dopo aver letto il racconto di Tat'jana Šabaeva mi sono venuti in mente questi versi della poesia di Tjutčev *Alla donna russa*:

> E invisibile passerà la tua vita,
> In un angolino anonimo e deserto,
> In una terra dimenticata, –
> Come una nuvola di fumo svanita
> Nel cielo nebbioso e coperto,
> Nella caligine autunnale sconfinata…

Dall'esterno, dall'altezza di un volo d'uccello, il destino di zia Polja, protagonista del racconto, si attaglia appieno al significato racchiuso in questi versi. Davvero la penuria di sensazioni e aspirazioni, gioie e fortune trasformano la sua esistenza in un nulla oscuro. Ma a uno sguardo più ravvicinato la vita dell'anziana donna che, a un passo dal lasciare il nostro mondo sente il desiderio di "andare in chiesa", è intrisa di un dramma nascosto. Nello spazio di qualche pagina l'autrice è riuscita a dischiudere questo dramma interiore della quotidianità con l'aiuto di scarni mezzi espressivi, utilizzando sapientemente tratti e dettagli quotidiani, brevi dialoghi caratterizzati da una notevole espressività. Sia nel testo che nel sottotesto gli è riuscito di mostrare a quale prezzo una donna russa riesca a racimolare gli "spiccioli" per garantire la prosperità materiale del figlio (perché sia "come si deve"), che spudoratamente e senza alcuno scrupolo sfrutta i suoi sentimenti materni. Da una vita squallida filtra un amore sacrificale, che costringe anche la narratrice a soffermarsi col pensiero su quanto sincero o formale sia stato l'impeto incompiuto della sua buona azione.

Boris Tarasov

Биография

Татьяна Шабаева родилась в Казани. Окончила Елабужский педагогический университет по специальности «Русская и английская филология». Работала журналистом в ряде изданий, как писатель публиковала сказки на интернет-сайтах «Материнство» и «Самиздат».

Biografia

Tat'jana Šabaeva è nata a Kazan'. Si è laureata presso l'Università Pedagogica di Elabuga in Lingua russa e inglese. Ha lavorato come giornalista per diverse testate e come scrittrice ha pubblicato alcuni racconti sui siti "Materinstvo" e "Samizdat".

Giovani traduttori italiani
Молодые итальянские переводчики

Francesca Gasparini è nata a Montebelluna (Treviso) nel 1988. Dopo la laurea triennale a Ca' Foscari, nel 2015 ha conseguito il titolo di dottoressa magistrale in Traduzione e mediazione culturale all'Università di Udine, presentando una traduzione dal russo di alcuni testi di Lidija Ginzburg. Impiegata aziendale di giorno, lettrice e traduttrice di notte, colleziona vecchie traduzioni italiane di romanzi russi non più in commercio.

Франческа Гаспарини родилась в Монтебеллуне (Тревизо) в 1988 году. Окончила трехгодичный курс в Университете «Ка' Фоскари», в 2015 году завершила высшее образование в Университете г. Удине по специальности «перевод и посредничество между культурами». Ее дипломная работа представляет собой перевод сочинений Лидии Гинзбург. Днем работает служащей, ночью читает и переводит, коллекционирует букинистические издания – старые переводы русских романов на итальянский язык.

Amedeo Pagliaroli (Latina, 1988) si è formato all'Università La Sapienza di Roma, dove ha conseguito la laurea in Scienze letterarie e della traduzione. Ha arricchito i suoi studi con diversi soggiorni in Russia, tra cui un semestre presso l'Università di Irkutsk. I suoi ambiti di ricerca sono i rapporti letterari e culturali tra Italia e Russia (in particolare l'opera di P. Muratov) e la letteratura russa contemporanea (D. Prigov). Ha all'attivo articoli su questi temi e alcune traduzioni.

Амедео Пальяроли родился в Латине в 1988 году. Окончил Римский университет «Ла Сапьенца» по специальности «литературоведение и перевод». Неоднократно стажировался в России, проучился один семестр в Иркутском университете. Занимается исследованием литературных и культурных связей между Италией и Россией (в частности, творчеством Павла Муратова), а также современной литературы (Дмитрий Пригов). Автор ряда научных статей и переводов.

Lidia Perri è nata a Chivasso (Torino) nel 1990. Durante il percorso degli studi si è concentrata sulle lingue e letterature russa e inglese, perfezionando la sua formazione in università estere. Vincitrice nel 2012 del bando MAE-CRUI, ha collaborato con l'Istituto Italiano di Cultura di Mosca. In seguito si è dedicata anche ad attività di insegnamento presso enti privati. Nel 2015 ha conseguito la laurea magistrale in Traduzione presso l'Università di Torino con una tesi su Venedikt Erofeev.

Лидия Перри родилась в Кьявассо (Турин) в 1990 году. В годы учебы изучала русский и английский языки и соответствующие литературы, стажировалась за рубежом. В 2012 году выиграла конкурс, организованный МИД Италии и фондом Конференции ректоров итальянских университетов, получив возможность поработать в Итальянском институте культуры в Москве. Преподавала в частных компаниях. В 2015 году завершила высшее образование в Туринском университете по специальности «перевод». Ее дипломная работа посвящена творчеству Венедикта Ерофеева.

Linda Torresin è nata a Cittadella (Padova) nel 1986. Risiede a Venezia, dove nel 2011 si è laureata con lode in Lingue e letterature europee, americane e postcoloniali presso l'Università Ca' Foscari. Nel 2016 ha conseguito un dottorato di ricerca in Lingue, culture e società moderne presso la medesima università, con una tesi sul romanzo di Fëdor Sologub *Tjažëlye sny* (*Sogni grevi*). Ha partecipato con relazioni a numerosi convegni in Italia e all'estero ed è autrice di vari articoli e traduzioni. L'insegnamento è la sua vera passione, a cui si dedica già da qualche anno. Tra il 2011 e il 2014 ha insegnato Lingua italiana a Mosca. Dal 2012 tiene corsi aziendali di russo, inglese, italiano per stranieri e collabora con numerose scuole come docente *online*.

Линда Торрезин родилась в г. Читтаделле (Падуя) в 1986 году. Живет в Венеции, в 2011 году окончила с отличием Венецианский университет «Ка' Фоскари» по специальности «европейские, американские и постколониальные языки и литературы». В 2016 году в том же университете окончила докторантуру по специальности «современные языки, культуры и общества», защитила диссертацию о романе Федора Сологуба «Тяжелые сны». Неоднократно принимала участие в научных конференциях в Италии и за рубежом, автор научных статей и переводов. Ее призвание – преподавательская работа, которой она занимается последние несколько лет. В 2011–2014 году преподавала итальянский язык в Москве. С 2012 года преподает русский и английский языки, а также итальянский как иностранный, сотрудничает с языковыми школами, проводит уроки online.

Marta Valeri è nata nel 1982 a Viterbo, dove vive. Laureata presso l'Unitus (Viterbo) con il massimo dei voti e dignità di stampa, ha curato per Bulzoni la traduzione delle *Lettere a uno scrittore* di M.M. Zoščenko. Dal 2010 collabora con l'ateneo ed è docente a contratto di Lingua e letteratura russa. Ha approfondito la conoscenza del russo con diversi soggiorni a Mosca, tra cui uno nel 2014 con una Borsa MIUR, conseguendo il terzo livello TRKI. Dal 2015 è dottore di ricerca in Storia e cultura del viaggio e dell'odeporica in età moderna.

Марта Валери родилась в 1982 в Витербо, где и проживает в настоящее время. Окончила с отличием Университет Тушии в Витербо, дипломная работа рекомендована к публикации. Перевела для издательства «Бульцони» «Письма к писателю» М. Зощенко. С 2010 года преподает в Университете Тушии русский язык и литературу. Неоднократно стажировалась в Москве, в том числе в 2012 году по стипендии итальянского Министерства образования, университетов и научных исследовании. С 2015 года обучается в докторантуре по специальности «история и культура путешествий и одепорики в современную эпоху».

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

4 Associazione Conoscere Eurasia

7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

9 ALMANACCO LETTERARIO 7

10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

13 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

14 Raduga

16 Albo d'oro del Premio Raduga

24 Giuria italiana

27 Giuria russa

31 GIOVANI NARRATORI ITALIANI

33 Iacopo Barison *Cinemascope*
Traduzione in russo di Anna Lentovskaja

49 Maria Gaia Belli *Limen*
Traduzione in russo di Jana Ar'kova

59 Pier Franco Brandimarte *La caccia agli uccelli nell'Italia centrale*
Traduzione in russo di Ksenija Vorob'jova

5 Ассоциация «Познаём Евразию»

6 Литературный институт имени А.М. Горького

9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 7

11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

12 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубжной литературы

15 «Радуга»

17 Победители и финалисты Премии «Радуга»

24 Итальянское жюри

27 Российское жюри

31 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

33 Якопо Баризон *Кинескоп*
Перевод на русский язык Анны Лентовской

49 Мария Гайя Белли *Limen*
Перевод на русский язык Яны Арьковой

59 Пьер Франко Брандимарте *Охота на птиц в центральной Италии*
Перевод на русский язык Ксении Воробьевой

73 Pietro Federico *So cosa vi affligge*
Traduzione in russo di Diljara Tuiševa

87 Andrea Giovanni Taietti *Bianco di felicità*
Traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

97 *Giovani traduttori russi*

103 GIOVANI NARRATORI RUSSI

105 Aleksej Artem'ev *Gelatina e vodka*
Traduzione in italiano di Francesca Gasparini

121 Evgenija Dekina *Il basamento*
Traduzione in italiano di Lidia Perri

135 Aleksandr Evsjukov *Strega*
Traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

155 Diana Ibragimova *Van'ka lo scemo è una persona necessaria*
Traduzione in italiano di Linda Torresin

169 Tat'jana Šabaeva *Spiccioli*
Traduzione in italiano di Marta Valeri

179 *Giovani traduttori italiani*

73 Пьетро Федерико *Я знаю, что вас терзает*
Перевод на русский язык Диляры Туишевой

87 Андреа Джованни Тайетти *Белый – цвет счастья*
Перевод на русский язык Ольги Никитиной

97 *Молодые российские переводчики*

103 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

105 Алексей Артемьев *Кисель и водка*
Перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

121 Евгения Декина *Фундамент*
Перевод на итальянский язык Лидии Перри

135 Александр Евсюков *Ведьма*
Перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

155 Диана Ибрагимова *Глупый Ванька – нужный человек*
Перевод на итальянский язык Линды Торрезин

169 Татьяна Шабаева *Гроши*
Перевод на итальянский язык Марты Валери

179 *Молодые итальянские переводчики*

Almanacco letterario 7
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di maggio 2016
da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 7
Издательство «Познаём Евразию»
напечатан в мае 2016 года
Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5,
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия.

CASA RUSSA IN VERONA
РУССКИЙ ДОМ В ВЕРОНЕ

conoscere Eurasia

федеральное агенство по печати и массовым коммуникациям

Литературный институт им. А.М.Горького

con il sostegno di

БАНК ИНТЕЗА
МИР ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

mashfrog

con la partecipazione di

ФОНД РУССКИЙ МИР

РОССОТРУДНИЧЕСТВО